

ISSN 3034-6827

Современная гуманитаристика

Научный журнал

Modern humanities

Scientific journal

Хальхи гуманитаристика

Аслаләх журналё

Т. 1. № 2
2025

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Современная гуманитаристика

2025. Том 1. № 2

Научный журнал

ISSN 3034-6827

Учредитель:

Бюджетное научное учреждение Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики

Адрес редакции и издателя:

428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

Издается с 2025 г.

Выходит 4 раза в год

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Сайт: <https://chgign.ru/p/sovyemyennaya-gumanitaristika.html>

НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ЖУРНАЛА

5.6. *Исторические науки*

5.6.1. Отечественная история

5.6.3. Археология

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.9. *Филология*

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.10. *Искусствоведение и культурология*

5.10.3. Виды искусства (музыкальное искусство; театральное искусство;
изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура)

Осуществляется научное рецензирование всех
поступающих в редакцию материалов

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редакцией

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2025

Главный редактор

Исаев Юрий Николаевич — директор ЧГИГН, д-р филол. наук, доц.

Заместитель главного редактора

Кириллова Ирина Юрьевна — зам. директора по науке
и развитию ЧГИГН, канд. филол. наук, доц.

Ответственный редактор

Леонтьев Алексей Петрович — стар. науч. сотрудник ЧГИГН, канд. ист. наук

Редакционный совет

Аврутина Аполлинария Сергеевна — д-р филол. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Ахметова Лейла Сейсембековна — д-р ист. наук (Алматы, Казахстан)
Бикбулатова Аниса Рифовна — д-р ист. наук (Бишкек, Кыргызстан)
Грибов Николай Николаевич — д-р ист. наук (Москва, Россия)
Заяц Сергей Михайлович — д-р филол. наук (Тирасполь, Приднестровье)
Зенкин Константин Владимирович — д-р иск. (Москва, Россия)
Напольнова Елена Марковна — д-р филол. наук (Москва, Россия)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — д-р филол. наук (Алматы, Казахстан)

Редакционная коллегия

Абукаева Любовь Алексеевна — д-р филол. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Бойко Иван Иванович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Выборнов Александр Алексеевич — д-р ист. наук (Самара, Россия)
Давлетшина Лейла Хасановна — д-р филол. наук (Казань, Россия)
Иванов Алексей Ананьевич — д-р ист. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Иванов Виталий Петрович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Иванова Алена Михайловна — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Исхаков Радик Равильевич — д-р ист. наук (Казань, Россия)
Кондратьев Михаил Григорьевич — д-р иск. (Чебоксары, Россия)
Краюшкина Татьяна Владимировна — д-р филол. наук (Владивосток, Россия)
Нуриева Ирина Муртазовна — д-р иск. (Ижевск, Россия)
Родионов Виталий Григорьевич — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Садиков Ранус Рафикович — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Салмин Антон Кириллович — д-р ист. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Сокаева Диана Вайнеровна — д-р филол. наук (Владикавказ, Россия)
Ставицкий Владимир Владимирович — д-р ист. наук (Пенза, Россия)
Султанова Рауза Рифкатовна — д-р иск. (Казань, Россия)
Сухарева Ирина Виталиевна — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — д-р филол. наук (Уфа, Россия)

Chuvash State Institute of Humanities

Modern humanities

2025. Vol. 1. No. 2

Scientific journal

ISSN 3034-6827

Founder:

Budgetary scientific institution of the Chuvash Republic

«Chuvash State Institute of Humanities»

The Ministry of Education of the Chuvash Republic

Editorial office address:

29, building 1, Moskovsky Ave., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015

The journal is published since 2025

Published 4 times a year

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Website: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

SCIENTIFIC SPECIALTIES

5.6. Historical sciences

5.6.1. National history

5.6.3. Archaeology

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography

5.9. Philology

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.4. Folklore studies

5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics

5.10. Art history and cultural studies

5.10.3. Art Types (Visual, Applied and Decorative Arts and Architecture)

Scientific review of all materials submitted to the editorial board is carried out

The opinion of the editorial board does not always coincide
with the author's point of view

Reprinting of materials published in the journal is allowed only by agreement
with the editorial board

Editor-in-Chief

Isaev Yuri Nikolaevich — Director of Chuvash State Institute of Humanities,
D.Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Kirillova Irina Yuryevna — Deputy Director for Science and Development
of Chuvash State Institute of Humanities, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Editor

Leontiev Alexey Petrovich — Chuvash State Institute of Humanities,
Cand. Sc. (History), Senior Researcher

Editorial board

Avrutina Apollinaria Sergeevna — D.Sc. (Philology) (St. Petersburg, Russia)
Akhmetova Leila Seysembekovna — D.Sc. (History) (Almaty, Kazakhstan)
Bikbulatova Anisa Rifovna — D.Sc. (History) (Bishkek, Kyrgyzstan)
Gribov Nikolay Nikolaevich — D.Sc. (History) (Moscow, Russia)
Zayats Sergey Mikhailovich — D.Sc. (Philology) (Tiraspol, Transnistria)
Zenkin Konstantin Vladimirovich — Doctor of Arts (Moscow, Russia)
Napolnova Elena Markovna — D.Sc. (Philology) (Moscow, Russia)
Shaimerdenova Nursulu Zhamalbekovna — D.Sc. (Philology) (Almaty, Kazakhstan)

Members of editorial board

Abukaeva Lyubov Alekseevna — D.Sc. (Philology) (Yoshkar-Ola, Russia)
Boiko Ivan Ivanovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)
Vybornov Alexander Alekseevich — D.Sc. (History) (Samara, Russia)
Davletshina Leila Hasanovna — D.Sc. (Philology) (Kazan, Russia)
Ivanov Alexey Ananyevich — D.Sc. (History) (Yoshkar-Ola, Russia)
Ivanov Vitaly Petrovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)
Ivanova Alena Mikhailovna — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)
Iskhakov Radik Ravilievich — D.Sc. (History) (Kazan, Russia)
Kondratev Mikhail Grigorievich — Doctor of Arts (Cheboksary, Russia)
Krayushkina Tatiana Vladimirovna — D.Sc. (Philology) (Vladivostok, Russia)
Nurieva Irina Murtazovna — Doctor of Arts (Izhevsk, Russia)
Rodionov Vitaly Grigorievich — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)
Sadikov Ranus Rafikovich — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)
Salmin Anton Kirillovich — D.Sc. (History) (St. Petersburg, Russia)
Sokaeva Diana Vainerina — D.Sc. (Philology) (Vladikavkaz, Russia)
Stavitsky Vladimir Vladimirovich — D.Sc. (History) (Penza, Russia)
Sultanova Rauza Rifkatovna — Doctor of Arts (Kazan, Russia)
Sukhareva Irina Vitalievna — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)
Yagafarova Gulnaz Nurfayezovna — D.Sc. (Philology) (Ufa, Russia)

Чăваш патшалăх гуманитарнĕ аслăлăхĕсен институчĕ

Хальхи гуманитаристика

2025. 1 том. 2 №

Аслăлăх журналĕ

ISSN 3034-6827

Учредитель:

Чăваш Республикин Вĕрентÿ министрствин
«Чăваш патшалăх гуманитарнĕ аслăлăхĕсен институчĕ»
Чăваш Республикин бюджет аслăлăх учрежденийĕ

Редакципе издатель адресĕ:

428015, Чăваш Республики, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.

2025 ç. тухса тăрать
Çулталăкра 4 хут тухать

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Сайт: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

ЖУРНАЛĂН АСЛĂЛĂХ СПЕЦИАЛЬНОÇĖСЕМ

5.6. *Истори аслăлăхĕсем*

5.6.1. Тăван çĕр-шыв историйĕ

5.6.3. Археологи

5.6.4. Этнологи, антропологи тата этнографи

5.9. *Филологи*

5.9.1. Вырăс литератури тата Раççей Федерацийĕн халăхĕсен литературисем

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Вырăс чĕлхи. Раççей халăхĕсен чĕлхисем

5.9.8. Теори, прикладной тата танлаштару лингвистики

5.10. *Искусствоведение культуuroлоги*

5.10.3. Ынер тĕсĕсем (музыка Ынерĕ; театр Ынерĕ;
сăнарлă, декоратив-прикладной Ынер тата архитектура)

Редакцие килекен мĕн пур материала аслăлăх тĕлĕшĕнчен рецензилеçĕ

Редакци шухăшĕ статьясен авторĕсен шухăшĕпе килĕшмесе те пултарать

Журналта тухнă материалсене редакцие килĕшсе татăлсан кăна
урăх кăларăмра пичетлеме юрат

Тёп редактор

Исаев Юрий Николаевич — ЧПГЎИ директорё,
филол. ёслёл. д-рё, доц.

Тёп редактор ёумё

Кириллова Ирина Юрьевна — ЧПГЎИ директорё ёслёлёлхпа
аталану ёнёпе ёёслекен ёумё, филол. ёслёл. канд., доц.

Яваплё редактор

Леонтьев Алексей Петрович — ЧПГЎИ ёслёлёлх аслё ёётешё,
ист. ёслёл. канд.

Редакци канашё

Аврутина Аполлинария Сергеевна — филол. ёслёл. д-рё (Санкт-Петербург, Раёёей)
Ахметова Лейла Сейсембековна — ист. ёслёл. д-рё (Алматы, Казахстан)
Бикбулатова Аниса Рифовна — ист. ёслёл. д-рё (Бишкек, Кёркасстан)
Грибов Николай Николаевич — ист. ёслёл. д-рё (Мускав, Раёёей)
Заяц Сергей Михайлович — филол. ёслёл. д-рё (Тирасполь, Днестрёум)
Зенкин Константин Владимирович — иск. д-рё (Мускав, Раёёей)
Напольнова Елена Марковна — филол. ёслёл. д-рё (Мускав, Раёёей)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — филол. ёслёл. д-рё (Алматы, Казахстан)

Редакци коллегийё

Абукаева Любовь Алексеевна — филол. ёслёл. д-рё (Йошкар-Ола, Раёёей)
Бойко Иван Иванович — ист. ёслёл. д-рё (Шупашкар, Раёёей)
Выборнов Александр Алексеевич — ист. ёслёл. д-рё (Самар, Раёёей)
Давлетшина Лейла Хасановна — филол. ёслёл. д-рё (Хусан, Раёёей)
Иванов Алексей Ананьевич — ист. ёслёл. д-рё (Йошкар-Ола, Раёёей)
Иванов Виталий Петрович — ист. ёслёл. д-рё (Шупашкар, Раёёей)
Иванова Алена Михайловна — филол. ёслёл. д-рё (Шупашкар, Раёёей)
Исхаков Радик Равильевич — ист. ёслёл. д-рё (Хусан, Раёёей)
Кондратьев Михаил Григорьевич — иск. д-рё (Шупашкар, Раёёей)
Краюшкина Татьяна Владимировна — филол. ёслёл. д-рё (Владивосток, Раёёей)
Нуриева Ирина Муртазовна — иск. д-рё (Ижевск, Раёёей)
Родионов Виталий Григорьевич — филол. ёслёл. д-рё (Шупашкар, Раёёей)
Садиков Ранус Рафикович — ист. ёслёл. д-рё (Ёпхў, Раёёей)
Салмин Антон Кириллович — ист. ёслёл. д-рё (Санкт-Петербург, Раёёей)
Сокаева Диана Вайнеровна — филол. ёслёл. д-рё (Владикавказ, Раёёей)
Ставицкий Владимир Владимирович — ист. ёслёл. д-рё (Пенза, Раёёей)
Султанова Рауза Рифкатовна — иск. д-рё (Хусан, Раёёей)
Сухарева Ирина Виталиевна — ист. ёслёл. д-рё (Ёпхў, Раёёей)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — филол. ёслёл. д-рё (Ёпхў, Раёёей)

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

Мясников Н. С., Михайлов Е. П.

ОДИНОЧНОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ДЕВЛЕТГИЛЬДИНО
(ЧУВАШИЯ): ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ 10

Салмин А. К.

МОНЕТЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШЕЙ 25

Сергеева Е. В.

НАРОДНАЯ КУЛИНАРИЯ ЧУВАШЕЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ 36

Харитонова В. Г.

МОБИЛИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 52

Ягафова Е. А.

РУССКИЕ И ЧУВАШИ: ОПЫТ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ В XVIII — XX ВЕКАХ 65

Филологические науки

Леонтьев Д. М.

КОНЦЕПЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА: ТЕХНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 75

Мышкина А. Ф.

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЧУВАШСКОЙ
И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУР (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ) 91

Виды искусства

Бушueva Л. И.

Ю. А. ИЛЮХИН И СОВРЕМЕННОЕ МУЗЫКОВЕДЕНИЕ
(к 100-летию со дня рождения) 104

Мордвинова А. И.

РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ЧУВАШИИ В ЗЕРКАЛЕ НОВОЙ ЖИЗНИ
(ЖИВОПИСЬ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА) 112

Рецензии

Касимов Е. В.

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ
И ПРИУРАЛЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. 129

Научная жизнь

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПОБЕДА ЕДИНСТВА: НАРОДЫ ЕВРАЗИИ В БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 — 1945)» 132

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ 138

CONTENTS

Historical sciences

Myasnikov N. S., Mikhailov E. P.

SINGLE MEDIEVAL BURIAL IN DEVLETGILDINO (CHUVASHIA):
HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT 10

Salmin A. K.

COINS IN THE ETHNIC HISTORY OF THE CHUVASH 25

Sergeeva E. V.

THE CHUVASH FOLK CULINARY IN CYBERSPACE 36

Kharitonova V. G.

MOBILIZATION OF THE CHUVASH FEMALE POPULATION
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR 52

Yagafova E. A.

THE RUSSIANS AND CHUVASH:
INTERETHNIC INTERACTION EXPERIENCE IN THE SAMARA
TRANS-VOLGA REGION IN 18th — 20th CENTURIES 65

Philological sciences

Leontiev D. M.

THE CHUVASH LANGUAGE ELECTRONIC CORPUS CONCEPT:
TECHNICAL ASPECT 75

Myshkina A. F.

IDEOLOGICAL AND AESTHETIC CONNECTIONS BETWEEN
CHUVASH AND WORLD LITERATURE (TO POSE THE PROBLEM) 91

Arts

Bushuyeva L. I.

Y. A. ILYUKHIN AND MODERN MUSICOLOGY
(on the 100th anniversary of his birth) 104

Mordvinova A. I.

THE REALISTIC CHUVASH ART IN THE MIRROR OF NEW LIFE
(PICTORIAL ART OF THE LAST QUARTER OF 20th CENTURY) 112

Reviews

Kasimov E. V.

NEW WORK ON THE HISTORY AND ETHNOGRAPHY
OF THE PEOPLES OF THE VOLGA REGION AND THE CIS-URALS
IN THE SECOND HALF OF 19th CENTURY 129

Scientific Life

INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE
«VICTORY OF UNITY: THE PEOPLES OF EURASIA
IN THE STRUGGLE AGAINST FASCISM DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941 — 1945)» 132

REQUIREMENTS FOR ARTICLES 138

ТУПМАЛЛИ

Истори асла́лăхĕсем

Мясников Н. С., Михайлов Е. П.

УЙ ПИЛЕМĖЧРИ (ЧĀВАШ ЕН) ВĀТАМ ЁМĖРСЕНЧИ
ПĖР ЫН ВИЛ ТĀПРИЙĖ: ИСТОРИ-КУЛЬТУРА КОНТЕКСЧĖ 10

Салмин А. К.

МЕТАЛЛ УКЌА ЧĀВАШ ХАЛĀХ ИСТОРИЙĖНЧЕ 25

Сергеева Е. В.

ЧĀВАШСЕН АПАТ-ЌИМĖЌĖ КИБЕРУЌЛĀХРА 36

Харитонова В. Г.

ЧĀВАШ ЕНРИ ХĖРАРĀМСЕН ТĀВАН ЌĖР-ШЫВĀН АСЛĀ
ВĀРЌИ ВĀХĀТĖНЧИ МОБИЛИЗАЦИЙĖ 52

Ягафова Е. А.

ВЫРĀССЕМПЕ ЧĀВАШСЕМ: XVIII — XX ЁМĖРСЕНЧЕ
САМАР АТĀЛ ЛЕШ ЕНЧЕ ЭТНОССЕМ
ПĖР-ПĖРИНПЕ ЌЫХĀНСА ПУРĀННИН ОПЫЧĖ 65

Филологи асла́лăхĕсем

Леонтьев Д. М.

ЧĀВАШ ЧĖЛХИН ЭЛЕКТРОНЛĀ КОРПУСĖН КОНЦЕПЦИЙĖ:
ТЕХНИКА АСПЕКЧĖ 75

Мышкина А. Ф.

ЧĀВАШ ТАТА ТĖНЧЕ ЛИТЕРАТУРИСЕН ИДЕЙĀПА ЭСТЕТИКА
ЌЫХĀНĀВĖСЕМ (ЫЙТĀВА ХУСКАТНИ) 91

Ўнер тĕсĕсем (музыка ўнерĕ)

Бушугева Л. И.

Ю. А. ИЛЮХИН ТАТА ХАЛЪХИ МУЗЫКА ТĖПЧЕВĖ
(Ќуралнăранпа 100 ъул ъитнĕ май) 104

Мордвинова А. И.

ЧĀВАШ ЕНĖН РЕАЛИЗМЛА ИСКУССТВИ ЌĖНĖ ПУРНĀЌ ТĖКĖРĖНЧЕ
(XX ЁМĖРĖН ЮЛАШКИ ЧĖРĖКĖНЧИ СĀРĀ ЎНЕРĖ) 112

Рецензисем

Касимов Е. В.

АТĀЛЌИПЕ УРАЛЌУМ ХАЛĀХĖСЕН XIX ЁМĖРĖН ИККĖМĖШ ЌУРРИНЧИ
ИСТОРИЙĖПЕ ЭТНОГРАФИЙĖ ЌИНЧЕН ЌĖНĖ ЁЌ. 129

Асла́лăх пурнăçĕ

«ПĖРЛĖХ ЌĖНТЕРĖВĖ: ЕВРАЗИ ХАЛĀХĖСЕМ ТĀВАН ЌĖР-ШЫВĀН
АСЛĀ ВĀРЌИН ЌУЛĖСЕНЧЕ (1941 — 1945) ФАШИЗМПА КĖРЕШНИ»
ПĖТĖМ ТĖНЧЕ АСЛĀЛĀХПА ПРАКТИКА КОНФЕРЕНЦИЙĖ 132

СТАТЬЯСЕНЕ МĖНЛЕ ЌЫРМАЛЛА 138

УДК 902/904
ББК 63.4(2)

Научная статья

**ОДИНОЧНОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ
В ДЕВЛЕТГИЛЬДИНО (ЧУВАШИЯ):
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

Н. С. Мясников¹, Е. П. Михайлов²

¹ Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
myasnikovn1988@gmail.com

² Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

Аннотация. В статье впервые вводятся в научный оборот материалы об археологическом памятнике у д. Девлетгильдино Мариинско-Посадского муниципального округа Чувашской Республики. Памятник оказался многослойным: здесь зафиксированы находки культуры текстильной керамики позднего бронзового века, предметы круга памятников писеральско-андреевского типа I — II вв. н. э., одиночное погребение XI в., а также несколько объектов и находок из чувашского святилища XVII – начала XVIII в. Особенный интерес представляют материалы средневекового погребения. В работе приводится описание погребального обряда и инвентаря, антропологическое и археогенетическое определение останков из данного захоронения. Аналогии ряду находок позволили уточнить время совершения погребения. Выделение предметов-этномаркеров и ряда особенностей погребальной обрядности с привлечением материалов соседних средневековых могильников и ряда случайных находок позволило сделать выводы об этнокультурной ситуации в Чувашском Поволжье в X — XI вв.

Ключевые слова: культура текстильной керамики, памятники писеральско-андреевского типа, средневековые вятско-ветлужские могильники, средневековые марийцы, киремень, чувашские святилища нового времени

Благодарности: авторы благодарят сотрудников археологического направления ЧГИГН Н. С. Березину, А. Ю. Березина, заместителя директора Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева по научной работе Д. Ю. Ефремову (г. Йошкар-Ола), научного сотрудника исторического направления ЧГИГН А. С. Сараева, сотрудника кафедры археологии Будапештского университета М. Такач (г. Будапешт, Венгрия), краеведа А. Н. Пояндаева за помощь в полевых работах, антрополога Е. М. Макарову (г. Казань) за проведенные антропологические исследования, сотрудников Остравского университета (Чехия) и лаборатории Дэвида Райха Гарвардского университета (США) за возможность ознакомиться с предварительными неопубликованными результатами археогенетического исследования.

Для цитирования: Мясников Н. С., Михайлов Е. П. Одиночное средневековое погребение в Девлетгильдино (Чувашия): историко-культурный контекст // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 10 — 24

© Мясников Н. С., Михайлов Е. П., 2025

Scientific article

SINGLE MEDIEVAL BURIAL IN DEVLETGILDINO (CHUVASHIA): HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT

N. S. Myasnikov¹, E. P. Mikhailov²

¹ Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
myasnikovn1988@gmail.com

² Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

Abstract. The materials related to multilayer archaeological monument near the village of Devletgildino in the Mariinsky-Posadsky municipal district of the Chuvash Republic is introduced for the first time. The monument turned out to be multilayered: the findings include textile ceramics culture of the Late Bronze Age, monuments' objects of the Piseral-Andreev type of 1th — 2th centuries A. D., a single burial of 11th century as well as several objects and findings from the Chuvash sanctuary of 17th — early 18th century. The materials of a medieval burial are of special interest. The paper describes the burial ritual and inventory, anthropological and archaeogenetic remains' determination from this burial. Analogies to a number of findings allowed clarifying the time of the burial. The identification of ethnomarker items and a number of funerary rituals' features with the involvement of materials from neighboring medieval burial grounds and a number of random findings allowed drawing the conclusions about the ethnocultural situation in the Chuvash Volga region in 10th — 11th centuries.

Keywords: textile ceramics culture, monuments of Piseral-Andreev type, medieval Vyatka-Vetluzhskiye burial grounds, the medieval Mari, Kiremet, the Chuvash sanctuaries of new time.

Acknowledgments: The authors would like to thank the members of archeological department of Chuvash State Institute of Humanities, N. S. Berezina, A. Y. Berezin, the deputy director on scientific work of the National Museum of the Mari Republic named after T. Evseev, D. Y. Efremova (Yoshkar-Ola), the research worker of the historical direction at Chuvash State Institute of Humanities, A. S. Saraev, the worker of the Archaeology Department at the University of Budapest, M. Takach (Budapest, Hungary), the regional ethnographer, A. N. Poyandaev, for support during field works, the anthropologist E. M. Makarova (Kazan) for conducting anthropological researches, the staff of the University of Ostrava (Czech Republic) and the David Reich Laboratory of Harvard University (USA) for the opportunity to familiarize with the preliminary unpublished results of the archaeogenetic study.

For citation: Myasnikov N. S., Mikhailov E. P. Single medieval burial in Devletgildino (Chuvashia): historical and cultural context // Modern humanities. 2025;1(2):10 — 24

Аслăлăх статийи

УЙ ПИЛЕМЁЧРИ (ЧĂВАШ ЕН) ВĂТАМ ЁМЁРСЕНЧИ ПЁР СЫН ВИЛ ТĂПРИЙЁ: ИСТОРИ-КУЛЬТУРА КОНТЕКСЧЁ

Н. С. Мясников¹, Е. П. Михайлов²

¹ Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтчĕ,
Шупашкар хули, Раççей
myasnikovn1988@gmail.com

² Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтчĕ,
Шупашкар хули, Раççей
mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

Аннотаци. Статъяра Чăваш Республикин Сĕнтĕрвăрри муниципалитет округĕн Уй Пилемĕч ялĕ сывăхĕнчи археологи палăкĕ сĕнчен калакан материалсене пĕрремĕш хут

ăслăлăх ăвăрăнăшне кĕртнĕ. Палăк нумай сийлĕ: каярахри бронза ĕмĕрĕн пир-авăр керамикин культуринчен юлнă тата пирĕн эрăри I — II ĕмĕрсенчи Писерал-Андреевка йышши палăксен йышне кĕрекен япаласем, XI ĕмĕрте пĕр ăынна пытарнă ыран, ăавăн пекех XVII — XVIII ĕмĕр пуçламăшĕнчи ăавашсен ăук ыранĕнчи темĕсе объектпа япала. Вăтам ĕмĕрсенчен юлнă вил тăпри ыранĕ уйрăмах кăсăк. Тĕпчевре вилнĕ ăынна пытарнă чухнехи йăла-йĕркепе хатĕр-хĕтĕре ăырса кăтартнă, пытарнă ăын юлашкисене антропологипе археогенетика тĕлĕшĕнчен тĕпчесе хак панă. Археологсем темĕсе ăрте тупнине танлаштарни пытару вăхăтне тĕрĕс палăртма пулăшнă. Япаласене-этномаркерсене тата пытару йăли-йĕркин уйрăмлăхĕсене уйăрса тĕпчени, ăак тĕллевпе юнашарти, вăтам ĕмĕрсенчен юлнă вил тăприсенчи материалсене тата ăнсăртран тупнă археологи япалисене явăçтарни X — XI ĕмĕрсенчи ăаваш Атăлăнчи этнокультура лару-тăрăвĕ ăинчен пĕтĕмлетĕ тума май панă.

Тĕп ăамахсем: пир-авăр керамикин культури, Писерал-Андреевка йышши палăксем, вăтам ĕмĕрсенчи Вятка-Ветлуга тăрăхĕнчи вил тăприсем, вăтам ĕмĕрсенчи марисем, киремет, ăавашсен ăенĕ вăхăтри ăаваплă ыранĕсем

Тав тун: авторсем тав тăваççĕ: ЧГПАИ археологи пайĕн ĕçтешĕсене Н. С. Березинăна, А. Ю. Березина, Мари Эл Республикин Т. Евсеев ячĕллĕ Наци музейĕн директорĕн ăумне Д. Ю. Ефремовăна (Йошкар-Ола), ЧПГАИ истори пайĕн ĕçтешне А. С. Сараева, Будапешт университетĕн археологи кафедрин ĕçтешне М. Такача (Будапешт, Венгри), А. Н. Пояндаев тавра пĕлÿсе — уйри ăсре пулăшнăшăн, Е. М. Макарова антрополога — антропологи тĕпчевĕ ирттернĕшĕн, Острада университетĕн (Чехи) тата Гарвард университетĕн (АПШ) Дэвид Райх лабораторийĕн ĕçтешĕсене — археогенетика тĕпчевĕн малтанхи, хальлĕхе пичетленмен пĕтĕмлетĕвĕпе паллаштарнăшăн.

Цитатăлама: Мясников Н. С., Михайлов Е. П. Уй Пилемĕçри (ăаваш Ен) вăтам ĕмĕрсенчи пĕр ăын вил тăприйĕ: истори-культура контекстĕ // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 2 №. С. 10 — 24

Введение

Одной из основных проблем в изучении средневековой археологии ăавашского Поволжья является продолжающаяся дискуссия о времени и географии распространения древностей, связанных с волжскими булгарами и местными поволжско-финскими средневековыми народностями (мордва, мари) в X — XIII вв. Для реконструкции этнокультурной истории края в домонгольскую эпоху необходимы поиск и публикация новых хорошо датированных памятников, особенно погребальных. Также необходимы систематизация и обобщение уже опубликованных данных. Подобные работы помогут заполнить колонку средневековых древностей региона и аргументированно решать вопросы ранней истории народов Среднего Поволжья (чуваши, марийцы, мордва и др.).

Материалы и методы

Источниками статьи являются полученные нами полевые материалы — исследованный погребальный обряд и инвентарь, палеоантропологические и археогенетические материалы. В работе применяются принципы историзма, объективности, системный анализ, использованы методы описательный, сравнительно-исторический, метод аналогий, картографирования. Тщательная фиксация особенностей положения костяка, методы антропологического и генетического определения пола и возраста, выявления генетической близости древних популяций, установления времени совершения захоронения по методу аналогий, сравнительно-исторический анализ элементов погребальной обрядности и выделение этномаркеров женского археологического костюма позволили определить время совершения захоронения и вписать его в историко-культурный контекст.

Результаты исследования и их обсуждение

Девлетгильдинское погребение было обнаружено в 840 м на ЮЮЗ от окраины д. Девлетгильдино в небольшой дубовой роще «Картлай» (возможно, от чув. карта «ограда») на месте бывшего хмельника (?) (рис. 1). Памятник находится на высоком левом коренном берегу р. Нух(г)атнар (по другим данным — Когатнар), у родника в 350 м к северу от места впадения р. Нухатнар в р. Чулкась, левого притока р. Большой Аниш, правого притока р. Волги. На месте памятника коренной берег образует небольшой мысовидный выступ (ок. 20 × 20 м) в пойму р. Нухатнар.

Девлетгильдинское святилище — 2015 г.
(топосъемка Н. С. Мясникова)

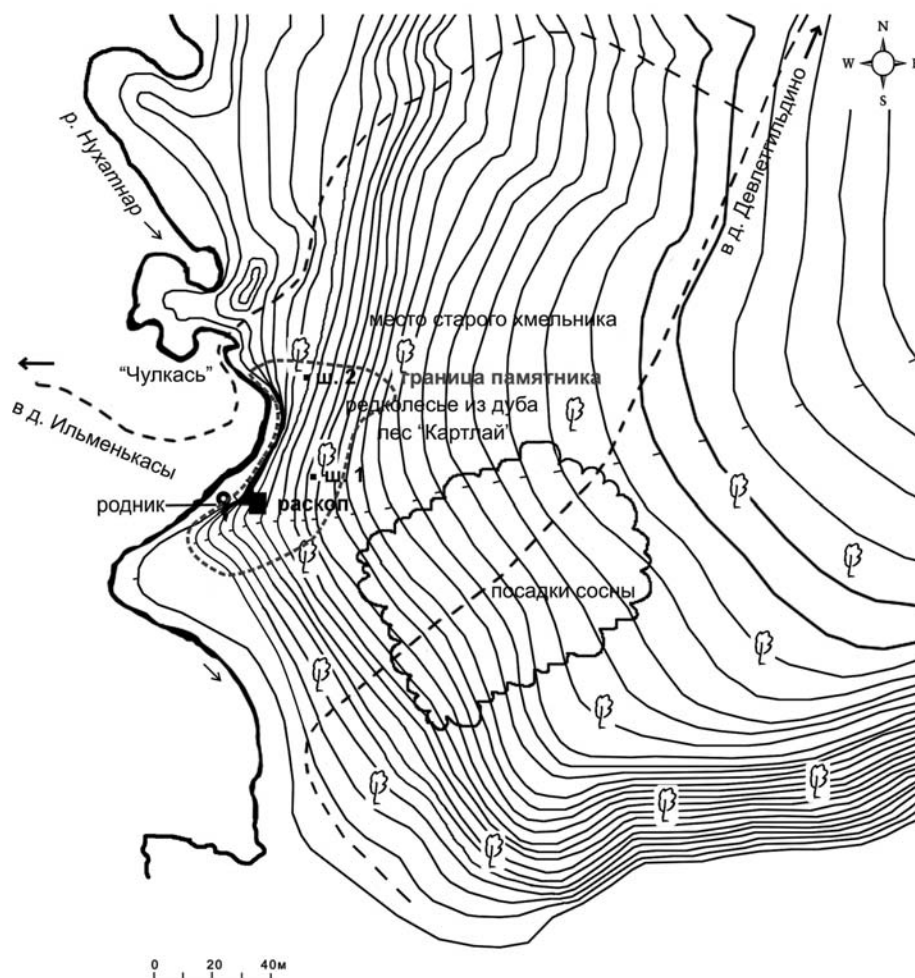

Рис. 1. Топографический план Девлетгильдинского святилища с указанием шурфов 2013 г. и раскопа 2015 г.

История обнаружения погребения связана с тем, что в 2013 г. в ЧГИГН поступила информация о грабительских находках в окрестностях д. Девлетгильдино Мариинско-Посадского района Чувашской Республики. В 2013 г. разведочной экспедицией ЧГИГН (Н. С. Березина, Н. С. Мясников и др.) на памятнике было

заложено 2 шурфа (1×1 м), выявлен культурный слой мощностью 5 см, состоящий из мелких пережженных костей животных и углей, связанный с функционированием на данном месте чувашского святилища. В шурфе было найдено два фрагмента лепной керамики I тыс. н. э. Местные жители передали экспедиции найденные здесь бронзовые предметы: обломок подвески-псевдоцикады, выпуклую бляшку с петлей на обратной стороне, плоскую круглую бляшку с двумя петлями на обороте. Данные находки типичны для писеральско-андреевского горизонта (I — II вв. н. э.) [2, с. 297 — 298, рис. 40 — 46]. В мае 2015 г. на памятнике был заложен шурф № 3 (2×2 м), в котором обнаружено погребение XI в. Затем в июне дополнительно был заложен раскоп общей площадью ок. 114 м^2 (рис. 2).

Девлетгильдинское святилище — 2015 г. Материк

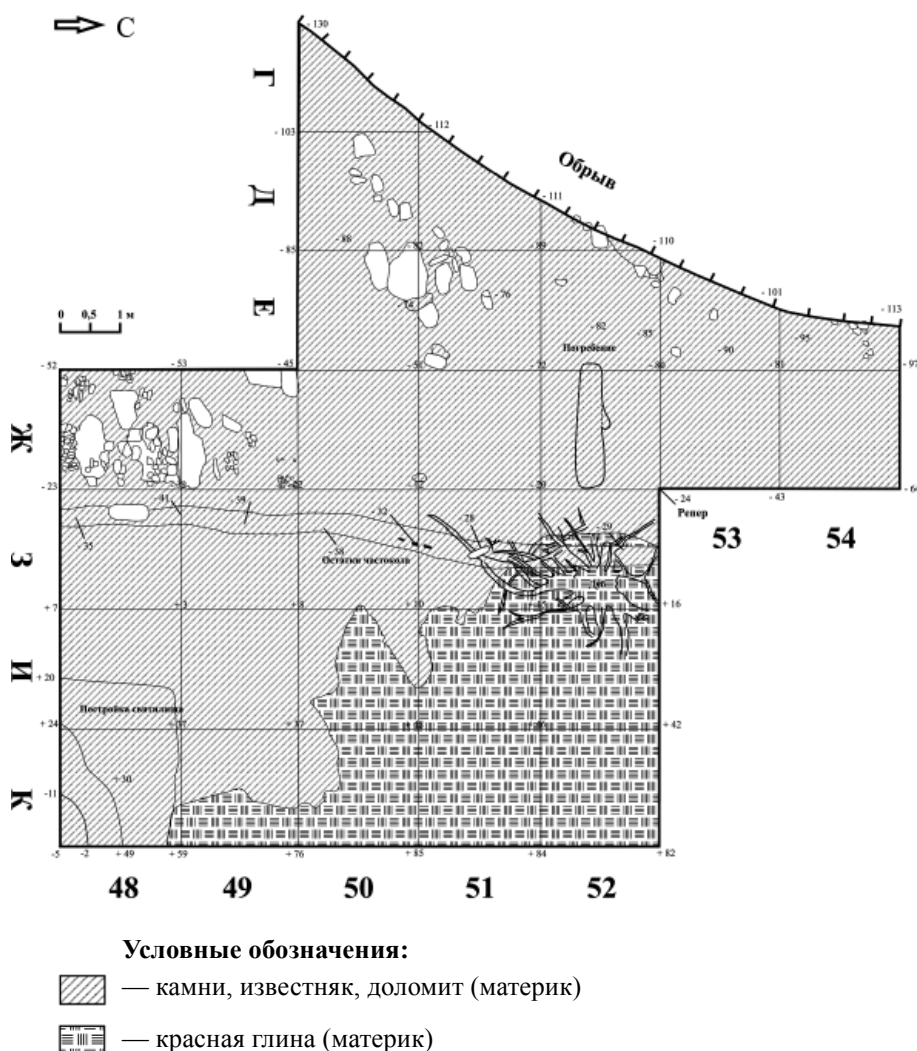

Рис. 2. План объектов по матерiku

Раскопки 2015 г. показали, что изучаемый памятник многослойный. Нижний слой связан с поселением позднего бронзового века культуры текстильной керамики (третья четверть II тыс. до н. э. — начало I тыс. до н. э.). К нему были отнесены несколько фрагментов лепной тонкостенной круглодонной посуды с примесью песка с текстильными отпечатками на поверхности и орнаментом в виде круглых ямочных вдавлений (рис. 3: 20 — 24).

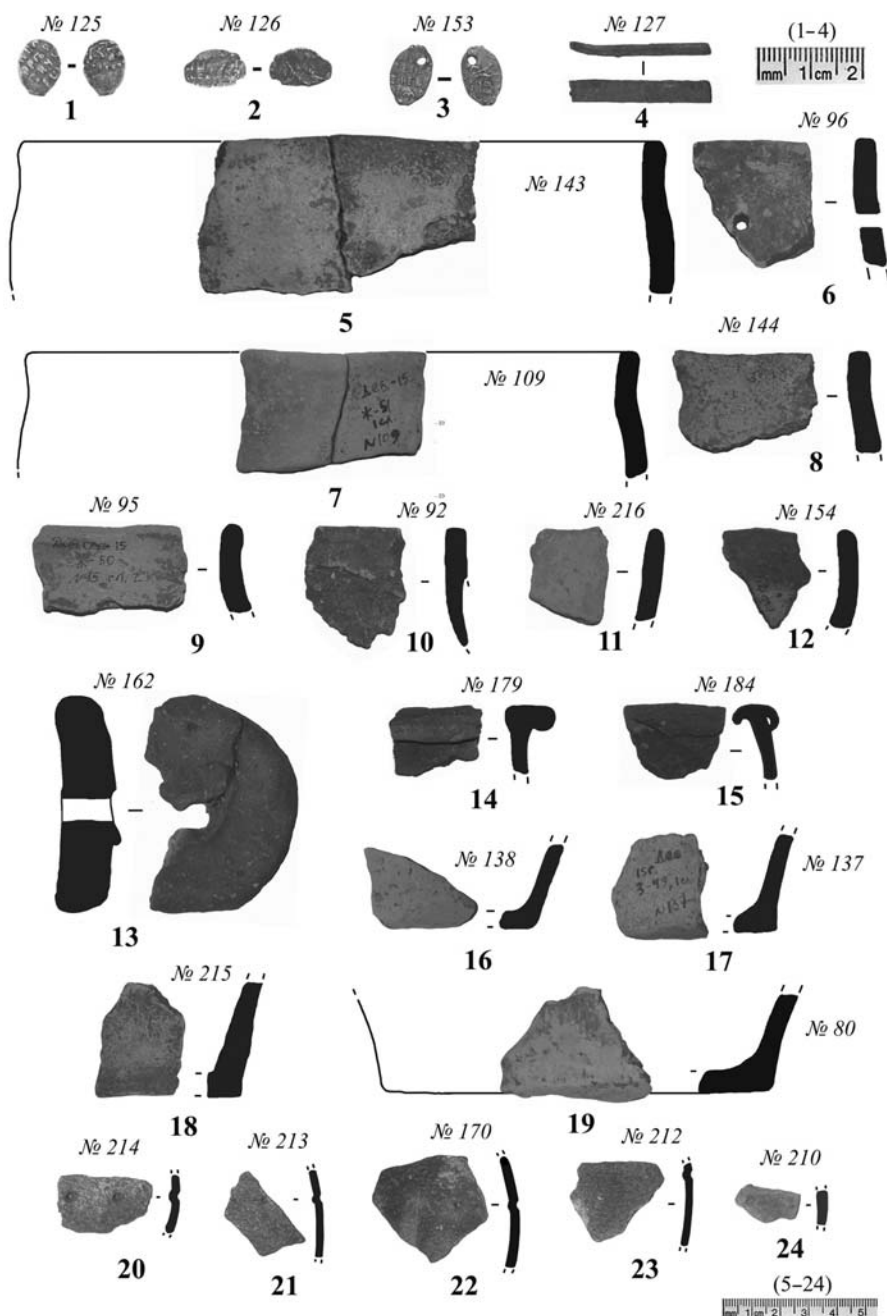

Рис. 3. Находки из слоя раскопа:
1 — 3 — серебро, 4 — железо, 5 — 24 — керамика

Средний слой относится к селищу конца раннего железного века, к которому были отнесены половина дисковидного керамического грузила от ткацкого станка (рис. 3: 13), фрагменты гладкостенной неорнаментированной слабопрофилированной лепной плоскодонной керамики с примесью шамота (рис. 3: 5 — 12, 14 — 19), среди которой показательно присутствие венчиков с широкими Г- и Т-образными наплывами. По находкам бронзовых бляшек и подвески, переданных экспедиции в 2013 г., этот слой можно датировать I — II вв. н. э.

Верхний слой связан с функционированием древнечувашского святилища (*киремет*) и датируется XVII — началом XVIII в. С ним связана траншея глубиной до 40 см и шириной 20 — 30 см, проходящая в направлении С — Ю на 10 м через весь раскоп (рис. 2). На ее дне были зафиксированы остатки и следы от деревянного частокола. Видимо, это священная ограда жертвенника — *киремет карти* (ограда киремети). Понять ее конфигурацию и конструктивные особенности помогут только дальнейшие исследования. Рядом с траншеей были обнаружены серебряные копейки-«чешуйки» XVII — начала XVIII в. (на читаемой копейке имя Петра Алексеевича; одна из монет пробита и, видимо, использовалась в costume) (рис. 3: 1 — 3), фрагмент железного уплощенного стержня (рис. 3: 4) а также черепа и кости задних конечностей лошадей. По предварительным данным (А. Ю. Березин), костные останки, обнаруженные на святилище, весьма своеобразны и помогут лучше понять истоки чувашской породы лошади. В центральной части небольшого мысовидного уступа берега р. Нухатнар, на котором располагалось святилище, выявлены следы прямоугольного углубленного объекта, частично попавшего в юго-восточный угол раскопа. Внутри также оказались кости конечностей лошади. Вероятно, это остатки ритуального сооружения¹.

В 2015 г. в шурфе № 3 на глубине 1-го штыка были выявлены контуры средневекового погребения (рис. 4). Могильная яма имела вытянутую подпрямоугольную форму с закругленными углами, ориентирована по линии З — В. Размеры на уровне фиксации 210 × 35 — 48 см. Заполнение погребения — темно-серый гумусированный ореховатый суглинок, с включениями мелкого и среднего по размеру (величине) известняка. Стенки ямы чуть наклонные, дно уплощенное, глубина 30 — 40 см от уровня фиксации (44 — 74 см от угла шурфа). Костяк лежал в наклонном положении (голова выше ног на 25 см). В двух местах фиксировались грабительские вкопы «черных археологов» — в области правой бедренной кости и в области груди-шеи.

Костяк хорошей сохранности. Он ориентирован головой на З (азимут ок. 85°), ногами к реке, лежал на спине, руки располагались на тазовых костях. Кости кистей рук располагались очень близко друг к другу, запястье правой руки было неестественно выгнуто в обратную от сгиба сторону. Кости стоп ног были сильно вытянуты (в положении «на цыпочках») и также располагались очень плотно друг к другу. Вероятно, и руки, и ноги погребенного были либо связаны, либо перед нами признаки посмертного окоченения. Учитывая также отсутствие рядом других погребений, можно предположить, что соплеменники испытывали перед этим погребенным некоторое чувство страха. Возможно, перед нами обряд обезвреживания покойника. Отметим, что других погребений, несмотря на достаточно большую вскрытую площадь, на памятнике обнаружено не было. Посещение в

¹ Мясников Н. С. Отчет об археологических раскопках Девлеттильдинского святилища в Мариинско-Посадском районе Чувашской Республики в 2015 г. // НА ЧГИИГ. Отд. II. Ед. хр. 2712. Инв. № 688.

Девлетгильдино — 2015 г.

Погребение

- 1 — 2. Ножи (железо)
3. Шило (железо)
4. Игла сломанная (кость)
5. Головная цепочка с подвесками-бубенчиками (бронза)
6. Височное кольцо (бронза)
7. Височное кольцо (бронза)
8. Фрагменты гривны с подвеской (железо) и остатками ткани
9. Бусина (стекло)
10. Ожерелье из спиральных пронизей, полусферических подвесок (бронза) и подвески-птицы (олово)
- 11 — 13. Шумящие подвески (бронза)
- 14 — 18. Браслеты (бронза)
- 19 — 21. Перстни (бронза)
22. Нож (железо)
23. Фрагмент стержня (железо)
- 24 — 25. Поясные накладки (бронза)
26. Копушка (кость)
27. Рыболовный крючок (железо)

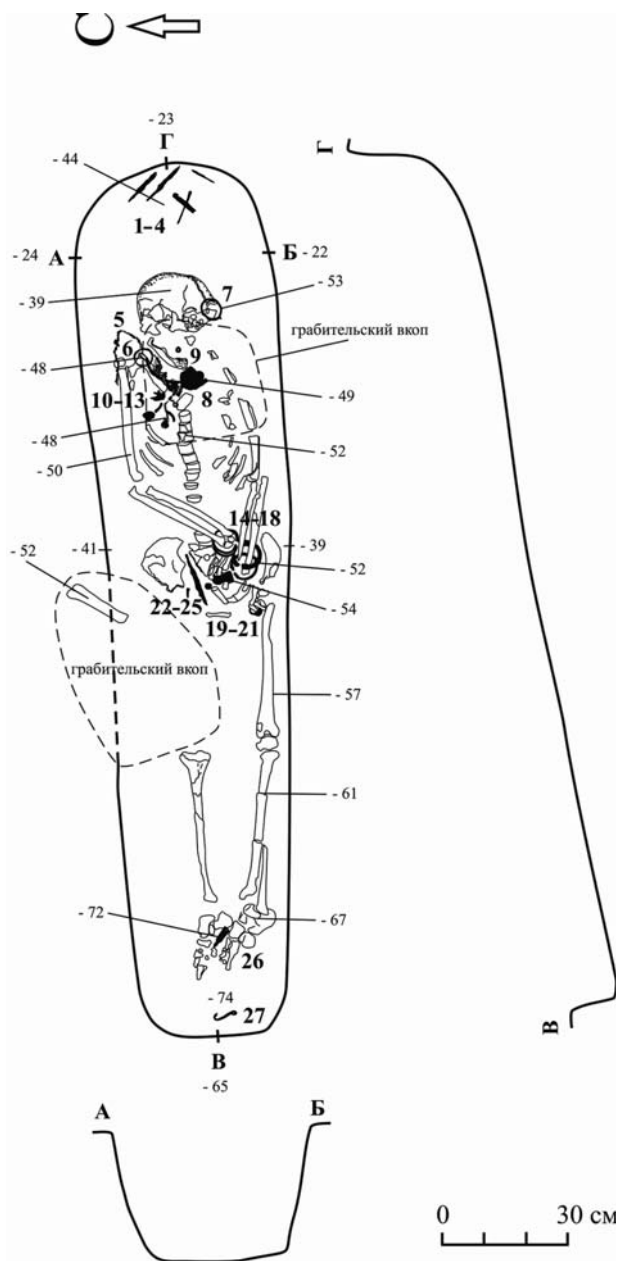

Рис. 4. План Девлетгильдинского погребения

последующие годы данного места не выявило новых кладоискательских ям. При этом исследованное погребение содержало достаточно богатый вещевой материал.

В изголовье были положены два железных ножа (рис. 6: 10 — 11) и шило (рис. 6: 15), сломанная костяная игла для плетения сетей (рис. 6: 9). На левом виске *in situ* было зафиксировано круглое бронзовое височное кольцо малого диаметра (рис. 5: 8). Другое бронзовое височное браслетообразное кольцо с одним отогнутым концом, дополнительным малым кольцом (рис. 5: 6 — 7) вместе с бронзовой цепочкой с грушевидными бубенчиками (рис. 5: 1 — 5) располагались

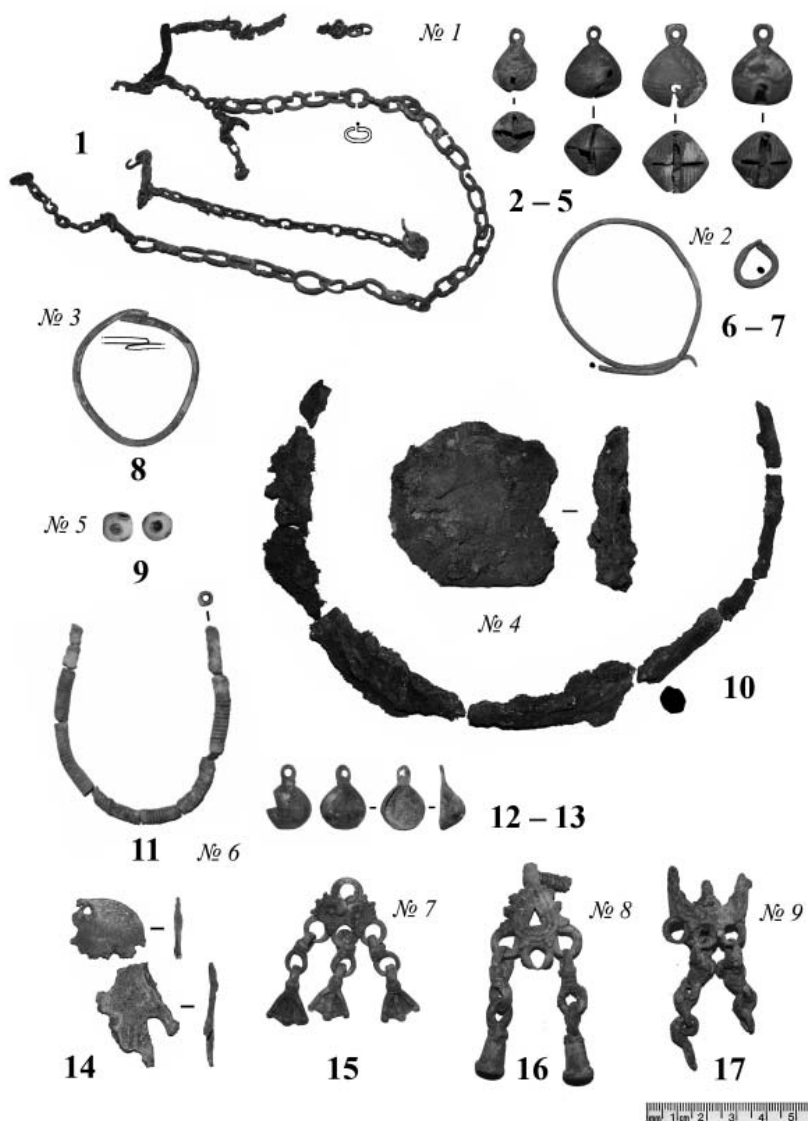

Рис. 5. Вещевой комплекс погребения: 9 — стекло, 10 — железо, 14 — олово, остальное — бронза (курсивом обозначен № по коллекционной описи)

слева от черепа. Судя по окислу меди на затылочной и правой височной костях черепа, цепочка была обернута вокруг головы костяка, а кольцо располагалось на виске. Видимо, они были сдвинуты с первоначального положения в могиле и (или) в результате грабительского вкопа. На груди были зафиксированы остатки сильно корродированной железной гривны с подвеской (рис. 5: 10), три различные бронзовые шумящие подвески (рис. 5: 15 — 17), белая стеклянная бусина с пятью синими глазками (рис. 5: 9), остатки ожерелья с двумя бронзовыми полусферическими гофрированными подвесками (рис. 5: 11) и оловянной подвеской в виде «птицы» (рис. 5: 14). На фаланги пальцев были надеты три бронзовых «уса-тых» щитковых перстня с орнаментом из насечек, образующих горизонтальные линии и зигзаги (рис. 6: 6 — 8) и пять бронзовых браслетов (четыре звериного-

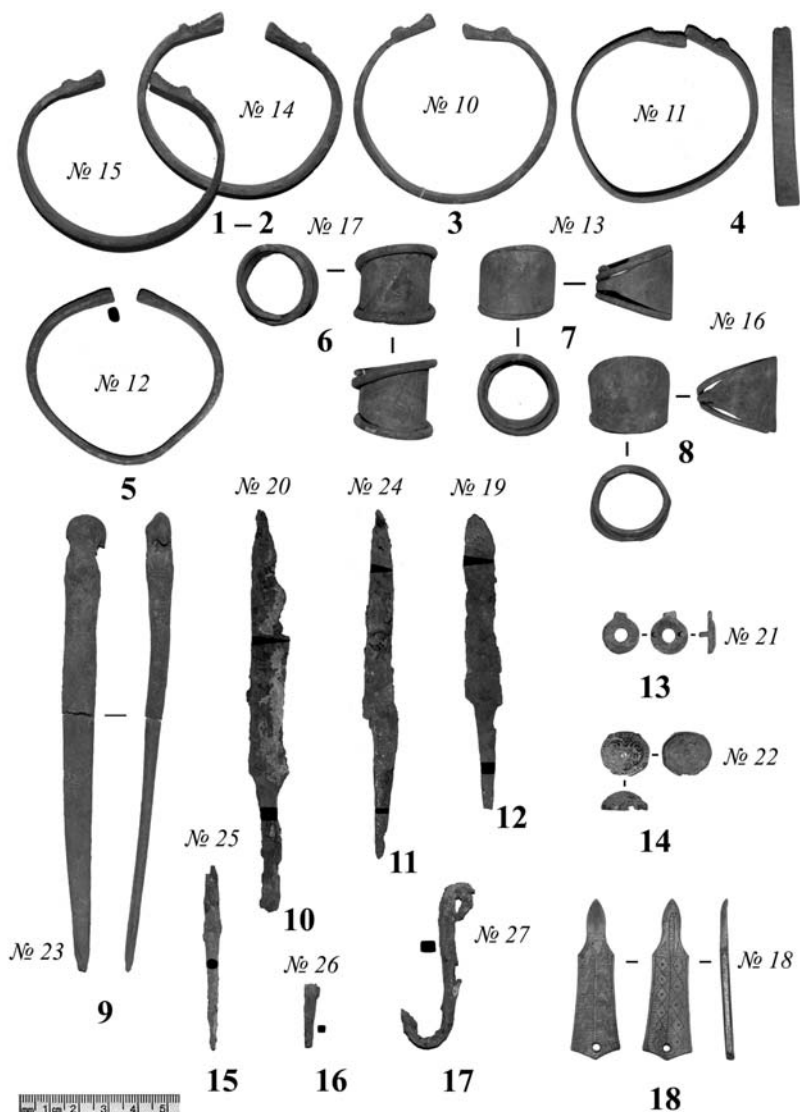

Рис. 6. Вещевой комплекс погребения (продолжение):
9, 18 — кость, 10 — 12, 15 — 17 — железо, остальное — бронза
(курсивом обозначен № по коллекционной описи)

ловых с орнаментом «волчий зуб» по всей поверхности и один с прямообрубленными концами с кружковым орнаментом) (рис. 6: 1 — 5). В области пояса под костяком зафиксированы железный нож (рис. 6: 12), обломок железного стержня (рис. 6: 16) и две мелкие бронзовые поясные накладки (рис. 6: 13 — 14). В области ступней между ног были расчищены костяная орнаментированная копоушка (рис. 6: 18), а чуть ниже — железный рыболовный крючок (рис. 6: 17).

Датировка комплекса может быть обоснована ближайшими к Девлетгильдино средневековыми материалами IX — XI вв. В погребальных памятниках Ветлужско-Вятского междуречья находят аналогии все категории украшений, деталей одежды (кроме одной из шумящих подвесок с основой в виде лунницы) и предметов быта из указанного комплекса. Большая часть вещей имеет широкую

датировку в рамках X — XI вв. Сузить ее помогают три категории артефактов: 1. Небольшая выпуклая сердцевидная бляшка-накладка с орнаментом из полумальметт, фланкирующих центральную фигуру (вид 2а по В. В. Мурашевой) — второй половины X — XI вв. (анalogии от Швеции до Прииртышья) [3, с. 36, рис. 43: 2а]; 2. Наличие в комплексе «усатых» перстней без валика на щитке. Появление подобных изделий в марийских могильниках, по последним данным, происходит не ранее XI в.²; 3. «Звериноголовые браслеты», датируемые на финских и славянских территориях XI — началом XII в. [10, с. 112]. В марийских могильниках (найден 31 экз.) они также появляются не ранее XI в.³ Об этом говорит и нанесение на браслетах орнамента «волчий зуб», характерного для древностей Северной Руси. Появление вышеуказанных предметов связывается исследователями средневековой марийской культуры с западным («славяно-финским») влиянием, прослеживаемым с середины XI в.⁴ Таким образом, наиболее вероятная дата комплекса — XI в., скорее, ближе ко второй его половине.

По поводу этнокультурной интерпретации изученного погребения можно сказать следующее. Несмотря на то, что в Девлетгильдино мы видим ориентировку З — В, не характерную для марийской культуры, по нашему мнению, здесь заметно стремление разместить погребенного ногами к реке так, чтобы голова оказывалась выше, чем ноги, что находит аналогии в Русенихинском могильнике [6, с. 75; 7, с. 74]. Обряд связывания покойника и захоронения его отдельно от родового кладбища в целом представляется уникальным для археологии региона, однако подобные случаи известны по многочисленным археологическим и этнографическим данным еще с палеолита, что связывается со страхом перед покойником, стремлением обезопасить живых от мертвеца. Возможно, одиночное захоронение вдали от остальных членов общины связано и с представлением о заложном покойнике, который мог быть захоронен в Девлетгильдино [11, с. 496, 498 — 500, 506 — 507].

Весьма красноречивы этноопределяющие элементы погребального костюма. Большая часть украшений может быть отнесена к так называемым этномаркерам марийской средневековой культуры: головная цепочка с подвесками-бубенчиками [1, с. 17 — 40; 6, с. 83 — 84], браслетообразное височное кольцо с одним отогнутым кольцом [1, с. 19 — 20; 6, с. 84], нагрудное ожерелье из кожаного ремешка с бронзовыми пронизками из спиральновитой проволоки с различными подвесками. Остальные предметы также встречаются в марийских средневековых некрополях, хотя имеют и более широкие (общефинские или финно-угорские) аналогии.

Отмеченный комплекс, согласно имеющимся в литературе представлениям, должен быть отнесен к женским. В частности, типично женскими считаются головные цепочки и ожерелья. С височными кольцами, гривнами, браслетами и перстнями чуть сложнее, они отмечались в различных по половой принадлежности погребениях, но тем не менее в вышеотмеченном составе погребального инвентаря захоронение в Девлетгильдино производит однозначное впечатление женского.

Е. М. Макаровой было проведено антропологическое определение костяка: «При определении пола погребенного в первую очередь учитывалась морфология тазовых костей, а именно острый угол большой седалищной вырезки, сильно

² Акилбаев А. В. Древнемарийские памятники IX — начала XII вв. в системе древностей Великого Волжского пути: по материалам украшений и предметов одежды: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2017. С. 94.

³ Там же. С. 103.

⁴ Там же. С. 13, 142 — 143.

изогнутое строение крыла подвздошной кости, вертикальное расположение крыла подвздошной кости, что является мужскими признаками. Степень сохранности черепа, к сожалению, не дает нам в полном объеме оценить степень развития мышечного рельефа. На сохранившихся фрагментах можно отметить довольно крупные сосцевидные отростки и развернутые наружу углы нижней челюсти, что также свидетельствует в пользу принадлежности данного индивидуума к мужскому полу. Возраст погребенного определялся по трем методикам: степень зарастания швов на черепе, оценка стертости жевательной поверхности зубов и оценка возрастных изменений на костях посткраниального скелета, что позволило нам отнести указанного мужчину к возрастной когорте *Maturus II* (45 — 55 лет)».

Археогенетические исследования, проведенные в Лаборатории Дэвида Райха (Гарвардский университет), показали, что в Девлетгильдино захоронена женщина. По аутосомным признакам изученный индивид, как и ряд других близких в культурном отношении раннесредневековых образцов (могильник «Чебоксарский городок»), демонстрирует сходство в первую очередь с населением азелинской культуры (Мари-Луговая, Арзобеяк, Рождествено, Тат-Бояры), заметно отличаясь от других предположительно финноязычных раннесредневековых популяций Волго-Камского региона существенно большей долей северно-азиатского, сибирского происхождения в генетическом профиле. Ее митохондриальная ДНК относится к гаплогруппе T2d1b1, встречающейся у индивидов ирменской культуры Западной Сибири позднего бронзового века, а в раннем железном веке — у гороховского и саргатского населения того же региона. К западу от Уральского хребта эта гаплогруппа зафиксирована у некоторых погребенных на пьяноборских и мазунинских могильниках раннего железного века и единично — у носителей ломоватовской культуры.

Что же касается историко-культурного контекста Девлетгильдинского погребения, то данный комплекс неплохо вписывается в этнокультурную ситуацию X — XI вв. в Марийско-Чувашском Поволжье, реконструируемую исследователями в последнее время (рис. 7). Кроме Девлетгильдино, здесь недавно обнаружен и исследован небольшой марийский Анаткасинский могильник X — XI вв.

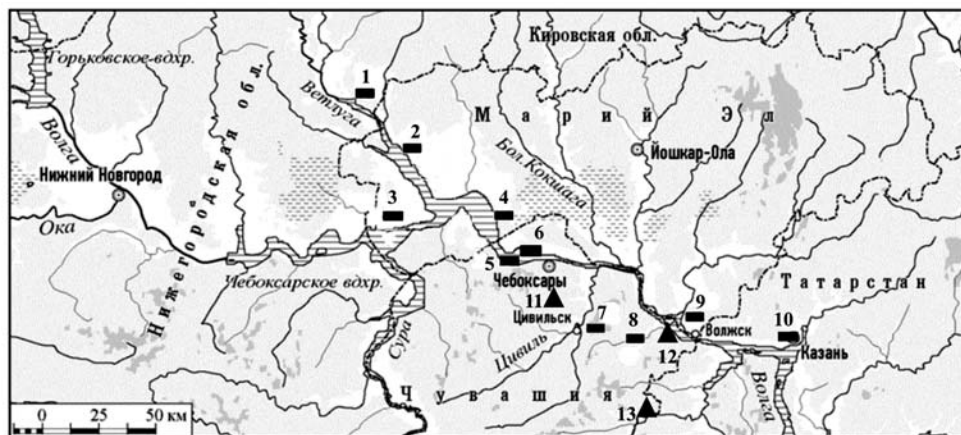

Рис. 7. Карта могильников и случайных находок X — XI вв.

Марийско-Чувашского (Чувашско-Марийского) Поволжья:

- 1 — Русенихинский, 2 — Выжумский, 3 — Нижняя Стрелка, 4 — Дубовский,
5 — Амаксарский, 6 — Чебоксарский городок, 7 — Анаткасинский,
8 — Девлетгильдинское погребение, 9 — Мари-Луговой (?), 10 — Борисковский,
11 — Чебоксарский уезд, 12 — Дятлинские находки, 13 — Беловоложские находки

(изучено 30 погребений) [8]. Хотелось обратить внимание и еще на несколько находок указанного круга на территории Чувашии.

Это, во-первых, находки, известные еще по коллекции В. Заусайлова, опубликованные А. М. Тальгреном (1918): 1. Бронзовое нагрудное украшение из трех умбоновидных бляшек в основе с одной петлей в верхней части и тремя в нижней, с тремя шумящими лапчатыми привесками на двухзвеневой цепи в нижней части из Чебоксарского уезда [12, pl. 2, 27; p. 50]; 2. Бронзовая обувная ажурная бляха на арочной основе с прямоугольной пластиной в верхней части, украшенной ложновитым и спиралевидным орнаментом с 13 петлями, к которым присоединены шумящие лапчатые привески по сторонам (обломана) из д. Белая Воложка Тетюшского уезда [12, pl. 2; p. 50].

Во-вторых, два комплекта находок, обнаруженных у д. Дятлино (ныне Козловский муниципальный округ Чувашской Республики) в конце XIX в. и переданных в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Судя по составу находок (целый ременной набор, обилие браслетов, детали ожерелья), дятлинские находки, вероятно, также происходят из погребального памятника, расположенного где-то недалеко от д. Дятлино [4]. Возможно, этот могильник мог быть расположен и в окрестностях Криушской дюны (Криуши — соседняя с Дятлино деревня, расположенная на другом берегу р. Аниш), где известно селище домонгольского времени.

В 2021 — 2022 гг. на территории Чувашии в акватории Чебоксарского водохранилища на острове Амо(а)ксар и в Чувашском Заволжье были обнаружены еще два памятника X — XII вв.: Амоксарский могильник и могильник «Чебоксарский городок», которые исследователи в основном склонны связывать со средневековыми марийскими памятниками [5; 9].

Заключение

Раскопки у д. Девлетгильдино Мариинско-Посадского района Чувашии в 2015 г. позволили выявить многослойный характер памятника. В позднем бронзовом веке здесь находилось небольшое поселение культуры текстильной керамики, в I — II вв. н. э. — селище писеральско-андреевского типа, в XI в. здесь было совершено одиночное захоронение, в XVII — начале XVIII в. функционировало чувашское святилище — *киремет*. Средневековое погребение характеризуется следами связывания покойника, что вместе с отсутствием других могил может указывать на обезвреживание останков. Необычным делает погребение и женский набор погребального инвентаря при определенной «мужеподобности» палеоантропологических материалов. Археогенетические исследования показали, что погребенная была женщиной с древним ДНК североазиатского, сибирского происхождения, наиболее близкого к азелинской культуре. Историко-культурный контекст погребения связан с появлением и распространением в X — XI вв. на территории правобережья Чувашского Поволжья древностей, наиболее близких к культуре Вятско-Ветлужских могильников, связываемых в археологии со средневековыми марийцами. С каждым полевым сезоном этих памятников становится больше.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архипов Г. А. Марийцы IX — XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола : Марийское гос. изд-во, 1973. 196 с.
2. Березин А. Ю., Березина Н. С., Михайлов Е. П., Мясников Н. С. Материалы археологических разведок ЧАЭ ЧГИГН в 2011 — 2014 гг. // Чувашская археология. Вып. 3. Чебоксары : ЧГИГН, 2018. С. 288 — 363.

3. Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X — XIII вв.). Москва : Эдиториал УРСС, 2000. 134 с.
4. Мясников Н. С., Фалилеев А. Е. Дятлинские находки домонгольского времени из Чувашского Поволжья // Учебный эксперимент в образовании. Научно-методический журнал. 2017. № 2 (82). С. 19 — 27.
5. Мясников Н. С., Березин А. Ю., Григорьев В. Ю., Михайлов Е. П., Сивова Л. В. Предварительные результаты археологических исследований нового средневекового могильника «Чебоксарский городок» в Чувашском Заволжье в 2022 — 2023 гг. // Мари и чуваш: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (с. Красный Яр Звениговского муниципального района Республики Марий Эл, 22 сентября 2023 г.) / МарНИИЯЛИ; ЧГИГН. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2023. С. 7 — 34.
6. Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX — XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань : МарНИИЯЛИ, 2012. 407 с.
7. Никитина Т. Б. Русенихинский могильник: [монография в журнале] // Археология Евразийских степей. 2018. № 3. 255 с.
8. Никитина Т. Б., Воробьева Е. Е., Федулов М. И. Украшения Анаткасинского могильника (о культурной принадлежности памятника) // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 121 — 138.
9. Никитина Т. Б., Акилбаев А. В. О погребальном обряде Амоксарского могильника X — XII вв. (по материалам раскопок 2021 — 2023 гг.) // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 168 — 181.
10. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X — XV вв.). Москва : Наука, 1981. 195 с.
11. Семенов Ю. И. Как возникло человечество. Изд. 2-е, с нов. предисл. и прилож. Москва : Гос. публ. ист. б-ка России, 2002. 788 с.
12. Tallgren A.-M. Collection Zaoussailov au musee national de Finlande a Helsingfors. Monographie de la section de l'age du fer et l'epoque dite de Bolgary. Helsingfors: Commission des collections antell, 1918. 60 p.

REFERENCES

1. Arkhipov G. A. The Mari of IX — XI centuries. The origin of the Mari people. Yoshkar-Ola;1973:196. (In Russ.)
2. Berezin A. Y., Berezina N. S., Mikhailov E. P., Myasnikov N. S. Materials of archaeological findings of the Chuvash archeological Expeditions of Chuvash State Institute of Humanities in 2011 — 2014 // Chuvash Archaeology. No. 3. Cheboksary;2018:288 — 363. (In Russ.)
3. Murasheva V. V. The Ancient Russian belt set jewelry (X — XIII). Moscow;2000:134. (In Russ.)
4. Myasnikov N. S., Falileev A. E. The Dyatlin findings of pre-Mongolian time from the Chuvash Volga region // Educational experiment in education. Scientific and methodological journal. 2017;2(82):19 — 27. (In Russ.)
5. Myasnikov N. S., Berezin A. Y., Grigoriev V. Y., Mikhailov E. P., Sivova L. V. Preliminary results of archaeological research of a new medieval burial ground “Cheboksarsky Gorodok” in the Chuvash Volga region in 2022 — 2023 // The Mari and Chuvash: ethno-cultural dialog in historical retrospect. The materials of the Interregional scientific-practical conference (Krasny Yar village, Zvenigov municipal district of the Mari Republic, September 22, 2023). Mari research institute of language, literature and history; Chuvash State Institute of Humanities. Yoshkar-Ola;2023:7 — 34. (In Russ.)
6. Nikitina T. B. The Burial monuments of IX — XI centuries. Vetluzhsko-Vyatsky interfluve. Kazan;2012:407. (In Russ.)
7. Nikitina T. B. The Rusenikhinsky burial ground: [monograph in the journal] // Archaeology of the Eurasian Steppes. 2018(3):255. (In Russ.)
8. Nikitina T. B., Vorobyeva E. E., Fedulov M. I. The decorations of the Anatkasinsky burial ground (on the cultural monument affiliation) // Volga Archaeology. 2016;1(15):121 — 138. (In Russ.)
9. Nikitina T. B., Akilbaev A. V. The funeral rites of the Amoksar burial ground in X — XII centuries (excavations' materials 2021 — 2023) // Archaeology of the Eurasian steppes. 2024(6):168 — 181. (In Russ.)
10. Sedova M. V. Jewelry of ancient Novgorod (X — XV centuries). Moscow;1981:195. (In Russ.)
11. Semyonov Y. I. How Mankind Emerged. Ed. 2nd, with a new preface and appendix. Moscow;2002:788. (In Russ.)
12. Tallgren A.-M. Collection Zaoussailov au musee national de Finlande a Helsingfors. Monographie de la section de l'age du fer et l'epoque dite de Bolgary. Helsingfors: Commission des collections antell, 1918. 60 p.

Статья поступила в редакцию 26.03.2025;
одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 25.04.2025

Информация об авторах:

Мясников Николай Станиславович, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1), кандидат исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4557-8995>, myasnikovn1988@gmail.com

Михайлов Евгений Петрович, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук

(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7865-5715>, mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

Вклад авторов:

Мясников Н. С. — руководство раскопками, сбор данных и анализ литературы, проведение критического анализа материалов, формулирование выводов и рекомендаций, подготовка текста к печати;
Михайлов Е. П. — участие в раскопках, сбор данных, критический анализ и научное редактирование текста.

*Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editorial on 26.03.2025;
approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication 25.04.2025

Information about the author:

Nikolay S. Myasnikov, leading research worker of Chuvash State Institute of Humanities (29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia), candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4557-8995>, myasnikovn1988@gmail.com

Evgeny P. Mikhaylov, senior researcher, Chuvash State Institute of Humanities (29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7865-5715>, mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

Authors' contribution:

Myasnikov N. S. performs directing of excavations, collecting of data and analyzing literature, conducting materials' critical analysis, formulating conclusions and recommendations, preparing the text for printing;
Mikhailov E. P. participates in excavations, collecting of data, critical analysis and scientific editing of the text.

*Conflict of interest: there is no conflict of interest among the authors.
The authors read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 26.03.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҫҫӑн 20.04.2025 ырланӑ; 25.04.2025 пичете йышӑннӑ

Авторсем җинчен:

Мясников Николай Станиславович, Чӑваш патшалӑх гуманитари ӑслӑлӑхӗсен институтӗн ӑслӑлӑх ертӗҫӗ ӗҫтешӗ (428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.), истори ӑслӑлӑхӗсен кандидачӗ,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4557-8995>, myasnikovn1988@gmail.com

Михайлов Евгений Петрович, Чӑваш патшалӑх гуманитари ӑслӑлӑхӗсен институтӗн ӑслӑлӑх аслӑ ӗҫтешӗ (428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7865-5715>, mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

Авторсен тӗли:

Мясников Н. С. — чаву ӗҫӗсене ертсе пынӑ, хыпарсем пуҫтарнӑ, литературӑна тишкернӗ, материалсене хак панӑ, пӗтӗмлетӗсемпе сӗнӗсем хатӗрлесе йӗркеленӗ, текста пичете хатӗрленӗ;

Михайлов Е. П. — чавма хутшӑннӑ, хыпарсем пуҫтарнӑ, текста тишкернӗ тата ӑслӑлӑх енчен редакциленӗ

*Пайталӑх конфликтӗ: авторсем пайталӑх конфликтӗ җуккине пӗлтӗреҫҫӗ.
Авторсем ал ҫыраҫн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.*

УДК 902/39
ББК 63/51(2)

Научная статья

МОНЕТЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШЕЙ

А. К. Салмин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
antsalmin@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования являются монеты X — начала XX в. Тема — история и археология. Цель — выявление старинных монет, имеющих историко-этнографическое значение и определение их роли в датировке. Контекстное изучение позволило также указать на этнические особенности традиционной культуры. Для написания статьи использованы основные источники по обсуждаемой теме. Византийские монеты Юстина I (518 — 528), найденные во время археологических раскопок на землях Царства гунно-сави́ров, уточняют хронологию пребывания исторических предков чувашей на территории современного Дагестана. А сохранившиеся монеты начала X в., работы предшественников и исследование автора статьи позволяют утверждать, что г. Сувар полноправно функционировал к середине X в. Об этом свидетельствуют соответствующие чеканки и арабографические надписи на монетах. Таким образом, впервые предпринята попытка изучения этнической истории чувашей посредством анализа старинных монет, со временем ставших нумизматическим достоянием, точнее — тезаврированным материалом.

Ключевые слова: история, этнос, археология, монеты, древность, Средневековье, Кавказ, Поволжье, чуваш

Для цитирования: Салмин А. К. Монеты в этнической истории чувашей // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 25 — 35

© Салмин А. К., 2025

Scientific article

COINS IN THE ETHNIC HISTORY OF THE CHUVASH

A. K. Salmin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia
antsalmin@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the coins of 10th — early 20th centuries. The theme is history and archeology. The goal is to identify ancient coins of historical and ethnographic significance and determine their role in dating. Contextual study pointed out the traditional culture ethnic features. The main thematic sources contributed to the writing of this article. Byzantine coins of Justin I (518 — 528) found during archaeological excavations in the lands of the Kingdom of Hun-Savir, clarify ancestors' chronological dating of the Chuvash people on the territory of modern Dagestan. The preserved coins of the early 10th century, the predecessors' works and the author's research of these lines confirm to fully functioning of Suvar in the middle of 10th century. The corresponding coinage and Arabic inscriptions on the coins are the result of this finding. Thus, for the first time an attempt was made to study the ethnic history of the Chuvash people through the analysis of ancient coins, which over time became numismatic property, or more precisely, hoarded material.

Keywords: history, ethnos, archaeology, coins, Antiquity, Middle Ages, the Caucasus, the Volga region, the Chuvash people

For citation: Salmin A. K. Coins in the ethnic history of the Chuvash // Modern humanities. 2025;1(2):25 — 35

МЕТАЛЛ УҚСА ЧАВАШ ХАЛĂХ ИСТОРИЙЁНЧЕ

А. К. Салмин

РĀА Аслă Петĕр ячĕллĕ антропологије этнографии музейĕ (Кунсткамера),
Санкт-Петербург хули, Раçсей
antsalmin@mail.ru

Аннотаци. Статья Х — XX ėмĕр пуçламăшĕнче çĕрĕнĕ металл укça пĕлтерĕшĕне тишкернĕ. Теми — историе археологи. Тĕллевĕ — истори-этнографи тĕлĕшĕнчен пĕлтерĕшлĕ авалхи металл укça тĕслĕхĕсене тупасси тата вĕсен тĕрлĕ вăхăтри вырăнне кăтартса парасси. Металл укçана историе пулса иртнĕ ėçсемпе сыхăнтарса тĕпчени авалтан килекен культура уйрăмлăхĕсене уçса пама та пулăшать. Статьяна сырнă чухне сĕтсе явакан темăпа тĕрремĕнх сыхăннă материалсемпе уçă курнă. Хун-сăвар патшалăхĕ пулнă çĕрсенче археологсем византиецсен I Юстин (518 — 528) вăхăтĕнчи укça тĕслĕхĕсене тупнă. Çакă чăвашсен авалхи аслашшĕсем ку чухнехи Дагестан çĕрĕнче пулнă хронологие тĕрĕсрех çутатма май парать. Х ėмĕр пуçламăшĕнчи сыхланса юлнă металл укça, пирĕн умĕнхи историксен ėçĕсем тата çак йĕркесен авторĕн тĕпчевĕсем Атăлчи Пăлхар патшалăхĕнчи Сăвар хули Х ėмĕр варринелле тулли пурнăç йĕркелесе янине кăтартса парасçĕ. Çакнах укça çине çапнă эрешсем тата вĕсем çинчи арабла сырусем те ėнентересĕ. Çапла вара, авалхи укça тĕслĕхĕсемпе уçă курса чăвашсен этноисторие тĕпчес ėçре малтанхи утăм тунă, çав вăхăтрах вĕсем нумизматика еткерĕ, тĕрĕсреххĕн — нимĕнпе те виçме май çук пуянлăх (thesaurus) пулса тăнине кăтартса панă.

Тĕп сăмахсем: истори, этнос, археологи, металл укça, аваллăх, Вăтам ėмĕрсем, Кавказ, Атăл тăрăхĕ, чăвашсем

Цитатăлама: Салмин А. К. Металл укça чăваш халăх историйĕнче // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 2 №. С. 25 — 35

Введение

Статья является продолжением авторских изысканий по этнической истории чувашского народа. Исторические предки чувашей сапиры/савиры/сувары прошли свой достойный путь. В этот раз предлагаются рассуждения о роли монет в изучении этнической истории, т. е. будем иметь в виду этнографию нумизматики.

Материалы и методы

В качестве источников в исследовании послужили сочинения арабского путешественника Ибн Фадлана, работы выдающихся нумизматов Х. Д. Френа и Р. Р. Фасмера, ряд архивных источников, материалы полевых исследований, а также словарь Н. И. Ашмарина. Автор опирался на исследования ведущих археологов по теме. Среди них — Н. С. Мясников, Е. П. Михайлов, Н. С. и А. Ю. Березины, Р. М. Валеев и Д. Г. Мухаметшин, И. Л. Измайлов, Е. П. Казаков, Я. А. и Г. С. Федоровы, Г. А. Федоров-Давыдов и Флорин Курта.

Результаты исследования и их обсуждение

Старинные серебряные монеты, на которых изображен полет орлицы, чувашин называют *ама тенкĕ* (букв. «самка-монета»). Как подчеркивал Н. И. Ашмарин, на таких монетах «орел вычеканен не так, как на прочих монетах (а с широко раскинутыми крыльями)... Вешать на себя *ама тенкĕ* грешно: говорят, что из-за нее попадешь в ад»¹. Готовя себе украшения с использованием серебра и меди,

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 1. Казань : Наркомпрос ЧАССР, 1928. С. 191.

чувашки из суеверия строго следили, чтобы монеты с изображением орла в полете не были по ошибке пришиты к корпусу национального украшения в виде различных височных подвесок *хӕлха сакки*, нагрудных навесов *иуӕлкеме* и перевязей через плечо *тевет*. Как видим, орлица может не только вынести из того света, но и отправить туда. На самом деле она исполняет роль Харона.

То, что орел в чувашских богатырских сказках, выносящий *паттӑр*’а из нижнего мира, в полете поворачивает голову то вправо, то влево [9, с. 281 — 284], дает повод говорить о его двухголовости. А это, в свою очередь, вызывает ассоциацию с двуглавым орлом на гербе России и открывает дискуссию о происхождении символики. Данный знак, в частности, уводит исследователей к анализу истоков фигуры двуглавого орла на монетах. Например, имеются рассуждения о происхождении золотоордынского двуглавого орла.

Однако анализ нумизматического материала Джучидов, Сельджуков Рума, Ильханов и некоторых турецких бейликов демонстрирует ошибочность выводов о золотоордынских субстратах. Эмблема двуглавого орла возникла изначально на монетах в восточной части Малой Азии, оттуда распространилась по всему полуострову и только потом проникла в денежное дело Золотой Орды. Монетный материал не дает никаких данных для выведения российского герба из изображений на джучидских медных деньгах [4, с. 5].

Впускное погребение на кургане Уч-тепе (Азербайджан) связано с походами северных племен в Южное Предкавказье. Здесь найдена золотая византийская монета Юстина I (518 — 527). Инвентарь из погребения (меч с односторонним лезвием, золотой поясной набор, золотой перстень с пехлевийской надписью) позволяет датировать погребение концом VI — началом VII в. [10, с. 61, 64]. Это — время и место расцвета великолепного Варахана и Царства гунно-савирав.

Ряд исследователей (например, Н. Н. Поппе) полагали, что чувашский язык не принадлежит ни к тюркской, ни финской группе языков, его следует отнести к третьему звену и признать дотюркским. На сегодня открыты и расшифрованы немногочисленные арабографичные тексты, зафиксированные на эпитафиях XIII — XV вв. на Среднем Поволжье. Большая их часть читается с помощью чувашского языка, а другие — тюркоязычные. Но самое важное то, что до середины XIV в. тюркских слов в этих надписях не было. По монетам, отчеканенным в Булгаре, видно, что население к началу XIV в. сохранило свой язык. Следы его отразились в чувашском. Но впоследствии население Волжской Булгарии подверглось сильному влиянию кыпчакского языка. В итоге тюркизированный болгарский язык стал государственным так же, как в Средней Азии кыпчакский.

Х. Д. Френ скрупулезно разбирал монеты, чеканенные в Волжской Булгарии в X в.² Речь идет об экземплярах, хранившихся в Дерпте, Стокгольме и Риме, которые оказались в поле зрения исследователя. Все эти монеты были чеканены в г. Сувар, о чем свидетельствует надпись арабской графикой: *سوار*. Даты их изготовления — с 949 по 976 г. На денежных знаках имеются имена тех, от имени ко-

² Fraehn Ch. M. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren, aus Ibn-Foszlans Reiseberichte: Der Text kritisch berichtet, mit treuer Uebersetzung begleitet und den nöthigen Erläuterungen versehen von Ch. M. Fraehn // Mémoires de l’Académie des Sciences de Saint-Petersbourg. Sixième Série. Sciences politiques, histoire et philology. T. I. St.-Petersbourg, 1832. S. 527 — 577; Frähn M. Drei Münzen der Wolga-Bulgaren aus dem Xten Jahrhundert nach Christi Geburt (avec une planche gravée) // Mémoires de l’Académie des Sciences de Saint-Petersbourg. Sixième Série. Sciences politiques, histoire et philology. T. I. St.-Petersbourg, 1832. S. 171 — 204.

торых они печатались — Талиб и Мумин. Х. Д. Френ писал, что на монетах городов Сувар и Булгар есть также имена халифов-аббасидов. На одной из них — имя отца чеканщика монеты. Речь идет о Талибе, сыне Ахмета. Согласно Р. Р. Фасмеру, его монеты чеканились в 337 — 347 гг. по хиджре (= 948/949 — 958/959). Он, анализируя имеющиеся в его распоряжении монеты X в., подтверждал, что «эти монеты действительно чеканены в Булгаре и Суваре» от имени Талиба ибн Ахмада³.

Сувар на Волге изначально (с 898 г.) являлся центром суварского народа. «Кроме того, он [Алмуш] захотел, чтобы произошла перекочевка [племен], и послал за народом, называемым суваз (زلاوس), приказывая им перекочевать вместе с ним. [Они] же отказали ему»⁴. Иначе говоря, царь Волжской Булгарии общался с суварами через посланника. А это означает и политическую, и территориальную независимость суваров от булгар. Однако, как показывают письменные источники и археологические данные, до 940 г. это был лишь племенной центр, а не город в собственном смысле слова [6, с. 230]. Нумизматический материал и письменные документы позволяют утверждать, что в начале X в. г. Сувар был независим от Булгара и подчинялся хазарскому царю. Но затем, в эпоху между правлениями ханов Насра и Талиба, произошло объединение этих двух городов под началом сыновей Ахмед-хана, которые в 941 — 992 гг. чеканили монеты как в Суваре, так и в Булгаре (монеты Наср бен-Ахмед-Суvara, Талиба бен-Ахмеда, Мумина бен-Ахмеда). Окончательная потеря самостоятельности Суvara произошла в 976 г. В этот год хан Мумин чеканил монеты в обоих городах [8, с. 88]. Заодно можно смело сказать, что в середине X в. Волжская Булгария вела оживленную торговлю со многими странами Востока и Запада.

Отчеканенные на монетах даты дают право утверждать существование г. Сувар к концу первой половины X в. А это позволяет отвести отрицание строительства Суvara только при татаро-монголах в XIII в. Допустимо, что прообраз этого города был уже в 922 г. Сувары прибыли в эти места в 898 г. Соответственно за 24 года они могли построить довольно приличный город. То, что Ахмед ибн Фадлан не зафиксировал города с таким названием, не является основанием для утверждения отсутствия. История знает много примеров, когда названия народов, городов и местностей не попадали на заметку путешественников, хотя они существовали. Есть важные, но ускользающие от внимания географов нюансы. Так, Прокопий в основном обходит вниманием кочевников, передвигающихся по суше. В его периплах сухопутные передвижения не выдвигаются на передний план. Также понятно: те, кто ближе к римлянам (например, кутригуры), являются их врагами, в то время те, кто далек от них (утигуры, трапезиты), — их союзники [12, с. 33]. Прокопий и Агафий упоминают кутригуров, но в описании тех же событий у Иордана есть только булгары. Выходит, не всегда отсутствие упоминания в источнике о тех или иных этносах говорит об их отсутствии в это время в этом месте.

Знаки-тамги служили символами собственности рода или клана. Наносились они на монеты, горшки, орудия труда, межевые столбы и оружие. Исследователи истории Волжской Булгарии X — первой трети XIII в. выделяют тамги, похожие

³ Фасмер Р. Р. О монетах Волжских болгар X века // ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. Казань, 1925. С. 43.

⁴ Ибн Фадлан. Книга // Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 — 922 гг. Харьков : Изд-во Харьковского гос. ун-та им. А. М. Горького, 1956. С. 139.

на перевернутую букву «V» [5, с. 148]. Полагают, что такие тамги принадлежали как булгарам, так и суварам [2, с. 533].

В XVIII — XIX вв. городище близ д. Тигашево почиталось как *киреметище*. При раскопках было найдено более десятка монет этого времени — приношения божеству местности. Земля, занятая святилищем, не вспахивалась. «В южной части внешнего вала виден проем, сделанный, как сообщили жители д. Тигашево, сравнительно недавно; через этот проем прогоняли скот... После этой церемонии считалось, что скот защищен от болезней и падежа» [11, с. 89].

Раскопки в 2018 г. на Большетаябинском городище показали, что здесь содержатся компоненты разных этнокультурных групп. Выделяются угорская, финская и салтово-маяцкая керамика (сосуды с шамотными и растительными примесями). Современные археологи пересмотрели датировку объекта в пользу домонгольского времени — точнее, с X по начало XIII в. Здесь найдены и более поздние монеты XVIII — XIX вв., связанные с чувашским святилищем [1, с. 45, 61, 83]. Вообще оставление на святилище дара божеству местности в виде монеты типично и характерно для традиционных верований чувашей. Деньги оставляли в основном или у березы, или в дупле. А с приходом православной веры крещеные чуваша, выходя из храма, денежки втыкали в щели стен строения.

Обрядовая традиция активно включает в свои ритуальные действия монеты самого разного вида. В одних случаях мелкие деньги относят на святилище, в других они сопровождают человека в иной мир, в-третьих — служат украшением. Есть еще ряд поводов использования металлических денег в ритуальной практике. В большинстве случаев через долгие годы или века такие монеты становятся предметом исследования археологами.

Явным монетолобом в чувашских традициях является *Киремет*. Наиболее типичный вариант — выпрашивание у этого божества долголетия для новорожденного. Помолвившись, отец ребенка собирает жертвенный дар в виде сыра, хлеба, пива и монеты и относит все это на ближайшее урочище. Дары несли, завязав в платок. На более позднем этапе монета могла служить заменителем всех жертвенных даров. Само моление исполняли или дома, или во дворе, или уже на святилище. При этом следовало соблюдать правила таинства: тайно от соседей и вообще от чужих глаз. Само божество *Киремет* в большинстве случаев символизировало отдельно стоящее старое дерево, чаще — березу. Обычно на таком дереве висел череп лошади, к веткам привязывали разноцветные ленты, в трещинах торчали монеты мелкого достоинства (в том числе имитации монет *нухрат*), а также здесь же висела шкура жертвенного животного⁵. Аналогичные действия можно было наблюдать у марийцев.

При похоронах умершего родственника также использовались монеты. Так, женщине повязывали *сурпан*, в лобной части которого пришивали три крупные монеты (иногда серебряные, иногда царские, иногда имитации). Такой случай, например, зафиксирован в 1911 г. в д. Медякасы Ядринского уезда. Полагали, что монеты освещали путь умершему на том свете. Есть случаи вкладывания монеты в рот покойнику. Этой монетой он должен выкупить себе землю. Спилив в лесу дерево для изготовления деревянной антропоморфной фигуры *юпа*, в пень вкола-

⁵ Поле 88 — экспедиция автора в 1988 г. в Базарно-Карабулакский р-н Саратовской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 48; ЦГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 1 — Магницкий В. К. [Рукописи]. Л. 133; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026 — Масленицкий Тимофей. Топографическое описание губернии Симбирской. 1785 г. Л. 257.

чивали монету. Денежку клали и в могилу в головной части. Это — плата за вход. Установив столб на могильный холмик, на макушку *юпа* вбивали монету⁶.

В фондах Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) хранится чувашское женское комбинированное украшение *ама*. Происходит из нынешнего с. Шумшеваши Аликовского МО Чувашской Республики. Поступило от Н. П. Парфенова. Время изготовления — вторая половина XIX в. Длина украшения — 60 см, ширина внизу — 26 см, длина тыльной стороны *пуç хысё* — 26 см; общая длина — 82 см⁷.

Украшение это — обязательная принадлежность праздничного костюма замужних женщин *вирьял*. Центральная часть нагрудно-нашейного украшения расшита серебряными монетами разного достоинства и разного времени изготовления. К верхней части в двух местах прикреплено наспинное или наплечное украшение в виде воротника полукруглой формы *пуç хысё*.

Всего на украшении *ама* 124 монеты, на украшении *пуç хысё* — 68 монет, а на всем украшении — 192 монеты. Назову только некоторые монеты XVIII в.: монета Павла I достоинством 1 руб. 1799 г.; монета Екатерины II достоинством 1 руб. 1763 г.; монета Петра III 1762 г. Таким образом, перечисленные этнографические факты с использованием старинных монет со временем становились нумизматическим достоянием, точнее — тезаврированным материалом.

На самом деле, тема «Монета в этноистории» довольно обширная. Тем более это мост к теме «Нумизматика в этноистории». Одной из загадок являются старинные монеты с искусственными насечками на гурте (ребре). Сказать, что такие монеты служили в качестве украшений на женской одежде, — невозможно, так как у них нет специально просверленных (пробитых) дырочек, за которые могли их прикрепить. Но такие монеты явно могли служить в качестве украшений, но каких? Есть предположение, что их использовали в качестве жертвенных приношений, например, умершим все вещи отдавали в испорченном виде. Но едва ли. Как пишет нам научный сотрудник Центра фотохимии РАН С. К. Сазонов, в Поволжье (в Самарской, Ульяновской, Саратовской, Пензенской областях) известны в большом количестве медные монеты царского периода и до 1950-х гг. со специальными насечками по кругу. Кроме того, часть монет специально «убита», т. е. забиты изображения или сточены, чтобы превратить монеты в неплатежеспособные. Иногда нанесены специальные знаки, граффити. С. К. Сазонов подразумевает, что эти монеты использовались в ритуальных целях, но каких — неизвестно. Нет единого мнения и среди нумизматов. С. К. Сазонов накопил несколько сотен фотоснимков из интернета и имеет под сотню самих монет в своей коллекции. На монетах царского периода насечки сделаны почти всегда, за редким исключением, на орловой стороне. Практически только на медных монетах, за исключением самых мелких номиналов (денежки, полушки, 1/2, 1/4 копейки). Изредка такие насечки имеются на серебряных монетах, медалях, иностранных монетах. Визуально они напоминают солярную символику. Традиция продолжалась и после революции, и в первые годы советской власти. Они пропадают после 1961 г. Есть образцы насечек с обеих сторон гурта. Видимо, речь идет об ослаблении традиций. Во время опросов люди, обладающие такими монетами, отвечают шаблон-

⁶ Поле 90 — экспедиция автора в 1990 г. в Шенталинский р-н Куйбышевской обл. Магнитонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 219.

⁷ МАЭ РАН. Фонд Европы. Коллекция № 7165-1 — Чувашское женское комбинированное украшение *ама*. С. Шумшеваши Аликовского р-на Чувашской республики. Вторая половина XIX в.

но: «Так надо». О монетах с насечками идет дискуссия и среди нумизматов, но однозначного ответа нет.

Речь, конечно, идет о монетах мелкого достоинства и об имитациях (*укса*, *мамале*, *нухрат*), а не о деньгах вообще, особенно бумажных. Например, об уплате солидного калыма за невесту здесь не будет говориться. *Укса* — слово тюркское: *ак* «белый» + аффикс уменьшительности *-ча* = «беленький». Монету ритуального назначения можно определить по ситуации (нахождение на мольбище) и контексту (напр., *Усол укши* «наговоренные деньги», букв. «деньги злого духа Усала»)⁸. *Мамале* — заимствование из арабского языка, исходно означало «рост, проценты, ростовщичество». Н. И. Ашмарин справедливо полагал, что в чувашском языке это слово первоначально «обозначало предварительную жертву, за которой должно было последовать выполнение самого обета»⁹. *Мамале* бывают оловянные и медные, их выплавляют дома или используют старинные медные. *Нухрат* — из арабо-персидского *нукре* ‘серебро’. Как видим, оба заимствованных слова по значению и физическому свойству во многом совпадают. В словаре Н. И. Ашмарина *нухрат* в описании обряда от болезни приводится после слова *мамале* в скобках. *Нухраты*, как правило, бывают мелкие, круглой или овальной формы. Бывают из серебра, олова, свинца и жести¹⁰. Старинные серебряные деньги называются *чӑн нухрат* «настоящий нухрат», а жестяные — *ахаль нухрат* «обыкновенный, простой нухрат». Широко используемый простой *нухрат* выплавляли дома, капая олово на топор. Падая на железо, олово или свинец образует форму сплюснутых кружочков с дырочками. Для принесения *нухратов* домашнему божеству *Йӗрӗх*, например, в эти отверстия продевают нитку и вешают несколько штук на лучину. Чуваша деньги *укса* и имитацию *нухрат* приносили божествам и духам (например, *Киреметю*) иногда и одновременно, т. е. об отождествлении *укса* и *нухрат* (а также *мамале*) не может быть речи.

Если говорить о жанровой соотнесенности, то монеты явно активны в ритуалах, относящихся к проводам в иной мир и к связям с родственниками, находящимися в ином мире. Например, в обрядах по случаю сорока дней с момента отделения души от тела без монет просто не обойтись. Если в этот день в хозяйстве не могут резать жеребенка, то жертвуют монету, говоря: «Там купи себе лошадь». Также уложенному в кровать антропоморфному столбу *юна* участники обряда вкладывают в «рот» копейки; получая пиво во время трапезы, кружку возвращают с монетой на дне; прежде чем установить столб, на дно ямы кладут деньги; установив столб на могилу, сверху вбивают монету. Свадебная обрядность также часто обращается к сценам с монетами. Например, ритуал *Хаяр пӑрахни*: при выезде свадебного поезда за полевые ворота следует жертвовать монету духу *Хаяр*. *Киремет* — это тот объект, жертвоприношение деньгами которому считается наиболее подходящим даром¹¹. Кроме применения монет в ритуальных комплексах

⁸ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. III. Чебоксары : Наркомпрос ЧАССР, 1929. С. 102.

⁹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. IX. Чебоксары : Чувашгосиздат, 1935. С. 186.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 250; Ед. хр. 154. Л. 362; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. IX. Чебоксары : Чувашгосиздат, 1935. С. 44.

¹¹ Материалы экспедиции автора в 1988 г. в Базарно-Карабулакский р-н Саратовской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 26; Архив Санкт-Петербургского института истории. Колл. 238. Оп. 2. Д. 145а/82 — Рыбушкин М. Об общественных жертвоприношениях черемис, чуваш, мордвы в Казанской губ. Сер. XIX в. Л. 2; РГИА. Ф. 515. Оп. 15. Д. 465 — О мерах к улучшению состояния чуваш Симбирского и Буинского уездов. 1837 — 1842 гг. Л. 2 об.

существуют самостоятельные обряды жертвоприношения монетами, например, божествам и духам *Ѕёр йиш*, *Йёрёх*, *Хаяр*. Если человек не знает, кому и за что приносить в жертву монету, то следует отнести знахарке, которая проделает весь обряд по порядку.

В связи с формами жертвования монетой у чувашей следует указать на факт приготовления дара заранее. Существует обряд откладывания денег. Так, для паломничества в с. Ишаки откладывали нужное количество монет. Затем мыли их водой, завязывали в белый платок и вешали за перекладину в клети. Как свидетельствуют образцы текстов, отложенные деньги называются *мамале*. Но откладывали не только для непосредственного жертвования самими деньгами, а также для покупки жертвенного продукта. Например, совершив обряд бо-жеству прясла, завязывают мелочь в платок и кладут на столб до базарного дня. А на базаре покупают на них калач и съедают в честь *Турй*. Принесение *мамале* может также означать обещание в будущем посвятить настоящую жертву. Например, обещая *Киреметю* в будущем ягненка, в знак подтверждения слов следует отнести туда монету. На собранные таким образом на *киреметище* деньги смотритель урочища покупает животное и совершает жертвоприношение. В обрядах коллективного уровня собранные у народа деньги также идут на покупку животного, т. е. прямого принесения духам и божествам денег не происходит. В случае неиспользования денег в этом году их оставляют на следующий год на те же цели.

Подброшенные деньги — частое явление на местах прежних молений. Ныне их можно определить по таким топонимам, как «Денежный овраг» и «Денежная горка». Например, около с. Белая Гора Саратовской обл. и у с. Нижние Тимерсяны Ульяновской обл.¹² Как известно, в миссионерских целях церкви строились на территориях народных мольбищ. Поэтому люди по традиции продолжали бросать монеты и к церквям¹³. Существуют определенные правила избавления от порчи с помощью денег. Допустим, во дворе увидели мелочь в сумме 7 копеек. В таком случае следует положить туда еще столько же и всю получившуюся сумму выбросить вон. Подбирать жертвенные деньги нельзя, ибо такой человек берет на себя всю порчу, хворь и другой негатив жертвовавшего.

Попутно назовем еще одну форму ритуального обращения с мелочью: собранные во время обряда монеты могут быть разделены между участниками. Так, во время «Девичьего пира» девушки угощают находящихся в доме людей пивом, получая на дне кружки монеты. Полученная сумма делится между девушками соответственно возрасту.

Наиболее совместимым с монетами даром является хлеб. Например, выезжая за полевые ворота, свадьба останавливается, здесь зарывают в землю в честь духа *Хаяр* одну или две копейки и горбушку хлеба¹⁴. В удмуртской свадьбе отец невесты втыкает в хлеб серебряную монету и передает дочке, та, вынув монету, съедает хлеб, денежку оставляет себе [3, с. 172]. Хорошо совмещаются с монетой также хмель, солод и нитка. Хлеб (в виде горбушки или кусочков), а также яйцо и мясо домашнего животного можно употребить в качестве заменителей жертвенных монет.

¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 18. Инв. № 864 — 899. Л. 3; Ед. хр. 176. Л. 74; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. III. Чебоксары : Наркомпрос ЧАССР, 1929. С. 202.

¹³ Полевые записи и собрания автора в 1967 — 2004 гг. 208 л. + коллекция фотографий.

¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 29. Л. 18.

Речь, сопровождающая ритуальные действия, призвана усилить значение сакральной монеты, в ней указывается конкретное божество, которому приносится дар. Так, обращаясь к божеству *Валем ху́са*, просят его довольствоваться полученной жертвой, простить, объясняют, что приносят в его честь старинный серебряный *нухрат*¹⁵.

Определенный интерес представляет семантика дарения монеты. Чуваши, укладывая родственника в гроб, в рот ему клали монету. Сюда же отнесем эпизод «вкладывания» монеты в вырез надмогильного столба, означающего «рот» умершего. Происходило это действие, когда столб находился на кровати бывшего владельца. Деньги можно вложить также в руки или в карман при укладывании в гроб¹⁶.

Можно попытаться найти системный ответ на вопросы «Для чего нужно давать деньги?» или «Что с ними он (она) будет делать?». Согласно текстам, монета — это плата за землю, а также для удовлетворения духов, для торговых оборотов на том свете и т. д. Однако, видимо, попытка классификации безуспешна, ибо ритуал на каждом «повороте» требует платы, откупа или выкупа. Возьмем свадьбу. Здесь надо платить у ворот тестя, за место невесты, за ложку за столом... Без монеты не черпнешь воды в обряде хождения молодой за водой, а также для обмывания умершего. Даже собственного ребенка роженица выкупает в окно за монету. Поэтому данный вопрос следует рассматривать намного шире, чем это делал Б. А. Литвинский. Он предлагал четыре мифологемы с жертвенной монетой: оберег, для приобретения пищи, плата владыке подземного мира, плата за перевоз через воду. Объясняя отсутствие в некоторых могилах монеты, Б. А. Литвинский замечал, что давали не всем, ибо иного мира в таких вариантах можно было бы достичь без пересечения водной преграды [7, с. 150 — 169]. Конечно, исследователь и здесь определенно сужал круг возможных причин. Даже в качестве преграды на пути в иной мир кроме воды могут быть лес, гора, овраг и пр., ибо, заблудившись в лесу, например, можно оказаться в ином мире.

Согласно объяснению самих носителей культуры, монета, вбитая в вершину надмогильного антропоморфного столба *юпа*, служит светом, с помощью которого родственник может на том свете передвигаться¹⁷. Она также служит средством для предотвращения порчи, которая может быть и на том свете. Если невеста у русских, чтобы уберечься от порчи, брала в рот серебряную монету, то чуваши

Рис. 1. Монета с изображением на тему легенды «Девушка с коромыслом на Луне»

¹⁵ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. IX. Чебоксары : Чувашгосиздат, 1935. С. 45.

¹⁶ Материалы экспедиции автора в 1989 г. в Бузулукский, Грачевский, Державинский и Курманевский р-ны Оренбургской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 84, 117; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 172. Л. 7.

¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 6. Л. 575 — 576.

очень боятся увидеть в своем хозяйстве чужие деньги и считают это порчей. Поэтому и в иной мир родственника необходимо снабдить своей монетой и во что бы то ни стало избежать использования чужой. В закладывании монеты в фундамент дома, дарении детям денег в Старый Новый год *Сурхури* видится стремление жить богато, иметь много скота и обрести благополучие. Но и в этих случаях монета — не более чем символ. Как показало исследование Б. А. Литвинского, аналогичные верования восходят еще ко времени индоиранской общности. Есть данные, позволяющие думать об индоевропейском происхождении этого представления.

Заключение

Как видим, на сегодня по следам старинных монет можем утверждать, что исторические предки чувашей в первой четверти VI в. обитали в Царстве гунно-сави́ров, а в Волжской Булгарии еще до середины X в. чеканились монеты с надписью *Сувар*. Чуваша на женских головных уборах и на нагрудных украшениях широко использовали монеты XVIII — XX вв. Оставленные монеты в виде жертвы можно было найти на святилищах. В обрядовых ситуациях монеты часто заменяли имитациями типа *мамале* и *нухрат*. Особый интерес представляют монеты, специально испорченные путем нанесения на них насечек.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Березин А. Ю., Березина Н. С., Михайлов Е. П., Мясников Н. С., Хамзин Р. Н. Итоги археологических раскопок Большетаябинского городища и могильника в 2018 году // Чувашская археология. Вып. 4. Чебоксары : ЧГИГН, 2022. С. 45 — 197.
2. Валеев Р. М., Мухаметшин Д. Г. Внутренняя и внешняя торговля // Археология Волго-Уралья. Т. V: Средние века (VIII — начало XIII в.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы. Казань : Изд-во АН РТ, 2022. С. 530 — 555.
3. Гаврилов Борис. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань : Православное Миссионерское общество, 1880. 190 с.
4. Гончаров Е. Ю. Двуглавый орел на монетах Золотой Орды и Малой Азии: вторая половина XIII — XIV вв. // Нумизматика Золотой Орды. 2015. № 5. С. 5 — 15.
5. Измайлов И. Л. Знаки-тамги как символы Булгарской государственности X — первой трети XIII века // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 148 — 159.
6. Казаков Е. П. Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 222 — 241.
7. Литвинский Б. А. Погребальный обряд и ритуалы Бактрии — Тохаристапа // Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. Москва : Наука, 1984. С. 150 — 169.
8. Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань : Татар. кн. изд-во, 1987. 128 с.
9. Салмин А. К. Народная обрядность чувашей / отв. ред. член-корр. РАН С. А. Арутюнов. Чебоксары : ЧГИГН, 1994. 339 с., вкл.
10. Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе (историко-этнографические очерки). Москва : Изд-во МГУ, 1978. 296 с.
11. Федоров-Давыдов Г. А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 111. Москва : Изд-во АН СССР, 1962. С. 49 — 89.
12. Curta Florin. Ethnicity in the Steppe Lands of the Northern Black Sea Region during the Early Byzantine Times // Archaeologia Bulgarica. 2019. 1. Pp. 33 — 70.

REFERENCES

1. Berezin A. Y., Berezina N. S., Mikhailov E. P., Myasnikov N. S., Khamzin R. N. The results of archaeological excavations of the Bolshetayabinsk settlement and burial ground in 2018 // Chuvash Archaeology. Series. 4. Cheboksary;2022:45 — 197. (In Russ.)
2. Valeev R. M., Mukhametshin D. G. Internal and external trade // Archaeology of the Volga-Urals. T. V: Middle Ages (VIII — early XIII). Volga Bulgaria. Finno-Ugric World. The nomads of Eastern Europe. Kazan;2022:530 — 555. (In Russ.)

3. Gavrillov Boris. Works of folk literature, rituals and beliefs of the Votyaks of the Kazan and Vyatka provinces. Kazan;1880:190. (In Russ.)
4. Goncharov E. Y. Double-headed eagle on the coins of the Golden Horde and Asia Minor: the second half of XIII — XIV centuries // Numismatics of the Golden Horde. 2015;5:5 — 15. (In Russ.)
5. Izmailov I. L. Signs-tamgas as symbols of the Bulgar statehood X — the first third of XIIIth century // Archaeology of the Eurasian Steppes. 2022;1:148 — 159. (In Russ.)
6. Kazakov E. P. Chronology of the Volga Bulgaria antiquities in the system of medieval migrations of Eastern Europe // Volga Archaeology. 2014;3:222 — 241. (In Russ.)
7. Litvinsky B. A. Funeral rite and rituals of Bactria – Tokharistan. Litvinsky B. A., Sedov A. V. Cults and rituals of Kushan Bactria. Funeral rite. Moscow;1984:150 — 169. (In Russ.)
8. Mukhametshin D. G., Hakimzyanov F. S. The Bulgar Epigraphic monuments. Kazan;1987:128. (In Russ.)
9. Salmin A. K. Folk Ritual of the Chuvash people / ed. by S. A. Arutyunov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Cheboksary;1994:339. (In Russ.)
10. Fedorov Y. A., Fedorov G. S. The Early Turks in the North Caucasus (historical and ethnographic sketches). Moscow;1978:296. (In Russ.)
11. Fedorov-Davydov G. A. The Tigashevskoye Gorodishche (archaeological excavations in 1956, 1958 and 1959) // Materials and Studies in Archaeology of the USSR. No.111. Moscow;1962:49 — 89. (In Russ.)
12. Curta Florin. Ethnicity in the Steppe Lands of the Northern Black Sea Region during the Early Byzantine Times // Archaeologia Bulgarica. 2019(1):33 — 70.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025;
одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 21.04.2025

Информация об авторе:

Салмин Антон Кириллович, ведущий научный сотрудник
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3), доктор исторических наук,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>, antsalmin@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 24.03.2025;
approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 21.04.2025

Information about the author:

Anton K. Salmin, leading researcher at the Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
(3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia), doctor of Historical Sciences,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>, antsalmin@mail.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 24.03.2025 җитнѐ;
рецензиленѐ хыҗҗан 09.04.2025 ырланѐ; 21.04.2025 пичете йышаннѐ

Автор җинчен:

Салмин Антон Кириллович, РĀА Аслă Петѐр ячѐллѐ
Антропологије этнографии музейѐн аслăлăх ертѐҗѐ ѓҗтешѐ
(199034, Раҗҗей, Санкт-Петербург хули, Университет сыран хѐрри, 3),
истори аслăлăхѐсен докторѐ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>, antsalmin@mail.ru
Пайталăх конфликчѐ: автор пайталăх конфликчѐ җуккине пѐлтерет.
Автор ал җыраҗан юлашки вариантне вуласа тухнѐ, ырланѐ.

УДК 392.8(=512.111):004.77
ББК 63.521(=635.1)-425+16.7

Научная статья

НАРОДНАЯ КУЛИНАРИЯ ЧУВАШЕЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Е. В. Сергеева

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
evgenjaserg@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается народная кулинария чувашей, которая является собой не просто перечень блюд, но и отражение истории, культуры и традиций народа. В киберпространстве, где границы стираются, чувашская кухня находит новую жизнь, превращаясь из семейных рецептов в онлайн-рецепты, доступные каждому. Продвижение национальной кухни в сети помогает сохранить и популяризировать гастрономическое наследие чувашей. Это не только возможность для гурманов открыть для себя новые вкусы, но и шанс для молодого поколения узнать больше о своих корнях и традициях, передаваемых из поколения в поколение. Интернет становится мостом, соединяющим прошлое и будущее чувашской кулинарии.

Ключевые слова: народная кулинария, чуваша, идентичность, социальные сети, киберпространство

Для цитирования: Сергеева Е. В. Народная кулинария чувашей в киберпространстве // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 36 — 51

© Сергеева Е. В., 2025

Scientific article

THE CHUVASH FOLK CULINARY IN CYBERSPACE

E. V. Sergeeva

Chuvash State Institute of Humanities,
г. Cheboksary, Russia
evgenjaserg@yandex.ru

Abstract. The article deals with the Chuvash folk culinary reflecting the history, culture and traditions of the Chuvash people. In cyberspace where borders disappear the Chuvash cuisine finds a new life turning from family recipes into online recipes available to everyone. Promotion of national cuisine on the web helps to preserve and popularize the gastronomic heritage of the Chuvash people. It is not only an opportunity for gourmets to discover new flavors but also a chance for the younger generation to learn more about their roots and traditions passing down from generation to generation. The Internet is becoming a bridge connecting the past and future of Chuvash culinary.

Keywords: folk culinary, the Chuvash people, identity, social networks, cyberspace

For citation: Sergeyeva E. V. The Chuvash folk culinary in cyberspace // Modern humanities. 2025;1(2):36 — 51

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШСЕН АПАТ-ЪИМЁЪ КИБЕРУЪЛĂХРА

Е. В. Сергеева

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхёсен институтчĕ,
Шупашкар, Раççей
evgenjaserg@yandex.ru

Аннотаци. Статъяра автор чăвашсен апат-ѡимёѡне пăхса тухать. Ъимёѡсем чăвашсен историне, культурина тата йăли-йёркине сăнарлаççĕ. Киберуѡлăхра чăваш апат-ѡимёѡĕн

рецепчӕсем сӕнӕ пурнӕй кураццӕ, вӕсем онлайн-рецептсем пулса тӕраццӕ. Чӕвашсен ёсме-симене интернет-тытӕмра кӕтартни гастрономи еткерлӕхне сыхласа хӕварма тата сӕнетме пулӕшӕт. Сӕкӕ гурмансемшӕн сӕнӕ туйӕмсене усма сес мар, сӕмрӕксене ӕруран ӕрӕва кусса пыракан тымарӕсемпе йӕли-йӕрки сӕнӕнчен ытларах пӕлме шанчӕк та пур. Интернет чӕваш кулинарийӕн иртнӕлӕхне тата пуласлӕхне пӕрлештерекем кӕпер пулса тӕрат.

Тӕн сӕмахсем: халӕх ёсми-сими, чӕвашсем, пӕр пеклӕх, социаллӕ тытӕмсем, киберуслӕх

Цитатӕлама: Сергеева Е. В. Чӕвашсен апат-симӕсӕ киберуслӕхра // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 2 №. С. 36 — 51

Введение

Народная кулинария чувашей представляет собой уникальное и многогранное явление, которое не только отражает кулинарные традиции народа, но и служит важным элементом его культурной идентичности. В условиях современного мира, где интернет становится неотъемлемой частью повседневной жизни, актуальность изучения и популяризации чувашской кухни в киберпространстве¹ возрастает. Создание онлайн-ресурсов, посвященных чувашской кулинарии, может способствовать сохранению и продвижению традиционных рецептов, способов приготовления и использования местных продуктов. Это позволит не только привлечь внимание к чувашской культуре широкой аудитории, но и укрепить связь между поколениями, а также популяризации ее среди туристов и гастрономических энтузиастов.

С появлением киберпространства возникла необходимость в новых методах исследования социальных явлений. Так, **киберэтнография** — это наблюдение за человеком в цифровой среде: в сообществах, чатах, на форумах — на тех площадках, где люди выражают свое мнение и взаимодействуют с миром. Одним из наиболее популярных инструментов интернет-коммуникации в киберпространстве выступает **хештег**, обозначающийся знаком #, который сегодня является не только средством распространения информации в социальных сетях, но и способом трансляции идентичности [12, с. 164].

Однако не всегда в интернете дается описание и характеристика чувашских блюд и способов их правильного приготовления. В этом случае факты начинают дополняться новым материалом. Это — мифотворчество, которое в эпоху информационных технологий получает больший отклик, а причина тому — нежелание пользователей сети критически осмысливать получаемую информацию и соотносить ее с подтвержденными учеными данными. В итоге аудитория, в том числе ориентируясь на авторитет автора и его заслуги, принимает предлагаемый миф в качестве достоверной информации [23; 24].

Изучение киберэтнографии как науки началось в 1990-х гг. с распространением новых информационных технологий и интернета, которые сулили не только возможность обретения новой дополненной реальности, но и перспективу замещения физического пространства виртуальным. Методы киберэтнографии активно разрабатываются в российской науке в последние десятилетия в индивидуальных изысканиях и совместных работах следующих авторов: А. В. Головнёв, С. Ю. Белорусова, Е. Н. Данилова, М. Э. Сысоева, Т. С. Киссер [5 — 7; 10; 11]. Одним из значимых достижений в российских исследованиях этничности в

¹ Киберпространство — виртуальная среда, созданная с использованием компьютерных сетей, где люди могут общаться, обмениваться информацией, проводить различные мероприятия и вести ту или иную деятельность.

киберпространстве стала совместная монография А. В. Головнёва, С. Ю. Белоруссовой и Т. С. Киссер под названием «Виртуальная этничность и киберэтнография» [12], где рассматриваются различные теории и практики киберэтнографии, сетевые эксперименты и примеры виртуальной идентичности различных этнических групп.

Чувашский интернет (ЧăвашИнтернечё, Чăваштёт, ЧăвашТетёлё) оформился в 1996 г. после появления интернет-портала Администрации Президента Чувашии (Портал органов власти Чувашской Республики) [12, с. 134]. Начало изучения этничности чувашского народа в киберпространстве положено этнографами А. С. Роговым [23], А. И. Тузбековым и И. Г. Петровым [29], Е. А. Ягафовой [45 — 48]. Последней также обозначены некоторые сайты по национальной кухне чувашей [48, с. 85 — 86].

При этом чувашская кухня в киберпространстве еще ни разу не становилась предметом специального исследования. Настоящая статья является попыткой восполнить этот пробел.

Цель работы — изучить материалы по традиционной чувашской кухне, представленные в интернете и выявить аспекты, характеризующие ее специфичность и способствующие ее сохранению и развитию.

Материалы и методы

В настоящее время методология киберэтнографии находится на этапе становления. Один из ведущих отечественных исследователей в данной области А. В. Головнёв обозначил современное состояние киберэтнографии как «поиск метода». Исследователями отмечено, что от реального киберисследования отличается отсутствие территориальных границ и значимость информационных потоков и связей, особый «онлайн-язык», предполагающий знание им «местных» онлайн-обычаев, ритуалов и даже диалекта — инсайдерского сленга, характерного для конкретного сообщества. Преимуществом является возможность проведения дистанционного обследования, а недостатком — опасность получения недостоверной и/или ограниченной информации, невозможность длительных интервью, необходимость адаптации привычных методов (например, анкетирование) [12, с. 15 — 20; 46, с. 68].

Результаты исследования и их обсуждение

Характеристика пространства этнической культуры, а также форм, способов представления этнического образа народа в интернет-пространстве может осуществляться путем мониторинга социальных сетей — онлайн-платформ, прежде всего русскоязычного сегмента платформ «ВКонтакте», «Одноклассники», TikTok, интернет-сервисов «Яндекс», YouTube, RUTUB, «Дзен» и др. [46, с. 68]. Переход этнических сообществ в киберпространство, по мнению Д. А. Холопова, является закономерным и осознанным процессом естественного развития этноса, а также показателем жизнеспособности этноса в современную информационную эпоху [33].

Обширность киберпространства открыла огромные возможности для этнографов, одновременно породив проблемы проведения «полевого» исследования в сети, сбора и упорядочивания информации, обработки и представления материала. Одним из способов сохранения и продвижения чувашских блюд в онлайн-среде являются кулинарные блоги и сайты, где любители гастрономии делятся рецептами, секретами приготовления и историями о том, какие блюда являются настоящими символами чувашской культуры. Виртуальные кулинарные сообще-

ства, посвященные чувашской кухне, становятся местом обмена опытом и вдохновения для тех, кто интересуется этой культурой. Здесь можно найти не только рецепты традиционных блюд, но и узнать о том, какие продукты используются в чувашской кулинарии, какие традиции и обычаи сопровождают приготовление праздничных угощений. Онлайн-кулинарные мастер-классы, посвященные национальной кухне, позволяют не только насладиться вкусом блюд, но и научиться готовить их самостоятельно. Это способствует сохранению традиций и передаче опыта приготовления блюд из поколения в поколение. Социальные сети также играют важную роль в популяризации чувашской кулинарии. Здесь пользователи делятся фотографиями своих кулинарных шедевров, оставляют отзывы о вкусе и способе приготовления блюд. Это способствует распространению информации о традиционной чувашской кухне среди широкой аудитории и привлекает новых любителей этой культуры.

Но не все блюда готовятся по традиционной технологии. Инновации проникают и в кулинарию, рождая новые методы и сочетания вкусов. Влияние других культур также играет важную роль.

Чувашская кухня представлена в интернете рецептами и иллюстрациями наиболее популярных блюд: *хуплу* (закрытый мясной пирог), *нӳремеч* (ватрушка с картофелем или творогом), *икерчӗ* (разновидность блинов), *йӳва* (шарики из теста), *хуран кукли* (вареники), *шӳрттан* (колбаса из овечьего желудка, начиненного мясом, внутренностями), *тултармӳш* (кровяная колбаса), *шӳрпе* (мясной бульон), *турӳх* (кисломолочный продукт), *чӳкӳт* (сыр), *сӳра* (пиво) и др. Поиск запросы для изучения народной кулинарии в киберпространстве были выбраны следующие — «народная кулинария чувашей», «чувашские национальные блюда», «чувашская кухня».

Популярность чувашской гастрономии в сети свидетельствует не только о растущем интересе к национальным традициям, но и о ее адаптивности к современным кулинарным трендам. На порталах «Яндекс», «Дзен» и RUTUB запрос «народная кулинария чувашей», «чувашские национальные блюда», «чувашская кухня» выводит более 200 тыс. ответов. Здесь имеются видеосюжеты по приготовлению отдельных блюд, мастер-классы. В большинстве случаев это тестяные изделия с начинкой (*хуплу*, *хуран кукли*), блюда из мяса (*шӳрттан*, *шӳрпе*).

Чувашские блюда и их рецепты, представленные на сайтах «Чувашский народный сайт» в разделе «Тёпел» (*шӳрттан*, *сӳра*) [28]; «Национальный акцент» в разделе «Кухня» (супы, молочные блюда, алкогольные напитки) [42], «Культурное наследие Чувашии» в разделе «Материальная культура» (также указаны два места, где можно отведать их, видеосюжеты) [17], демонстрируют подробные описания блюд, переданные из поколения в поколение рецепты, так и современные интерпретации, приспособленные для домашнего приготовления в современных условиях.

«Где в Чебоксарах можно попробовать чувашскую кухню?» — ответ на этот вопрос на Яндекс-платформе выдает достаточно обширный список ресторанов и кафе: рестораны «Чапай», «Хочу пельмени», «Ехрем Хуҫа» (см. ниже), «Квели», «Волжане», «Волга», «Старый Город»; кафе «Юлташ», «Телей», «Хуныма», «Хӳнара». В каждом из них можно отведать *шӳрпе*, *шӳрттан*, *хуплу*, *хуран кукли* и др. чувашские кушанья. Некоторые традиционные блюда имеют в своем составе современные ингредиенты (например, *чӳкӳт* с трюфельным медом; *шӳрпе* на баранине с томленной перловкой) или приготовлены по новым технологиям

(*йшаланă çăмах* — запеченные в сметане и яйце домашние пельмени² с добавлением грибов и зеленого лука). В электронных меню этих кафе и ресторанов представлены и новые блюда: окрошка по-чувашки, салат «Пахча», рыба, жареная по-марпосадски и др.

В социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» сообществ, посвященных чувашской кулинарии, немного, в них мизерное число подписчиков. Во «ВКонтакте» по данному запросу было найдено всего две группы, которые представляют исследовательский интерес. Сообщество «*Тутлă апат-çимĕç* / Чувашская кухня» (действующий сайт, 519 подписчиков) содержит в основном контент по приготовлению блюд чувашей. Основателем группы указывается, что она создана с целью помочь любителям кулинарии научиться готовить вкусные, сытные и красивые чувашские блюда. Публикации на стене выставляются нечасто, с периодичностью 1 — 2 раза в месяц, хотя в описании группы написано, что руководители группы будут ежедневно выпускать здесь методики приготовления чувашских блюд, фото- и видеоматериалы, чтобы сделать чувашские блюда и обычаи более популярными не только среди чувашей, но и других народов. На стене можно увидеть в виде ссылок публикации из других сайтов: «Чăвашсем хитре халăх»³, «Чувашский мир», «Интересно о чувашском» [32], в которых единично встречаются чувашские блюда.

Следующий паблик — «Чувашская кухня» (последняя публикация на стене в 2017 г., 571 подписчик) [39], который встречает посетителей сайта словами «*Апатĕ тутлă пултăр!* Приятного аппетита!». В описании группы приводится историческое повествование о том, что чувашская кухня и трапеза представляют собой один из вариантов модели питания Волго-Уральской историко-этнографической области. Основу хозяйственной деятельности этого народа издавна составляло земледелие, в качестве подсобного следует назвать овощеводство и в меньшей степени садоводство. Соответственно основные исходные продукты были растительного происхождения. В традиционной пище находило отражение наличие промыслов, прежде всего охоты, рыболовства, бортничества-пчеловодства. Наряду с рецептами чувашских блюд сайт содержит также способы приготовления кушаний русской и интернациональной кухонь.

Личные страницы отдельных людей — это своеобразный этнографический дневник, где запечатлены не только блюда, напитки и обряды, но и кропотливый процесс подготовки к ним. Елена Егорова (с. Наратлы Бугульминского муниципального района Республики Татарстан; 262 друга, последние публикации в 2023 г.) [14] с большой любовью относится к чувашской культуре и стремится сохранить ее для будущих поколений. Публикуемые материалы, судя по всему, предназначены не только для узкого круга знакомых, но и для всех интересующихся традициями чувашского народа.

В сети «Одноклассники» запрос также выдал лишь две группы. В сообществе «Чувашская кухня» (последняя публикация на стене была в 2018 г.; 177 участников) [40], в разделе «Темы» находим рецепты не только чувашских блюд, но и других народов, а также различные средства в виде настоек для сохранения здоровья (например, напиток для избавления от лишнего веса, для профилактики авитаминоза и др.).

² *Çăмах* — это клецки. В данном случае либо чувашское название неверное, либо неправильный перевод в меню.

³ «Чуваши красивый народ».

Группа «Рецепты чувашской национальной кухни!!!» (540 участников; последняя публикация была в 2023 г.) [22] в основном состоит из фото и подписей к ним. Фотографии в альбомах сгруппированы по тематике: тестяные изделия, мясные блюда, изделия из творога и т. д., но нужно оговориться, что традиционные чувашские блюда представлены вперемешку с интернациональными. Ко многим фотографиям добавлены рецепты.

На платформе YouTube в большинстве случаев встречаются видеозаписи пошагового приготовления блюд чувашской кухни. По запросу в первую очередь выходит сайт «Чувашская культура» (@ChuvashCulture, видео до 2021 г., 17 тыс. подписчиков, 5,5 млн просмотров) [19], который содержит видео по реконструкции чувашских обрядов. На сайте имеется канал «Чувашская кухня», где собраны видеорецепты по приготовлению чувашских блюд (*шӹрпе*, *хуплу*, *хуран кукли* и т. д.) длительностью не более 30 мин. Видеоролики разного характера — мастер-классы; сюжеты, снятые на различных фестивалях и т. д.

На YouTube размещены выпуски программы «*Ылтӹн ҫӹнҫерен*» (36 видео, активность до 2018 г.), ранее она транслировалась на «Национальном телевидении Чувашии». Автор Светлана Алякимова с помощниками пытаются воссоздать картину прошлого в динамике современной жизни. На видео прослеживается цель показать, что в старину каждая вещь имела свой смысл, связь с традициями, способы ее изготовления и использования, приготовление обрядовой еды и напитков сопровождалось особыми ритуалами [43].

В ходе исследования нами были проанализированы материалы, посвященные чувашской кухне, на платформе TikTok — сервисе для создания и просмотра коротких видео. Алгоритмы приложения формируют ленту роликов на основе интересов пользователя.

Самым многочисленным по количеству подписчиков по теме чувашской кухни является канал @chavashtv, ведет его чувашский блогер, видеограф Константин Доброхотов (273,4 тыс. подписчиков, последнее видео — в 2022 г.). Его ролики в основном посвящены свадебным обрядам верховых чувашей, на видео можно увидеть свадебный стол, процесс приготовления отдельных традиционных блюд — *пашалу*, *шӹрттан*, *тултармӹш*, *сӹра*, *шӹрпе* [35]. Его страница «ВКонтакте» (1010 подписчиков) по отношению к чувашской кулинарии менее содержательна [34], а на странице на YouTube представлено всего лишь одно видео из шоу «*Апачӹ тутлӹ пултӹр*» (Приятного аппетита) [36].

Под видеороликом о приготовлении *шӹрпе* даны следующие комментарии:

«Шурпе очень вкусное и питательное блюдо. Есть несколько вариаций готовки и все они очень вкусные! Молодцы, все классно».

«Эп чаваш шурпе юрататап!!!! Тутла!!!!»

«Шурпе яшки пите тутла, эп те уна юрататап, эп те уна юрататап».

Под рецептом пирога с капустой:

«Спасибо большое за рецепт! Очень вкусно! Люблю чувашскую кухню!»

«Купаста кукли сияс килсе кайре, кайрам холодильник патнелле».

«Люблю чувашское кушанье. И еще буду печь хуплу из картошки с мясом. Живу я в Таллине, а там есть музей про Чувашию».

Интересно отметить, что многие комментарии пишутся на чувашском языке, но с русской транскрипцией.

Запросы по «чувашской кухне» на сервисе TikTok выдают отдельных пользователей, у которых в самом немногочисленном, иногда единичном, количестве встречается тема народной кулинарии. Отметим лишь некоторые из них. @elenochka_prekrasnaia (#моякумашка — д. Верхняя Кумашка Шумерлинского МО ЧР; 8091 подписчик, последнее видео — в 2022 г.) [1] — показывает деревенскую жизнь, обряды, в том числе некоторые блюда — выпекание хлеба в печи, несколько видео по приготовлению *шўрпе* и *сйра*.

В профиле @marishka163.19 (14,7 тыс. подписчиков, последнее видео — в 2022 г.) [27], @prosto_nastya_romanova16 (2428 подписчиков, последнее видео — в 2022 г.) [2] показан *шйрттан*, а у @natalia_kondratieva (2166 подписчиков, последнее видео — в 2021 г.) [3] видео с пошаговым рецептом приготовления *хуплу*. Большинство комментариев представлены как вопрос:

«Это шертан!? если я правильно выразился»

«Рецептик можно»

«Как готовить»

На видео приготовления *шйрттан* на странице @prosto_nastya_romanova16 119 комментариев, большинство которых написали люди другой национальности, сравнивая со своими кушаньями [4]:

«Я татарка, и то делала это блюдо. Очень вкусное».

«Весь Кавказ кушает эту требуху».

«По-турецки ширдан».

«У нас в Дагестане его очень много готовят, она называется требуха. Очень вкусное блюдо» и др.

Чуваши тоже не оставили без внимания этот ролик с приготовлением блюда:

«Чуваши в трэнде, салам чавашсэм».

«Последний раз кушал 40 лет прошло, бабушка готовила! Вкус помню досих пор!»

«Моя мама в печке запекает, просто объеденье, вкуснятина. Халь шиес кильсе кайре энте».

Есть и негативные высказывания о том, что требуха — еда не для людей, а для собак.

Нельзя оставить без внимания сайты ресторанов и кафе, где можно вкусить традиционную еду и напитки чувашей. Создание и продвижение отдельных сайтов точек общепита дает возможность рекламировать себя, а также развивать чувашский туризм.

Одним из таких мест является ресторан в исторической части г. Чебоксар «*Ехрем хуҫа*» (г. Чебоксары, бул. Купца Ефремова, 10; 444 подписчика) [21]. На сайте «ВКонтакте» их страница описывает заведение как пропагандирующее народные традиции, брендом является ассортимент национальных блюд и их качество. Сказать, что меню кафе состоит исключительно из чувашских блюд, будет неправильным. Здесь представлены чувашские кушанья: в качестве закуски — *чйкйт*, супы — *какай шўрни* и суп с крапивой и салмой, горячие блюда — вареники (подразумевается *хуран кукли*), мясные блюда — *тултармйиш*, *сутту*, «шыртанчики» (скорее всего *шйрттан* маленьких размеров, в составе — печень говяжья, рис, тушенные в луковом соусе), из выпечки — *пашалу*, *хуплу*.

Посетителями ресторана на стену сайта добавлены положительные отзывы со словами благодарности. В основном это посетители из других регионов и городов:

«(г. Владимир): Были в Чебоксарах проездом, посоветовали именно этот ресторанчик, чтоб попробовать весь калорит национальной кухни. Ни разочаровались ни в чем! В наш ужин входили Шыртанчики, супчик какой шурпи с хуплу и вкуснейшие чай и сыр! Гостеприимная Анютка (официант) была очень добра и внимательна, рассказала много о национальной культуре и приготовлении блюд! Нам было уютно, как дома 😊! Мы в восторге! Спасибо вам, что делаете свое дело с любовью ❤️».

«(г. Новокуйбышевск): Приятный ужин с национальным колоритом в уютном ресторане [...]. Какой шурпи с хуплу (название нас не испугало 😊😊) и салат по-чувашки — вкусно».

Недавно в Чебоксарах произошло знаменательное событие — открытие национального ресторана «Сувары» (г. Чебоксары, Президентский б-р, 4). Естественно, в сети интернет есть его сайт [27] [также «ВКонтакте» и Instagram (компания Meta, владеющая соцсетью, признана экстремистской в России) — @suvary_rest, 9,1 тыс. подписчиков, 36 публикаций]. Ресторан охарактеризован следующим образом: «Кухня наших предков в самом центре города. Локальные продукты, открытый огонь и воссозданные рецепты чувашских блюд». На сайте представлено меню, изучив его, нужно отметить тот факт, что здесь, безусловно, присутствуют чувашские блюда — супы (*шӹрпе*), мясные кушанья (*шӹрттан*), изделия из теста (*хуплу*, *хуран кукли*, *кукӹль* с разными начинками). Представлены салаты и закуски (хотя в чувашской традиционной кухне они не присутствовали, кроме соленых бочковых огурцов и капусты), интернациональная кухня (блюда на огне — шашлыки и люля).

Безусловно, посетители ресторана «Сувары» оставляют комментарии на сайтах в соцсетях. В основном это положительные отзывы:

«👤: Вкус шурпе, приготовленное бабушкой, на языке — память с детства. Больше такого не было».

«👤: Сегодня был у вас, очень понравилось, суп офигенно вкусный 👍».

«Меню национальное и это очень радует. Попробывала салат с шартаном, вареники с курочкой и сыром, чизкейк с вареньем из крапивы. очень все понравилось. Наконец то появилось достойное место, куда не стыдно пригласить гостей города».

«Классное место, красивые виды и, конечно же, еда! Это просто гастрономическое наслаждение! Шартанчики из баранины с гороховой кашей — это вообще бомба! Очень вкусное пшеничное пиво и другие напитки и блюда».

Однако существуют и негативные комментарии, которые в основном касаются качества обслуживания официантами, времени приготовления блюд и длительного ожидания.

У кофейни «Тутлӹ» (г. Чебоксары, Президентский б-р, 4) имеется страничка во «ВКонтакте» [в Instagram (компания Meta, владеющая соцсетью, признана экстремистской в России) — @tytla_coffee, 7,5 тыс. подписчиков, 25 публикаций]. «Место встречи людей. Современное виденье кофейни с бережным отношением к чувашской культуре» — так описана эта группа в сети [30]. Изучив электронное меню, можно действительно сказать, что здесь подаются истинно чувашские блюда (*шӹрпе*, *хуплу*, *пашату*, *хуран кукли*, *чӹкӹт*), но в их современной интерпретации и приготовлении, а также другие интернациональные кушанья, особенно большое разнообразие чая и кофе.

О кафе можно прочитать как положительные, так и отрицательные отзывы:

«Очень красивое и атмосферное место, красивый вид на залив. Еда простая, но вкусная, напитки тоже».

«Невероятное место! Все вместе: кухня, приветливый персонал, интерьер, музыка дают невероятную атмосферу. Очень вкусная кухня! Рекомендую: шуку с кашей, кабачковая вафля с лососем, судак с овощами. Бабл ти».

«Самый главный минус, заказали омлет и ждали его час. Когда спросили у нашей официантки о его готовности, сообщили что запара и она сейчас проверит. Ещё через 15 минут подошли закрыть счет и оказывается этого блюда даже не было в заказе».

«Ооочень долгое обслуживание. Ждать кофе на вынос 14 минут это перебор. Из основного меню, которое состоит из нескольких блюд, много нет. Еда обычная. Обстановка свежая. Чувашские песни на фоне чуть напрягли» и др.

В сохранении чувашской культуры, в том числе народной кулинарии, большую роль играют сайты, основу контента которых составляют видео с реконструкциями праздников и обрядов с ритуальной трапезой, проводятся различные мастер-классы по приготовлению блюд.

Одним из таких является живой музей под открытым небом — этнокомплекс «Ясна» (ЧР, Чебоксарский МО, д. Кшауши, ул. Народных промыслов), построенный в деревенском стиле. Здесь имеется 400-летний дуб-киремель — памятник природы Чувашской Республики. Проводятся экскурсии, турпрогулки и походы, этнографические слеты, мастер-классы по народным промыслам, рыбалка и отдых, оздоровительные программы. Несомненно, у такого большого комплекса существует сайт «Этнокомплекс Ясна» [44] [также имеются страницы во «ВКонтакте», 981 подписчик; в YouTube — @etnoyasna, 1,04 тыс. подписчиков, 84 видео; в Instagram (компания Meta, владеющая соцсетью, признана экстремистской в России) — @etnoyasna, 2,2 тыс. подписчиков, 255 публикаций]. На сайте, кроме видео обрядов и праздников, можно увидеть театрализованный обряд «Пивоварение», где показан весь процесс приготовления традиционного чувашского напитка. Посетители комплекса в восторге от различных мастер-классов по приготовлению блюд и напитков:

«И самое главное ОЧЕНЬ ВКУСНО НАКОРМИЛИ!!! Всем рекомендую приобрести вместе с экскурсией национальный обед. Такого шурпе я ещё не пробовала нигде!!! Ну и салат с дикоросами понравился очень! Нам провели мастер-класс и мы лепили хуран куклы и готовили потом всё это на костре. И оказалось, что и кушать надо хураны по особенному))))».

Сайт «Музея чувашского крестьянина» богат фотографиями, где запечатлены реконструкция и приготовление еды и напитков (ЧР, Ядринский МО, д. Верхние Ачаки, ул. Ленина, 38в; сайт «ВКонтакте», 432 подписчика) [18]. Сам музей был образован в 1983 г. по инициативе выдающегося агрария, председателя колхоза «Ленинская искра», заслуженного работника сельского хозяйства и заслуженного работника культуры Российской Федерации Аркадия Павловича Айдака с целью сохранения культуры, истории, трудовых навыков и промыслов чувашского народа. Здесь можно познакомиться с музейными экспонатами поближе, окунуться в атмосферу старинного чувашского быта. В музее есть возможность попробовать себя в роли мастера домашнего ткачества, в уютном домике отведать национальные чувашские блюда, почувствовать себя пивоваром, окунуться в чувашские народные обряды и традиции. Для туристов здесь поведятся мастер-классы «Хуран куклы» (Лепка вареников), «Ёне ырри» (Праздник молозива). Все эти мероприятия запечатлены на фото- и видеоматериалах.

Подобный музей имеется в с. Тогаево Мариинско-Посадского муниципального округа — этнографический музей/гостевой дом Даньковых — «Дом, где вас ждут» (является партнером Чувашского республиканского отделения Русского географического общества с 2014 г.). Отдельного сайта у этого музея нет, но на просторах интернета («ВКонтакте», YouTube и др.) имеется материал о нем. Например, в группе «Салам, Чăваш Ен!» (221 подписчик, последние публикации в 2023 г.) [37] находим видеопередачу с названием «Чуваши. Традиция, культура, обычаи» (ведущий — «Леонид — охотник за колоритом»). Л. Г. Данькова вместе с фольклорной группой «Шӹӹлкеме» принимает туристов из разных регионов страны, знакомит их с чувашской национальной культурой, традициями и обычаями, бытом чувашского народа прошлых веков, и все это снимается и выкладывается в интернет, дабы сохранить народную культуру. В просмотренном видео вместе с ведущим провели мастер-класс по приготовлению *шӹрпе* и *тултармӹш*.

Еще один музей — этнический двор «Культура и быт верховых чувашей», в котором проводятся различные праздники и обряды. Он находится в с. Аликово ЧР. Отдельного сайта у него нет, но в сети интернет есть снятые на его территории видео. Так во «ВКонтакте» в группе «Чувашская диаспора» (592 подписчика, 2021 г.) передача «Обеды-обряды. Чувашия. Магия вкуса» (ведущий — Антон Зайцев) транслирует приготовление различных чувашских блюд: *ӹмарта хӹпартни*, *чӹкӹт*, *хуран кукли*, *хуплу* [20]. Подобные дома-музеи предоставляют возможность сохранить материальную и духовную культуру народа, реконструировать их.

Отдельно нужно сказать о знаменитом напитке чувашей — пиве *сӹра*. Его можно считать своеобразным брендом народа, ставшим символом чувашской этничности не только благодаря своей роли в традиционной культуре как ритуального напитка, но и торговой марки пива в современной культуре чувашей на фоне его промышленного производства, создания в центре г. Чебоксары в середине 1990-х гг. «Музея пива» (г. Чебоксары, бул. Купца Ефремова, 6А), ревитализации празднично-обрядовых сюжетов, связанных с этим напитком. Пивной теме в интернете посвящены тысячи текстов, видео — только в поисковой системе «Яндекс» их более 8 тыс. С этим, вероятно, связана популярность в интернете «чувашского хмеля» в качестве этнического бренда: 4 сообщества, 92 видеосюжета, 60 клипов, около тысячи новостных заметок во «ВКонтакте», 563 публикации и 54 видео и во «ВКонтакте», статьи о хмелеводстве чувашей и пивоварении на платформе «Дзен». В презентации хмеля в видеосюжетах эта культура увязывается с древнейшими традициями чувашского народа, пивоварением, ролью пива как ритуального напитка. В «Одноклассниках» на запрос «чувашское пиво» выходит 182 фото и видео, где показан процесс приготовления напитка (например, видеосюжет: <https://ok.ru/video/10807739655>) [48, с. 86].

В последние годы чувашская кухня все больше появляется на российских каналах телевидения. 1 декабря 2023 г. на выставке-форуме «Россия» в Доме Российской кухни в Москве, в День Чувашской Республики, состоялось гастрономическое представление «Чувашская кухня». В рамках мероприятия шеф-повара и кондитеры из Чувашии провели семь мастер-классов, на которых гости выставки смогли научиться готовить блюда чувашской кухни в современном стиле. Гость мероприятия — глава Чувашии Олег Николаев — рассказал о любви к чувашской кухне и о своем детстве, проведенном в чувашской деревне. Он отметил, что такие блюда, как *йӹва*, *хуран кукли* и *шӹрттан* всегда были частью праздников и торжеств [19].

Кроме того, организуются различные кулинарные фестивали. Так, 18 сентября 2024 г. в Чувашии стартовал Международный форум потребительской кооперации «Кооперация: ценим прошлое, созидая будущее». В рамках мероприятия в Чебоксарах прошли гастрономический фестиваль «Вкусные истории», мастер-классы, большая ярмарка, а также выставка экспозиций региональных брендов из 71 региона. Чуваши представили различные национальные блюда из рыбы, картофеля, мяса, молока — такие, как *хуран кукли*, *шӑрттан*, *пӗремеч* и др. [9]. С 2022 г. в Чебоксарах проводится фестиваль «Зеленое золото России», на котором свою продукцию представляют местные пивовары и пивзаводы со всех регионов России, а для гостей организуется дегустация лучших сортов пива и угощения от кафе и ресторанов города [15]. Все эти мероприятия, проходившие в реальном мире, помещены в интернет-пространстве в виде фото- и видеоматериалов, краткой характеристики праздника, программы проведения.

Сегодня наибольшую активность в киберпространстве проявляют сообщества прежде всего этнотерриториальных групп чувашей. В большинстве случаев они проживают в Урало-Поволжье: Татарстан, Башкирия, Самарская, Саратовская и Ульяновская области. Созданные ими контенты, группы и сообщества в сети интернет представляют вниманию посетителей сайтов реконструкцию праздников и обрядов и вместе с ними национальные блюда (*Уяв*, *Учук*, *Чӗклем*, *Кӗрхи сӑра* и др.). По чувашской традиции, прибывающих на праздник гостей встречают фольклорные коллективы гостевой песней и национальным напитком *сӑра*. Для гостей действуют различные выставки, в том числе и по национальным блюдам (в большинстве случаев это *хуплу*, *шӑрттан*, *сӑра*) [25].

Пользователи активно обсуждают кулинарные посты, погружаясь в воспоминания о своем детстве, родном очаге и родителях. Некоторые из них проявляют интерес к рецептам блюд, в то время как знатоки традиций делятся своими умениями в процессе их приготовления. При этом пользователи часто выделяют те или иные кулинарные изделия как характерные для этнической культуры, своеобразный символ народа.

Еще одним методом популяризации чувашской кухни в киберпространстве является публикация материалов и книг на эту тему, что позволяет этносу выражать себя и репрезентировать свою этническую идентичность. Чувашская литература о блюдах и напитках достаточно богата, но в интернете с полным текстом можно ознакомиться лишь с некоторыми из них: «Додонов Н. Л. Чувашская кухня» [13], «Тутлӑ апат-сӑмӗс» [31], «Чувашская Кухня» [41], «Блюда чувашской кухни (Чӑваш апат-сӑмӗсӗ)» [8], «Кухня верховых чувашей» [16], «Сергеева Е. В. Традиционная кухня и застольный этикет чувашей (конец XIX — начало XXI в.) историко-этнографическое исследование по материалам этнографической группы низовых чувашей» [26]. Думается, что оцифровка книг и возможность их скачивать — это лучшее решение для сохранения культуры народа, в данном случае — рецепты блюд и напитков.

Заключение

Чуваши готовят дома разнообразные блюда: изделия из теста с начинкой (*хуплу*, *пӗремеч* ватрушка, *хуран кукли* вареники), без нее (*икерчӗ* блины, редко *йӑва*). Эти блюда являются обрядовыми и праздничными. По-прежнему популярны супы и бульоны, в основном это празднично-обрядовое блюдо *шӑрпе*. Также в интернете имеются видеосюжеты — мастер-классы по приготовлению мясных

колбас *шйрттан* и *тултармйи*. В меньшем количестве выявилось приготовление кисломолочных блюд (*чйкйт* сыр).

Киберпространство является местом для передачи информации. При помощи социальных сетей, видеоканалов, сайтов, форумов и иных цифровых площадок люди могут осуществлять коммуникацию, обмениваться идеями, организовывать мероприятия, создавать разного рода союзы. Так, народная кулинария чувашей находит свое место в киберпространстве, где люди со всего мира могут познакомиться с традициями народа, насладиться вкусом его блюд и поддерживать общение вокруг общей страсти к кулинарии. Сохранение и продвижение народных кулинарных традиций в онлайн-среде способствует их сохранению и передаче будущим поколениям, делая культуру чувашей более доступной и понятной для всех. Большая аудитория каналов, на которых размещается контент, способствует распространению информации о кухне чувашского народа, пусть и не всегда точной. Это, в свою очередь, повышает интерес к культуре чувашей, способствуя ее популяризации и репрезентации в киберпространстве.

Таким образом, наше исследование подчеркивает необходимость дальнейшего изучения и популяризации чувашской кухни в цифровом формате. Можно сказать, что чувашская кухня — это не просто набор рецептов, а целая культура, которая заслуживает внимания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. @elenochka_prekrasnaia: [сайт]. 2022. URL: https://www.tiktok.com/@elenochka_prekrasnaia (дата обращения: 05.09.2024).
2. @marishka163.19: [сайт]. 2022. URL: <https://www.tiktok.com/@marishka163.19> (дата обращения: 05.09.2024).
3. @natalia_kondratieva: [сайт]. 2021. URL: https://www.tiktok.com/@natalia_kondratieva (дата обращения: 05.09.2024).
4. @prosto_nastya_romanova16: [сайт]. 2020. URL: https://www.tiktok.com/@prosto_nastya_romanova16 (дата обращения: 05.09.2024).
5. Белоруссова С. Ю. Киберэтнография: методология и технология // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 123 — 145.
6. Белоруссова С. Ю., Головнёв А. В. Виртуальная этничность — новация на фоне традиции? // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 36 — 40.
7. Белоруссова С. Ю., Данилова Е. Н., Сысоева М. Э. Хештеги и этничность // Этнография. 2020. № 3. С. 33 — 61.
8. Блюда чувашской кухни (Чăваш апат-çимĕçĕ): [сайт]. 2016. URL: <https://chuvash-lib.blogspot.com/2016/07/blyda-chyvashskoy-kyhni-antipova-alekseev.html> (дата обращения: 09.09.2024).
9. Глава Чувашии открыл ярмарку и гастрономический фестиваль на Красной площади Чебоксар // Портал органов власти ЧР: [сайт]. 2024. URL: <https://cap.ru/news/2024/09/20/glava-chuvashii-otkril-ya> (дата обращения: 01.10.2024).
10. Головнёв А. В. Киберскорость // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 6 — 32.
11. Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100 — 108.
12. Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Виртуальная этничность и киберэтнография. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2021. 280 с.
13. Додонов Н. Л. Чувашская кухня: [сайт]. 2016. URL: https://vk.com/wall-66847560_79?ysclid=m7na2rzo5q286423772 (дата обращения: 09.09.2024).
14. Елена Егорова [сайт]. URL: <https://vk.com/id134374975> (дата обращения: 30.08.2024).
15. Зеленое золото России. Фестиваль пива в Чебоксарах: [сайт]. 2024. URL: <https://hopfest.ru/> (дата обращения: 01.10.2024).
16. Кухня верховых чувашей // МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека Моргаушского района ЧР»: [сайт]. 2014. URL: <https://morbibl.ucoz.ru/images/kukhnja.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
17. Материальная культура // Культурное наследие Чувашии: [сайт]. 2009. URL: <http://nasledie.nbchr.ru/culture/> (дата обращения 28.08.2024).

18. Музей натурального хозяйства чувашского крестьянина XIX в. (Музей чувашского крестьянина): [сайт]. 2023. URL: <https://vk.com/muzeuyachaki> (дата обращения: 11.09.2024).
19. На выставке «Россия» в Москве прошли мастер-классы по приготовлению чувашских блюд // Портал органов власти ЧР: [сайт]. 2023. URL: <https://cap.ru/news/2023/12/01/na-vistavke-grossiya-v-moskve-proshli-master-klassi?ysclid=mlq2s5tzzz761215365> (дата обращения: 01.10.2024).
20. Обеды-обряды. Чувашия. Магия вкуса // Чувашская диаспора: [сайт]. 2022. URL: https://vk.com/video-180375176_456239069 (дата обращения: 11.09.2024).
21. Ресторация купца Ефремова: [сайт]. 2016. URL: <https://vk.com/public117759370> (дата обращения: 10.09.2024).
22. Рецепты чувашской национальной кухни!!! [сайт]. 2012. URL: <https://ok.ru/group/54072369020935> (дата обращения: 04.09.2024).
23. Роговой А. С. Этническое мифотворчество в киберпространстве как фактор репрезентации этничности чувашей // Этническая культура. 2024. Т. 6. № 3. С. 39—44.
24. Саяпин В. О. Мифы социальной виртуальности и их влияние на общественное сознание виртуальных общин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5. С. 170 — 177.
25. Семейные традиции и национальные песни: как в Алькеевском районе РТ прошел чувашский «Уяв» // РОО «Чувашская национально-культурная автономия в Республике Татарстан»: [сайт]. 2024. URL: <https://chv.addnt.ru/> (дата обращения: 30.09.2024).
26. Сергеева Е. В. Традиционная кухня и застольный этикет чувашей (конец XIX — начало XXI в.): историко-этнографическое исследование по материалам этнографической группы низовых чувашей. Чебоксары : Фонд историко-культурологич. исслед. им. К. В. Иванова, 2015. 170 с.
27. Тёпел // Чăваш халăх сайчĕ: [сайт]. 2021. URL: <https://www.chuvash.org/wiki/Тёпелĕ> (дата обращения: 28.08.2024).
28. Тузбеков А. И., Петров И. Г. Интернет-сообщества чувашей Башкортостана в виртуальном пространстве: опыт статистического анализа // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2021. № 2 (11). С. 44 — 51.
29. Тутлă: [сайт]. 2024. URL: https://vk.com/tytla_coffee (дата обращения: 10.09.2024).
30. Тутлă апат-çимĕç: [сайт]. 2014. URL: <https://chuvash-lib.blogspot.com/2014/12/a-cec.html> (дата обращения: 09.09.2024).
31. Тутлă апат-çимĕç / Чувашская кухня: [сайт]. 2014. URL: https://vk.com/cv_apat?from=search (дата обращения: 30.08.2024).
32. Холопов Д. А. Этническая идентичность в пространстве интернета // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2021. Т. 1. № 10. С. 229 — 236.
33. Чăваш ТВ: [сайт]. 2018. URL: <https://vk.com/chavashtv?ysclid=lyee630bnl511332562> (дата обращения: 05.09.2024).
34. Чăваш ТВ: [сайт]. 2021. URL: <https://www.tiktok.com/@chavashtv> (дата обращения: 05.09.2024).
35. Чуваш ТВ | Константин Доброхотов: [сайт]. 2021. URL: <https://www.youtube.com/c/chavashtv> (дата обращения: 05.09.2024).
36. Чуваша. Традиция, культура, обычаи // Салам, Чăваш Ен!: [сайт]. 2018. URL: https://vk.com/video-62541190_456239021 (дата обращения: 11.09.2024).
37. Чувашская культура: [сайт]. 2014. URL: <https://www.youtube.com/@ChuvashCulture> (дата обращения: 30.08.2024).
38. Чувашская кухня: [сайт]. 2013. URL: https://vk.com/chuv_kuhna?from=search (дата обращения: 30.08.2024).
39. Чувашская кухня [сайт]. 2018. URL: <https://ok.ru/group/52021125382275> (дата обращения: 04.09.2024).
40. Чувашская Кухня: [сайт]. 2015. URL: <https://chuvash-lib.blogspot.com/2015/09/chuvashskaya-kyhnya-simkin-anisimova.html> (дата обращения: 09.09.2024).
41. Чувашская национальная кухня // Национальный акцент: [сайт]. 2013. URL: <https://nazaccent.ru/content/8464-chuvashskaya-nacionalnaya-kuhnya/> (дата обращения: 28.08.2024).
42. Ылтăн çынçерен: [сайт]. 2012. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLNZcgw1xRlnwdyux6oHO15ZuugvW1AeGn> (дата обращения: 30.08.2024).
43. Этнокомплекс «Ясна»: [сайт]. 2022. URL: <https://etnoyasna.com/> (дата обращения: 10.09.2024).
44. Ягафова Е. А. Киберэтничность чувашей: репрезентационные практики // Вопросы антропологии. 2024. № 2. С. 147—158.
45. Ягафова Е. А. Репрезентация этничности в киберпространстве: методологические подходы, исследовательские практики // Информационное общество. 2023. № 5. С. 65—73.

46. Ягафова Е. А. Репрезентация этничности чувашей в киберпространстве // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12. № 3. С. 222 — 227.
47. Ягафова Е. А. Этнокультурные традиции чувашей в киберпространстве: практики репрезентации // Актуальные вопросы культуры, искусства, образования. 2024. № 2 (40). С. 83—88.
48. Ягафова Е. А., Роговой А. С. Чувашские региональные сообщества в социальных сетях // Этнография. 2023. № 4 (22). С. 181—194.

REFERENCES

1. @elenochka_prekrasnaia: [website]. 2022. URL: https://www.tiktok.com/@elenochka_prekrasnaia (reference date: 05.09.2024). (In Russ.)
2. @marishka163.19: [website]. 2022. URL: <https://www.tiktok.com/@marishka163.19> (reference date: 05.09.2024). (In Russ.)
3. @natalia_kondratieva: [website]. 2021. URL: https://www.tiktok.com/@natalia_kondratieva (reference date: 05.09.2024). (In Russ.)
4. @prosto_nastya_romanova16: [website]. 2020. URL: https://www.tiktok.com/@prosto_nastya_romanova16 (reference date: 05.09.2024). (In Russ.)
5. Belorussova S. Y. Cyberethnography: methodology and technology // Ethnography. 2021;3(13):123 — 145. (In Russ.)
6. Belorussova S. Y., Golovnev A. V. Virtual ethnicity: Is it innovation against tradition? // Siberian Historical Studies. 2019(2):36 — 40. (In Russ.)
7. Belorussova S. Y., Danilova E. N., Sysoeva M. E. Hashtags and ethnicity // Ethnography. 2020(3):33 — 61. (In Russ.)
8. The Dishes of Chuvash cuisine (Chăvash apat-çimëçëçë): [website]. 2016. URL: <https://chuvash-lib.blogspot.com/2016/07/blyda-chyvashskoy-kyhni-antipova-alekseev.html> (reference date: 09.09.2024). (In Russ.)
9. The Head of Chuvashia opened a fair and gastronomic festival on the Red Square of Cheboksary // Portal of the government authorities of the Chuvash Republic [website]. 2024. URL: <https://cap.ru/news/2024/09/20/glava-chuvashii-otkril-ya> (reference date: 01.10.2024). (In Russ.)
10. Golovnev A. V. Cyberspeed // Ethnography. 2020;3(9):6 — 32. (In Russ.)
11. Golovnev A. V., Belorussova S. Y., Kisser T. S. Web ethnography and cyberethnicity // Ural Historical Vestnik. 2018;1(58):100 — 108. (In Russ.)
12. Golovnev A. V., Belorussova S. Y., Kisser T. S. Virtual ethnicity and cyberethnography. Saint Petersburg.;2021:280. (In Russ.)
13. Dodonov N. L. The Chuvash cuisine: [website]. 2016. URL: https://vk.com/wall-66847560_79?ysclid=m7na2rzo5q286423772 (reference date: 09.09.2024). (In Russ.)
14. Elena Egorova: [website]. URL: <https://vk.com/id134374975> (reference date: 30.08.2024). (In Russ.)
15. The Beer festival in Cheboksary “Green Gold of Russia” [website]. 2024. URL: <https://hopfest.ru/> (reference date: 01.10.2024). (In Russ.)
16. The cuisine of the upper Chuvash people // Municipal budget institution of culture “Inter-settlement central library of the Morgaushsky district of the Chechen Republic”: [website]. [website]. 2014. URL: <https://morbibl.ucoz.ru/images/kukhnja.pdf> (reference date: 01.10.2024). (In Russ.)
17. Material Culture // Cultural Heritage of Chuvashia: [website]. 2009. URL: <http://nasledie.nbchr.ru/culture/> (reference date: 28.08.2024). (In Russ.)
18. The Museum of subsistence farming of the Chuvash peasant in XIX century (The Museum of the Chuvash peasant): [website]. 2023. URL: <https://vk.com/muzeyachaki> (reference date: 11.09.2024). (In Russ.)
19. Master classes for cooking the Chuvash dishes were held at the exhibition “Russia” in Moscow // Portal of the government authorities of the Chuvash Republic: [website]. 2023. URL: <https://cap.ru/news/2023/12/01/na-vistavke-rossiya-v-moskve-proshli-master-klassi?ysclid=m1q2s5tz7z761215365> (reference date: 01.10.2024). (In Russ.)
20. Dinners and rituals. Chuvashia. The magic of taste // the Chuvash Diaspora: [website]. 2022. URL: https://vk.com/video-180375176_456239069 (reference date: 11.09.2024). (In Russ.)
21. Merchant Efremov’s Restaurant: [website]. 2016. URL: <https://vk.com/public117759370> (reference date: 10.09.2024). (In Russ.)
22. The Recipes of the Chuvash national cuisine!!!: [website]. 2012. URL: <https://ok.ru/group/54072369020935> (reference date: 04.09.2024). (In Russ.)
23. Rogovoy A. S. Ethnic myth coinage in cyberspace as a factor of Chuvash ethnicity representation // Ethnic Culture. 2024;6(3):39 — 44. (In Russ.)

24. Sayapin V. O. The myths of social virtuality and their influence on social consciousness of virtual communities // Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. The issues of theory and practice. 2016(5):170 — 177. (In Russ.)
25. Family traditions and national songs: The Chuvash “Uyav” celebration in the Alkeevsky district of the Republic of Tatarstan // The Regional Public Organization “Chuvash national-cultural autonomy in the Republic of Tatarstan”: [website]. 2024. URL: <https://chv.addnt.ru/> (reference date: 30.09.2024). (In Russ.)
26. Sergeeva E. V. Traditional cuisine and table etiquette of the Chuvash people (late XIX — early XXI century) historical and ethnographic study on the materials of the ethnographic group of the lower Chuvash people. Cheboksary: 2015:170. (In Russ.)
27. Tēpel // Chāvash halakh saichē: [website]. 2021. URL: <https://www.chuvash.org/wiki/Тёпелё> (reference date: 28.08.2024). (In Russ.)
28. Tuzbekov A. I., Petrov I. G. The Chuvash people Internet-communities in virtual space in Bashkortostan: experience of statistical analysis // Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region. 2021;2(11):44 — 51. (In Russ.)
29. Tutlā: [website]. 2024. URL: https://vk.com/tytla_coffee (reference date: 10.09.2024). (In Russ.)
30. Tutlā apat-çimēç: [website]. 2014. URL: <https://chuvash-lib.blogspot.com/2014/12/a-cec.html> (reference date: 09.09.2024). (In Russ.)
31. Tutlā apat-çimēç: the Chuvash cuisine [website]. 2014. URL: https://vk.com/cv_apat?from=search (reference date: 30.08.2024). (In Russ.)
32. Kholopov D. A. Ethnic identity in the space of the Internet // Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space. 2021;1(10):229 — 236. (In Russ.)
33. Chāvash TV: [website]. 2018. URL: <https://vk.com/chavashtv?ysclid=lyee630bnl511332562> (reference date: 05.09.2024). (In Russ.)
34. Chāvash TV: [website]. 2021. URL: <https://www.tiktok.com/@chavashtv> (reference date: 05.09.2024). (In Russ.)
35. The Chuvash TV | Konstantin Dobrokhoto: [website]. 2021. URL: <https://www.youtube.com/c/chavashtv> (reference date: 05.09.2024). (In Russ.)
36. The Chuvash people. Tradition, culture, customs // Salam, Chavash En!: [website]. 2018. URL: https://vk.com/video—62541190_456239021 (reference date: 11.09.2024). (In Russ.)
37. The Chuvash culture: [website]. 2014. URL: <https://www.youtube.com/@ChuvashCulture> (reference date: 30.08.2024). (In Russ.)
38. The Chuvash cuisine: [website]. 2013. URL: https://vk.com/chuv_kuhna?from=search (reference date: 30.08.2024). (In Russ.)
39. The Chuvash cuisine: [website]. 2018. URL: <https://ok.ru/group/52021125382275> (reference date: 04.09.2024). (In Russ.)
40. The Chuvash cuisine: [website]. 2015. URL: <https://chuvash—lib.blogspot.com/2015/09/chuvashskaya-kyhnya-simkin-anisimova.html> (reference date: 09.09.2024). (In Russ.)
41. The Chuvash National Cuisine // National Accent: [website]. 2013. URL: <https://nazaccent.ru/content/8464-chuvashskaya-nacionalnaya-kuhnya/> (reference date: 28.08.2024). (In Russ.)
42. İltān çyçeren: [website]. 2012. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLNZcgw1xRlnwddyx6oHO15ZuugvW1AeGn> (reference date: 30.08.2024). (In Russ.)
43. The Ethnocomplex “Yasna” [website]. 2022. URL: <https://etnoyasna.com/> (reference date: 10.09.2024). (In Russ.)
44. Yagafova E. A. Chuvash cyberethnicity: representational practices // Voprosy antropologii. 2024(2):147—158. (In Russ.)
45. Yagafova E. A. Representation of ethnicity in cyberspace: methodological approaches, research practices // Information Society. 2023;23(5):65 — 73. (In Russ.)
46. Yagafova E. A. Representation of Chuvash ethnicity in cyberspace // Samara Journal of Science. 2023;12(3):222 — 227. (In Russ.)
47. Yagafova E. A. Ethno-cultural traditions of the Chuvash people in cyberspace: practices of representation // Actual issues of culture, art, education. 2024;2 (40):83 — 88. (In Russ.)
48. Yagafova E. A., Rogovoy A. S. The Chuvash regional communities in social networks // Ethnography. 2023;4(22):181 — 194. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.01.2025;
одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 05.05.2025

Информация об авторе:

Сергеева Евгения Валерьевна, научный сотрудник Чувашского
государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2096-6514>, evgenjaserg@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 27.01.2025;
approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 05.05.2025

Information about the author:

Evgeniya V. Sergeeva, researcher at the Chuvash State Institute of Humanities
(29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia), candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2096-6514>, evgenjaserg@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 27.01.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҫҫӑн 19.03.2025 ырланӑ; 05.05.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Сергеева Евгения Валерьевна, Чӑваш патшалӑх гуманитари ӑслӑлӑхӗсен институчӗн
ӑслӑлӑх ӗҫтешӗ (428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
истори ӑслӑлӑхӗсен кандидачӗ,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2096-6514>, evgenjaserg@yandex.ru

Пайталӑх конфликтчӗ: автор пайталӑх конфликтчӗ суккине пӗлтерет.

Автор ал ҫырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 94(470.344)-055.2"1941/1945"
ББК 63.3(2Рос.Чув)622

Научная статья

МОБИЛИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. Г. Харитонов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
val1957@rambler.ru

Аннотация. История Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг., победы над фашизмом была и остается актуальной темой изучения для широкого круга исследователей. В региональных научных трудах также больше внимания стали уделять недостаточно освещенным вопросам жизни общества в трудные военные годы. В данной статье проанализированы подготовка кадров для военной службы и мобилизация женского населения в 1941 — 1945 гг. на примере Чувашской АССР, показаны основные итоги мобилизационной работы и вклад женщин в дело Победы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мобилизация женского населения на фронт, Чувашия, боевые подвиги женщин на фронтах войны

Для цитирования: Харитонов В. Г. Мобилизация женского населения Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 52 — 64
© Харитонов В. Г., 2025

Scientific article

MOBILIZATION OF THE CHUVASH FEMALE POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

V. G. Kharitonova

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
val1957@rambler.ru

Abstract. The history of the Great Patriotic War of 1941 — 1945, the victory over fascism has been and remains a relevant topic of study for a wide range of researchers. The regional scientific works also began to pay more attention to the insufficiently covered issues of society life in the hard war years. This article analyzes the preparation of personnel for military service and mobilization of the female population in 1941 — 1945 on the example of the Chuvash ASSR, it shows the main results of mobilization work and the contribution of women to victory.

Keywords: the Great Patriotic War, mobilization of the female population to the front, Chuvashia, military merits of women on the war fronts

For citation: Kharitonova V. G. Mobilization of the Chuvash female population during the Great Patriotic War // Modern humanities. 2025;1(2):52 — 64

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ЕНРИ ХĖРАРĂМСЕН ТĂВАН ÇĖР-ШЫВĂН АСЛĂ ВĂРÇИ ВĂХĂТЕНЧИ МОБИЛИЗАЦИЙĖ

В. Г. Харитонов

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ
Шупашкар хули, Раççей
val1957@rambler.ru

Аннотаци. Тăван çĕр-шывăн Аслă вăрçин (1941 — 1945) тата фашизма çĕнтернин историйĕ тĕпчевçĕсемшĕн паянхи кун та тĕп темăсенчен пĕри. Регионсенчи тĕпчевсенче

вӑрҫӑ сӑлӑсенчи лару-тӑрупа ҫыхӑнӑ хальччен хускатман ыйтусене те тимлеме пуҫларӑҫ. Ку статьяра хӑрарӑмсене ҫар службине хатӑрленине тата 1941 — 1945 ҫҫ. фронта мобилизациленине Чӑваш АССРӗнче ирттернӗ ӗҫсене тӑп хурса тишкернӗ, ҫар валли кадрсем хатӑрлессипе ҫыхӑнӑ ӗҫсене пӗтӗмлетсе кӑтартнӑ, хӑрарӑмсен Ҫӗнтерӗве хывнӑ тӑпине палӑртнӑ.

Тӗп сӑмахсем: Тӑван ҫӗр-шывӑн аслӑ вӑрҫи, хӑрарӑмсене фронта мобилизацилени, Чӑваш Ен, хӑрарӑмсен фронтри паттӑрла ӗҫсем

Цитатӑлама: Харитонов В. Г. Чӑваш Енри хӑрарӑмсен Тӑван ҫӗр-шывӑн аслӑ вӑрҫи вӑхӑтӗнчи мобилизацийӗ // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 2 №. С. 52 — 64

Введение

Несмотря на то, что Великая Отечественная война завершилась более 80 лет назад, изучение данного периода продолжается, даже усиливается. Историки и исследователи открывают новые пласты событий этого времени, делая акценты на сражениях за победу, которые шли не только на фронте, но и в тылу. Актуальность темы статьи определяется необходимостью более детального изучения вопросов мобилизации как материальных, так и людских ресурсов в военные годы, когда на защиту Родины наряду с мужчинами вставали и женщины, которые в первую очередь заменили их во всех сферах производства. Но неоценим их вклад в победу на полях сражений, где они принимали непосредственное участие.

В отечественной историографии тема получила достаточно широкое освещение [11; 15; 16]. В ряде российских регионов опубликованы статьи [5; 7; 17], в которых рассматривались отдельные сюжеты, такие как трудовой подвиг женщин, помощь фронту, роль в сохранении традиционных ценностей.

Первые работы по теме исследования в республиканской историографии появились во второй половине 1940-х — середине 1950-х гг. Вышедшие в этот период статьи, брошюры и очерки носят скорее научно-популярный, чем научный характер [6; 19]. В работе М. А. Андреева «Чувашия в годы Великой Отечественной войны» в разделе, посвященном труженикам тыла, рассказывается о патриотических починах, приведены примеры трудового героизма колхозниц, молодежи [2]. Определенную лепту в разработку темы внесли публикации, посвященные вкладу Чувашии в победу над фашизмом [1; 10; 12; 18; 21]. С. Б. Харитонов освещает труд женщин в аграрной сфере, массовое вовлечение женщин в общественную, социально-экономическую жизнь [20]. Более широкую интерпретацию тема получила в статье, написанной С. Б. Харитоновой в соавторстве с А. Д. Григорьевым [9]. Подготовка населения, в том числе женщин, по военным специальностям через систему Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) нашла отражение в работах О. В. Андреева [3]. О боевых подвигах женщин на фронтах Великой Отечественной войны рассказывается в сборниках, подготовленных А. Н. Николаевым [13]. Статья А. Н. Петровой на архивных материалах и воспоминаниях освещает вклад женщин Чувашии в дело Победы как в военных действиях, так и в тылу, на трудовом фронте [14].

Тема не получила широкого освещения в исторической литературе прежде всего из-за ограниченного допуска к документам, содержащим сведения военного характера. В данной статье нашли отражение ранее мало изученные формы и методы привлечения женского населения Чувашской АССР к обучению военным специальностям в предвоенные и военные годы, рассмотрена поэтапная мобилизация девушек и женщин для службы в Красной Армии. Уделено внимание

выявлению мотивации женщин, выразивших желание добровольно отправиться на фронт, особенности и трудности мобилизационных процессов в регионе. Подведены основные итоги исследования темы и обозначены задачи дальнейших изысканий.

Материалы и методы

Исследование выполнено с использованием метода исторического анализа, систематизации источников. В качестве предмета изучения выступает мобилизация женского населения Чувашии в ряды Красной Армии. При подготовке статьи проанализирован комплекс архивных источников, представленный законодательными актами, протоколами учреждений, отчетными и статистическими материалами, списками курсантов, справками и информационными документами, перепиской между организациями и т. д. Часть источников впервые вводится в научный оборот. Источниковую базу дополнили опубликованные документы.

Результаты исследования и их обсуждение

В годы Великой Отечественной войны участие женщин в Красной Армии, в боевых действиях получило массовый характер. На фронте женщины были представлены разными военными специальностями: медики, летчицы, снайперы, связистки, разведчицы, топографы, репортеры, артиллеристы, танкисты, служили в пехоте. Впервые в истории в Вооруженных Силах СССР появились женские боевые формирования. В предвоенные и военные годы в стране усилилась работа по укреплению обороноспособности страны, в том числе укреплялась материально-техническая база Осоавиахима, физкультурных обществ. В Чувашской АССР развернулась работа по проведению призыва в армию, обучению допризывников, подготовке к обороне страны, противовоздушной обороне. В 1939 г. в Чувашии действовали 720 оборонно-массовых кружков, в том числе 306 стрелковых и 200 противовоздушных. Росло членство в Осоавиахиме, к началу 1941 г. насчитывалось 2515 первичных организаций этого общества. В 1938 — 1940 гг. подготовлено почти 19 тыс. значкистов ГТО (Готов к труду и обороне) и БГТО (Будь готов к труду и обороне)¹. 25 сентября 1941 г. было принято постановление бюро обкома ВКП(б) «О всеобуче» в целях реализации постановления Государственного комитета обороны (далее – ГКО) о всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР. Ряд задач по организации всеобуча возлагался на комсомольские организации. 21 августа 1941 г. в соответствии с решением заседания бюро обкома ВЛКСМ при каждом райкоме комсомола были созданы группы организаторов: по оказанию помощи семьям красноармейцев, ушедших в РККА; по работе среди эвакуированных; по обучению молодежи противовоздушной и противохимической обороне. В областном комитете комсомола была утверждена должность секретаря по военной работе. С 1940 г. работала постоянно действующая военно-физкультурная комиссия. Постановлением бюро Чувашского обкома ВЛКСМ и Центрального совета Осоавиахима Чувашской АССР от 2 апреля 1942 г. «О военном обучении женщин» ставилась задача: «Немедленно приступить к практической организации военного обучения женской молодежи — комсомолок и не комсомолок, способных по состоянию своего здоровья носить оружие. Обучение проводить на добровольных началах в организациях Осоавиахима, на имеющейся материальной базе». Для этого во всех районах были сформированы комсомольско-молодежные подразделения: отделения, взводы, роты. Занятия ре-

¹ Государственный архив современной истории (ГАСИ ЧР). Ф. 2757/1022. Оп. 12. Д. 6. Л. 6.

комендовалось проводить без отрыва от производства в свободное от работы время и выходные в обстановке, максимально приближенной к боевой. Для ведения занятий были подобраны кадры командиров и политруков, утверждаемые бюро горкома и райкома комсомола². Активно развертывалась работа по всеобщей обязательной подготовке населения к ПВХО, обучением было охвачено от 70 % до 85 % населения, добивались 100 % охвата. Сдавшим нормы выдавались справки «Готов к ПВХО». Подготовка населения по военным специальностям уделялось большое внимание. Велись занятия гранатометчиков, радистов-операторов, телефонистов, телеграфистов, стрелков, ручных пулеметчиков, минометчиков, снайперов, сандружинниц, медсестер и других специальностей, в том числе женщин и девушек, учениц старших классов, по специально разработанным учебным программам. В феврале 1942 г. военный комиссар Чувашской АССР направил наряд на подготовку 1800 специалистов, часть из них (1000 чел.) составляли комсомольцы и несоюзная молодежь³. К примеру, осенью 1941 г. по 110-часовой программе велась подготовка по специальности «истребители танков», в 1941 — 1942 гг. прошли обучение 2428 чел. Обучающиеся были обеспечены макетами танков, винтовок, гранатами, бутылками с жидкостью. 62 комсомольца Яльчикского района, проходившие обучение, сразу же подали заявление в райвоенкомат с просьбой зачислить их добровольцами в Красную Армию⁴. В 1942 г. из районов республики приходили в обком комсомола информации и справки о военном обучении девушек. Так в Октябрьском районе были созданы два учебных пункта, которые посещали 142 чел. В Яльчикском районе занятия вели бывшие военнослужащие, вернувшиеся в связи с ранениями в свои села. Для обучения привлекались также командиры воинских частей, дислоцированных в республике. Почти во всех учебных пунктах выпускались стенгазеты, боевые листки, проводилась политико-массовая работа. Командиров подразделений, политруков и заместителей политруков приглашали на специальные семинары⁵. В мае 1942 г. секретарь Чувашского обкома ВЛКСМ П. Михайлов информировал обком ВКП(б) о ходе военного обучения девушек: 4942 чел. избрали специальность стрелка, 425 девушек готовились стать телефонистками, 45 — телеграфистами-морзистами, 63 — радистами-операторами⁶. В разрядке по районам Чувашской АССР в 1942 г. указывались также направления подготовки, к примеру, для военных училищ, для полковых школ, для вновь формирующихся дивизий⁷. На 1 июля 1943 г. в Алатыре было обучено 304 женщины-стрелка, станковых пулеметчиков — 57 чел., младших командиров — 20 чел. Продолжили обучение по разным специальностям 422 женщины, в том числе 29 из них учились на снайперов⁸. В 1942 — 1943 гг. в Чувашии было подготовлено через Всеобуч 11,5 тыс. телефонисток, радисток и других специалистов [12, с. 236]. Повсеместно в республике организовывались курсы по подготовке медицинских сестер, санитарных дружинниц, в которых очень остро нуждались госпитали, лазареты и больницы. Курсы были организованы в городах

² ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 259. Л. 133, 133 об.

³ Там же. Л. 29, 38.

⁴ Там же. Д. 165. Л. 4—5; Д. 259. Л. 10, 11; Ф. 2757/1022. Оп. 13. Д. 2. Л. 18, 21; Оп. 14. Д. 4. Л. 2, 54 об.; Оп. 16. Д. 57. Л. 1, 5 — 7, 10.

⁵ Там же. Д. 259. Л. 73, 73 об., 75, 77, 84.

⁶ Там же. Л. 41, 81, 89.

⁷ Там же. Л. 28.

⁸ Там же. Ф. 2757/1022. Оп. 14. Д. 13. Л. 54 об.

Ядрине, Шумерле, Канаше, Алатыре, в ряде районов. В 1941 г. было подготовлено медсестер запаса по линии Красного Креста 289 чел. и продолжало учиться в мае 1942 г. 240 чел.⁹ Вопросы подготовки кадров медсестер запаса находились на постоянном контроле обкома комсомола.

Не всегда удавалось выполнить поставленные задачи и планы. Основными причинами были большой процент отсева обучающихся, нехватка преподавателей, страдала посещаемость занятий и др.¹⁰ В 1944 — 1945 гг. во всех районах и городах республики работали различные курсы и кружки по подготовке граждан по военным специальностям. Особая потребность сохранялась в медицинских кадрах. Среди курсантов были и учащиеся старших классов. Программы обучения были разными: краткосрочными (40 часов), полными (110, 120, 156 часов в зависимости от специальности), включали огневую, строевую, санитарную, физическую части, устройство автомата и др. В документах того времени курсанты именовались бойцами. В 1945 г. 16 организаций Осоавиахима подготовили 542 медсестер и сандружинниц¹¹.

Указом от 22 июня 1941 г. началась мобилизация в Красную Армию. Всего за первый месяц войны по республике с просьбой направить на фронт поступило 5700 заявлений, в том числе от 1393 женщин¹². 23 июня 1941 г. 36 медицинских сестер из Чувашии были отправлены в г. Ржев на комплектование армейского прифронтового госпиталя, который 26 июня принял первых раненых. 25 июня 1941 г. из Чебоксар был отправлен эшелон с добровольцами, среди которых было 25 медицинских сестер города¹³. В течение первого года войны добровольно ушли на фронт 19 врачей, 103 медицинские сестры, 327 санитарных дружинниц¹⁴. Зачисление женского населения на военную службу строго регламентировалось. Призыв шел через военные комиссариаты. Добровольное вступление сочеталось с обязательным, которое было приоритетным. В автономных республиках ответственность по привлечению девушек в РККА возлагалась на обкомы ВЛКСМ совместно с областными военкоматами. 27 апреля 1942 г. было принято постановление Особого заседания СНК ЧАССР «О создании Комиссии по мобилизации женщин в Красную Армию»¹⁵.

Привлечение женщин в ряды Вооруженных Сил СССР было обусловлено объективной необходимостью. Массовые мобилизации женщин были проведены в 1942 г. Первая мобилизация, согласно постановлению ГКО СССР от 25 марта 1942 г., направляла 100 тыс. девушек-комсомолок в части противовоздушной обороны (ПВО) страны для замены ими красноармейцев-телефонистов, радистов, разведчиков-наблюдателей за воздухом зенитной артиллерии и других мужских военных должностей. Вторая мобилизация 15 апреля 1942 г. предусматривала отправку на фронт 30 тыс. женщин для несения службы в войсках связи для замены мужчин-морзистов, работников полевой почты, экспедиторов, телеграфных техников, делопроизводителей, чертежников, писарей, санитаров [8]. Постановле-

⁹ Там же. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 143. Л. 8; Д. 243. Л. 4 — 5; Д. 256. Л. 1; Оп. 11. Д. 135. Л. 118; Ф. П-2. Оп. 11. Д. 22. Л. 6.

¹⁰ Там же. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 332. Л. 1 — 3.

¹¹ Там же. Ф. 2757/1022. Оп. 15. Д. 42. Л. 14, 28; Оп. 16. Д. 20. Л. 12; Д. 57. Л. 1, 7, 10.

¹² Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 53. Л. 70 — 71.

¹³ Красная Чувашия. 1941. 25 июня.

¹⁴ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 135. Л. 118; Ф. П-2. Оп. 11. Д. 22. Л. 6.

¹⁵ Там же. Ф. П-6. Оп. 6. Д. 12. Л. 6.

нием ГКО СССР от 18 апреля 1942 г. была объявлена третья мобилизация женщин для обороны страны и замены военнотружеников мужчин в Военно-воздушных силах страны. 40 тыс. женщин направлялись на должности специалистов административно-хозяйственной службы (завскладов, шоферов, трактористов, поваров, кладовщиков, счетоводов), а также в войска связи, дополняя предыдущий призыв. Часть мобилизованных женщин подлежала обучению и прибывала на фронт спустя 1,5 — 2 месяца, другая часть, распределяемая в подразделения обслуживания, — немедленно после призыва¹⁶. 5 мая 1942 г. ГКО вынес постановление о мобилизации девушек-комсомолок и не комсомолок в подразделения Военно-морского флота. Перечень должностей и специальностей, которые могли замещаться девушками, был следующим: электрики, радисты, телеграфисты, телефонисты, типографы, топографы, шофера, писари, кинорадиомеханики, лаборанты, повара, голубеводы, библиотекари, санитары и др. [17, с. 259]. Участие женского населения Чувашии в рядах Красной Армии и на фронте шло как на добровольной основе, так и в ходе официальных мобилизаций.

При отборе девушек в Красную Армию категорически запрещалось призывать с предприятий оборонной промышленности, органов НКВД, железнодорожного транспорта, а также студентов вузов, женщин национальностей, воюющих с Советским Союзом стран, уроженок Западной Украины и Западной Белоруссии; бывших ранее на оккупированной противником территории. Кроме того, не допускалась мобилизация лиц, имевших на иждивении малолетних детей, нетрудоспособных родителей, а также родственников людей, репрессированных за контрреволюционную и шпионско-вредительскую работу. Учитывался возраст девушек (от 18 до 25, в отдельных случаях до 35 и 45 лет), их образование (не ниже 5 — 7 классов, но с обязательным условием наличия полного среднего образования у 40 % общего числа мобилизованных). В инструкции по отбору женщин для комплектования 324-й стрелковой дивизии в 1942 г. указывалось: «Отбор произвести из числа девушек в возрасте от 18 до 27 лет, с образованием не ниже 7 классов, безусловно годных к строевой службе Красной Армии, политически проверенных и морально устойчивых, преимущественно из числа имеющих некоторую военную подготовку. Мобилизации подлежат лишь те девушки, которые изъявили желание пойти на службу в Красную Армию добровольно. В числе мобилизованных иметь 40 % комсомолок». Вдогонку была отправлена телеграмма с припиской «владеющих русским языком». В итоге в 324-ю стрелковую дивизию было направлено 174 девушки: 8 машинисток, 15 писарей, 25 поваров, 25 телефонисток-радисток, 25 санитарок, 30 пекарей, 25 шоферов, 5 портных, 3 типографских рабочих, 1 фотограф, 10 прачек¹⁷.

В свою очередь мобилизованных девушек обязывали иметь верхнюю одежду, постельные принадлежности, смену белья, крепкую обувь, предметы личной гигиены, вещевой мешок, кружку и ложку. Одновременно они обеспечивались военным обмундированием, часть из них ставилась на довольствие, некоторая часть имела статус вольнонаемных¹⁸.

В 1942 г. 15 медицинских сестер в добровольном порядке по вольному найму были отправлены в распоряжение эвакуогоспиталя № 61 (станция Пласовка

¹⁶ Российский государственный архив современной политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 51. Л. 105 — 107.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-11. Оп. 10. Д. 51. Л. 1 — 2, 6, 9, 13.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 51. Л. 105 — 107.

Рязано-Уральской железной дороги). Еще 145 чел. поехали служить в части Волховского фронта, 1080 чел. — на Московский фронт. В соответствии с решением ГКО 6 и 7 ноября 1942 г. из республики были мобилизованы в женскую добровольческую стрелковую бригаду 300 чел. 39 из них поступали в распоряжение начальника Рязанского пехотного училища для подготовки средних командиров. В распоряжение Серпуховского горвоенкомата Московской области направили 305 женщин¹⁹.

Некоторые воинские части боевого обеспечения, войска связи, тыловые части в большом проценте комплектовались женщинами. Например, переменный состав 8-го запасного телеграфного полка связи в Чебоксарах был исключительно женским. В августе 1942 г. в распоряжение полка для подготовки специалистов связи были направлены 255 мобилизованных девушек из Марийской АССР [17, с. 260]. В 1942 г. были получены задания на мобилизацию девушек для Военно-морского флота в количестве 150 чел. (30 шоферов, 70 телефонисток, 15 поваров, 30 санитарок, 5 кладовщиков), 300 чел. — в воздушно-десантные войска, 503 — в части противовоздушной обороны РККА²⁰.

В апреле 1942 г. 101-й отдельный батальон ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи) пополнили 500 девушек из Чувашии. После прохождения военной подготовки личный состав направили в Чувашию, Татарстан, Мордовию и Горьковскую область для выполнения боевой задачи: вести наблюдение за воздушным пространством, в случае появления фашистских самолетов оповещать командование подразделений противовоздушной обороны. В Чувашии посты ВНОС находились возле сел Именево Красноармейского, Акрамово Моргаушского районов²¹. Большая часть мобилизованных девушек являлись членами ВЛКСМ, имели образование 5 классов и выше, обучались в системе Всеобуча военным специальностям, проходили медицинскую комиссию²². Для ВМФ по заданию ГКО вместо 150 чел. было отобрано 121, из них 5 шоферов, 2 повара, 6 кладовщиков, 30 медсестер, 12 телеграфистов, 17 машинисток. 49 девушек имели среднее и высшее образование²³. К началу 1944 г. в армии находились 6560 девушек из Чувашии²⁴.

В 1944 г. в мае состоялся последний призыв женского населения страны в Красную Армию, вызванный необходимостью укомплектования должностей поваров, прачек, связистов и санитарок для войск ПВО и главных управлений Народного комиссариата обороны СССР. В докладной записке Наркомата обороны И. В. Сталину отмечалось: «На учете в военкоматах в настоящее время имеется подготовленных в системе Всеобуча, Осоавиахима и Красного Креста радистов, телеграфистов, телефонистов и медицинских сестер — 176 000 женщин в возрасте от 18 до 35 лет. Таким образом, есть возможность призвать женщин для удовлетворения нужд фронтов и ПВО»²⁵. По директиве военного комиссариата Чувашской АССР от 27 мая 1944 г. на фронт было призвано из Чувашии 510 женщин в распоряжение штаба Приволжского военного округа. Они были

¹⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-11. Оп. 10. Д. 51. Л. 11, 14, 15, 26, 29, 32, 33 об.

²⁰ ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 259. Л. 43, 47, 82.

²¹ ГИА ЧР. Ф. Р-11. Оп. 10. Д. 127. Л. 3, 3 об., 4.

²² ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 259. Л. 44, 67, 99, 100, 102.

²³ Там же. Л. 144.

²⁴ Там же. Ф. П-6. Оп. 6. Д. 12. Л. 6.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 335. Л. 14.

распределены: в 8-й радио-телеграфный курс (РТК) в г. Куйбышев, окружные курсы поваров, 3-й и 5-й корпуса ПВО, 82-ю и 83-ю дивизии ПВО, 11-ю учебную стрелковую бригаду, 7-ю стрелковую бригаду (для отправки на Карельский фронт). Однако часть призванных женщин из 7-й стрелковой бригады была откомандирована обратно в связи с незнанием и слабым знанием русского языка. То есть вопросы языковой компетентности оставались актуальными и в конце войны. Также в 1944 г. призваны в 206-й запасной стрелковый полк 2-го Белорусского фронта 5 снайперов-девушек, в 38-й полк связи 2-го Белорусского фронта 10 телефонисток²⁶.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны наряду с трудовой мобилизацией женского населения проходила мобилизация на военную службу. Предварительно многие из них проходили подготовку по военным специальностям через общества Осоавиахима и систему Всевобуча. Несмотря на принятые меры по сохранению контингента учащихся до конца учебы, все же получался отсев по всевозможным причинам: выезды на другое место жительства, по состоянию здоровья, по семейным обстоятельствам.

Точной цифры женщин, участвовавших в борьбе с фашизмом во время Великой Отечественной войны, нет. Как отмечают исследователи, на фронте в разные периоды сражалось от 600 тыс. до 1 млн женщин. Так же, как и нет точных данных по Чувашской АССР [12, с. 204]. Не все из них принимали непосредственное участие в боевых действиях, но, как показывают архивные документы, сфера деятельности мобилизованных женщин была бесконечно разнообразна.

Можно вспомнить санинструктора Марию Пехтереву, работавшую в одном из госпиталей Чебоксар. Она добровольно ушла на фронт и служила в 324-й стрелковой дивизии. Эта дивизия формировалась на территории республики. В одном из боев Мария вынесла 37 раненых бойцов из-под огня противника. На фронтах, в боевых действиях участвовало более 500 врачей и фельдшеров, медицинских сестер и санинструкторов — выходцев из Чувашии²⁷. В декабре 1942 г. была призвана в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и зачислена в 324-ю стрелковую дивизию санитаркой 409-го медико-санитарного батальона В. И. Волкова. День Победы встретила в г. Кенигсберг, в августе 1945 г. по демобилизации вернулась домой. В 1942 г. по особому набору призвана в ряды Рабоче-Крестьянского Красного воздушного флота В. П. Грачева, направлена в 3-ю роту 101-го отдельного батальона воздушного наблюдения, оповещения и связи в составе 79-й дивизии ПВО на 1-й Белорусский фронт. Прошла с боями Украину, Белоруссию, Польшу. Победу встретила в г. Брест Белорусской ССР. Демобилизовалась 23 июня 1945 г. В. М. Петрова в 1942 г. призвана в ряды Рабоче-Крестьянского Красного воздушного флота, направлена в 101-й отдельный батальон воздушного наблюдения, оповещения и связи (г. Казань). День Победы встретила в г. Янув-Подляски (Польша). Демобилизована в августе 1945 г. Ф. И. Стеклова призвана в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии 8 мая 1942 г. В течение трех месяцев обучалась на морзиста-телеграфиста в г. Чебоксары. Участвовала в прорыве и снятии блокады г. Ленинграда, освобождении Прибалтики и Польши. В боях за г. Тарту Эстонской ССР получила ранение, после выздоровления переведена санитаркой в 123-й отдельный полк связи. День Победы встретила на севере Германии в

²⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-11. Оп. 10. Д. 127. Л. 2, 7, 12.

²⁷ ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 259. Л. 138.

районе г. Штральзунд. После демобилизации в ноябре 1945 г. вернулась домой. А. И. Янаглова службу проходила связисткой, радисткой и телефонисткой в 887-м артиллерийском полку 324-й стрелковой дивизии. Участвовала в Курской битве, где была ранена. Почти пять месяцев лечилась в госпиталях Подмоскovie и Урала, после чего была демобилизована по ранению. Е. Д. Кириллова 20 ноября 1943 г. призвана в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, направлена в 8-й полк связи, где выучилась на телеграфиста-морзиста. В мае 1944 г. направлена в 38-й отдельный полк связи на 2-й Белорусский фронт. Победу встретила в Берлине. Демобилизовалась в сентябре 1945 г., но еще полгода оставалась в Берлине, затем четыре года в Дрездене работала по своей военной специальности²⁸.

Активное участие в боевых действиях принимали женщины-летчицы из Чувашии. Большинство из них прошли обучение в аэроклубах и на фронт отправлялись добровольно. Среди женщин — Героев Советского Союза — легендарная летчица, уроженка Алатыря, воевавшая в составе 46-го Таманского авиаполка ночных бомбардировщиков — Зоя Ивановна Парфенова [4, с. 120]. Воспитанница и летчик-инструктор Чебоксарского аэроклуба Е. С. Крутова с мая 1942 г. воевала в качестве командира звена в 46-м гвардейском ночном бомбардировочном авиационном полку, погибла при выполнении боевого задания 31 июля 1943 г. Всего 26 лет прожила воспитанница Алатырского аэроклуба В. Г. Волкова. Зимой 1944 г. Ольга Шолохова и Валентина Волкова просто поразили достаточно опытных боевых летчиков полка «Нормандия-Неман». Во время встречи между бывшими авиаторами этого полка и 125-го гвардейского бомбардировочного полка после войны французский полковник Леон Кюффо вспоминал: «В непогоду на аэродром, где находился наш полк, сел пикирующий Пе-2, так как соседний аэродром, где базировались бомбардировщики, совсем закрыла метель. Мы, французские летчики, с восторгом следили за смельчаками, отлично приземлившими свой самолет при такой плохой видимости, и поспешили к самолету, чтобы скорее познакомиться с летчиком. И как же мы были изумлены, узнав, что самолет пилотировали девушки» [13, вып. 1, с. 125 — 128]. Подобных примеров множество, все мобилизованные женщины, каждый на своем посту, внесли достойный вклад в дело Победы над врагом.

Кроме официальных мобилизационных мероприятий, в первые дни и годы войны широкое развитие получило добровольное вступление в ряды Красной Армии, в том числе женского населения. 4 июля 1941 г. Цивильский район отчитывается о подаче 21 заявления от комсомольцев о добровольном уходе на фронт. В июле же поступают сведения из с. Яльчики — 109 заявлений, Шихазановского района — 127 заявлений, Чкаловского района — 151 заявление. Речь идет о заявлениях от комсомольцев, в том числе и от девушек. Учительница Красноармейской школы Игнатьева писала: «Я сообщаю о желании идти на фронт, о готовности работать столько, сколько потребуется для победы героической Красной Армии и ВМФ СССР. Поэтому убедительно прошу Вас направить меня на фронт»²⁹. Ее просьба была удовлетворена. В марте 1942 г. в Чувашский областной комитет ВЛКСМ поступило письмо от секретаря Порецкого райкома комсомола: «Каждый день с утра до ночи в райком ВЛКСМ приходят комсомолцы, девушки-сан-

²⁸ Здесь каждый — часть Великой Победы. Воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Мультимедийное издание. Чебоксары: ГИА ЧР. 2015.

²⁹ ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 189. Л. 22.

дружинницы с чрезвычайно серьезными требованиями — отправить их на фронт». В письме указывались данные 19 девушек, которые хотели отомстить «за пролитую кровь наших отцов, братьев, сестер и матерей. И вдвойне отомстим за своих любимых подруг Зою Космодемьянскую, Лизу Чайкину и других, которые не щадя своей жизни дрались за счастье своего народа... Просим при первой возможности зачислить нас в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и отправить нас на фронт»³⁰. Тексты этих заявлений носят отпечаток агитационно-пропагандистской работы в эти годы, обращение к патриотическим чувствам и призывам. Призывы встать на защиту Родины публиковались с первых дней войны во всех СМИ. Кроме официальных обращений были плакаты, агитационные листки. Активно велась пропаганда средствами искусства, литературы, обращениями к героическому прошлому. Большую роль играли встречи с фронтовиками, прибывавшими в составе агитационных групп, письма с фронта о боевых подвигах земляков, постоянно публиковавшиеся в республиканских изданиях. В заявке от руководства 324-й стрелковой дивизии о призыве женщин для комплектования дивизии подчеркивалось: «Разъяснить мобилизуемым, что чувашский народ, посылая их в свою подшефную дивизию, оказывает им большое доверие и что это доверие надо оправдать с честью и достоинством»³¹. В республике вся агитационная работа велась на двух языках — русском и чувашском. В 1941 г. в июньском номере журнала «Ёҫ хёра́рәмё» («Работница») появилась статья председателя Президиума Верховного Совета Чувашской АССР З. А. Андреевой «Хёра́рәмсем, ҫёрышыва сыхлама тӑрӑр!» («Женщины, вставайте на защиту Родины!»). В статье прозвучал прямой призыв к вступлению в ряды Красной Армии, участию в сражениях против фашистов³². Для многих девушек примерами для подражания были образы из документальных и художественных фильмов. К примеру, образ медсестры Натальи Матвеевой из фильма «Фронтовые подруги». Перед отправкой мобилизованных женщин на фронт рекомендовалось устроить «теплые торжественные проводы», приготовить индивидуальные подарки. Основными мотивами добровольного вступления в ряды Красной Армии стали: патриотизм, отчасти некий романтизм, личные интересы (желание отомстить за близких, решить разные жизненные проблемы, решение старших членов семьи). Наиболее ярко проявлялась идейная убежденность и уверенность, присущая первым дням войны, что она скоро завершится. Однако в столь сложное время были и сомнения в выборе решения, в своих способностях, тревога за семьи, родителей, за будущее. В связи с началом официальной мобилизации, где основным условием выступал уровень образования, среди населения распространилось мнение об опасности получения среднего образования в связи с тем, что их дочерей могли призвать в армию. В целом девиз «Все для фронта, все для Победы» стал основным лейтмотивом жизненной стратегии для большинства жителей Чувашии.

Заключение

В годы Великой Отечественной войны женщины внесли весомый вклад в Победу над врагом как на трудовом фронте, так и принимая непосредственное участие в боевых действиях на фронтах. Они прошли нелегкий путь к Победе. В предвоенные и в годы войны усилия органов власти Чувашии направлялись

³⁰ Там же. Д. 2. Л. 52.

³¹ ГИА ЧР. Ф. Р-11. Оп. 10. Д. 51. Л. 6.

³² Андреева З. А. Хёра́рәмсем, ҫёрышыва сыхлама тӑрӑр! // Ёҫ хёра́рәмё. 1941. Июнь. 6 №. С. 3.

на организацию подготовки военным специальностям женского населения через организации Осоавиахима, Всеобуча, Красного Креста и физкультурных обществ. В апреле 1942 г. была поставлена задача военного обучения женской молодежи. Процессы обязательной мобилизации женщин и девушек относятся к 1942 г., но и в последующие годы эти вопросы были на повестке дня. Наряду с мобилизацией широкий размах получило добровольное вступление в ряды Красной Армии. На фронте женщины были представлены во многих родах войск. Большую работу по мобилизации женщин вели Чувашский обком ВЛКСМ и военные комиссариаты. Точных данных о количестве женщин на фронтах Великой Отечественной войны как в целом по стране, так и по республике нет. Мобилизация женщин была организована во многих регионах страны, носила объективный характер, в Чувашии имелись свои особенности. Использование идеологических средств и инструментов стало важнейшим аргументом мобилизации ресурсов. В целом девиз «Все для фронта, все для Победы» стал основным лейтмотивом жизненной стратегии для большинства жителей Чувашии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев Г. А. Медики Чувашии в годы войны. [1941 — 1945 гг.]. Чебоксары : [б. и.], 1995. 386 с.
2. Андреев М. А. Чувашия в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары : [б. и.], 1945. 75 с.
3. Андреев О. В. Оборонно-массовая и военно-патриотическая работа в России (XX — начало XXI в.). Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. 436 с.
4. Андреев О. В., Касимов Е. В., Козлов Ф. Н., Широкова М. А. Подвиг тружеников Чувашии: строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2021. 155 с.
5. Барсукова Н. В. Советские женщины на защите страны в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5 — 3. С. 29 — 31.
6. Бойко И. И. Великая Отечественная война 1941 — 1945 годов в исследованиях историков Чувашии // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: [сборник статей] / сост. и науч. ред. Г. А. Николаев. Вып. 1. Чебоксары : ЧГИГН, 2011. С. 52 — 79.
7. Вашурина З. П. В строю защитников Отечества // Военно-исторический журнал. 2001. № 3. С. 18 — 24.
8. Вишнякова З. О мобилизации женщин на разных этапах Великой Отечественной войны // Родина. 2015. № 12. С. 126 — 133.
9. Григорьев А. Д., Харитонов С. Б. Женщина и война: анализ изменений социального статуса и роли (на материалах Чувашии) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 40 — 48.
10. История Чувашии новейшего времени. В 2 кн. Кн. 1. 1917 — 1945. Чебоксары : ЧГИГН, 2001. 262 с.
11. Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. Москва : Мысль, 1979. 293 с.
12. Очерки истории Чувашской областной организации ВЛКСМ. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1978. 544 с.
13. Память солдатского сердца: фронтовые письма, дневники, листовки, воспоминания, боевые документы / сост. А. Н. Николаев. Вып. 1 — 8. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1979 — 1991.
14. Петрова А. Н. Вклад женщин Чувашии в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны // Эхо веков. 2020. № 4. С. 46 — 56.
15. Петрова Н. К. Женщины Великой Отечественной войны. Москва : Вече, 2024. 696 с.
16. Сениявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. Москва : РОССПЭН, 1999. 383 с.
17. Сергеева А. Н. «Женское лицо Победы» (О мобилизации женщин Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.) // Регионы России в военной истории страны. Вып. VI: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Йошкар-Ола, 13 — 14 ноября 2024 г.) / ред.-сост. О. А. Кошкина. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2024. С. 256 — 263.

18. Сухова Е. В. Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. (на материалах Чувашской АССР): [монография] / [науч. ред. Ю. П. Смирнов]. Чебоксары : ПБОЮЛ Л.А. Наумов, 2008. 211 с.
19. Харитонов В. Г. Трудовой подвиг крестьянства Чувашии в годы Великой Отечественной войны: итоги и задачи изучения // Регионы России в военной истории страны. Вып. IV: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции (Йошкар-Ола, 16 — 17 ноября 2022 г.) / ред.-сост. О. А. Кошкина. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2022. С. 63 — 75.
20. Харитонов С. Б. Женщины в сельском хозяйстве Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского государственного университета. 2011. № 2. С. 126 — 133.
21. Чебухов В. В. Участие трудящихся Чувашии во всенародной помощи Советской Армии в годы Великой Отечественной войны // Вопросы археологии и истории Чувашии: [сборник статей]. Чебоксары : Чувашгосиздат, 1960. С. 222 — 255. (Ученые записки / ЧНИИ; вып. 19).

REFERENCES

1. Alekseev G. A. Chuvash medical workers in the years of war. [1941 — 1945]. Cheboksary;1995:386. (In Russ.)
2. Andreev M. A. Chuvashia in the years of the Great Patriotic War. Cheboksary;1945:75. (In Russ.)
3. Andreev O. V. Defense-mass and military-patriotic work in Russia (20th — early 21th century). Cheboksary;2019:436. (In Russ.)
4. Andreev O. V., Kasimov E. V., Kozlov F. N., Shirokova M. A. The merit of the toilers in Chuvashia: the construction of the Sursky and Kazan defense lines. Cheboksary;2021:155. (In Russ.)
5. Barsukova N. V. The Soviet women in the defense of the country during the Great Patriotic War // Actual problems of humanitarian and natural sciences. 2017(5 — 3):29 — 31. (In Russ.)
6. Boyko I. I. The Great Patriotic War of 1941 — 1945 in the studies of historians of Chuvashia // Actual issues of history and culture of the Chuvash people [Collection of articles] / comp. and scientific ed. G. A. Nikolaev. Issue 1. Cheboksary;2011:52 — 79. (In Russ.)
7. Vashurina Z. P. In the ranks of the Fatherland defenders // Military Historical Journal. 2001(3):18 — 24. (In Russ.)
8. Vishnyakova Z. The mobilization of women at different stages of the Great Patriotic War // Rodina. 2015(12):126 — 133. (In Russ.)
9. Grigoriev A. D., Kharitonova S. B. Woman and war: the analysis of changes in social status and role (the materials of Chuvashia) // Chuvash University Vestnik. 2015(4):40 — 48. (In Russ.)
10. The history of Chuvashia of the newest time. In 2 books. Book 1. 1917 — 1945. Cheboksary;2001:262. (In Russ.)
11. Murmantseva V. S. Soviet women in the Great Patriotic War. Moscow;1979:293. (In Russ.)
12. The overview of the Chuvash regional Komsomol organization history. Cheboksary;1978:544. (In Russ.)
13. Memory of the soldier's heart: front letters, diaries, leaflets, memoirs, combat documents / compiled by A. N. Nikolaev. Issue 1 — 8. Cheboksary;1979 — 1991. (In Russ.)
14. Petrova A. N. The contribution of women of Chuvashia to the victory over fascism during the Great Patriotic War // Echo of the centuries. 2020(4):46 — 56. (In Russ.)
15. Petrova N. K. Women of the Great Patriotic War. Moscow;2024:696. (In Russ.)
16. Senyavskaya E. C. Psychology of War in XX Century: Russia's Historical Experience. Moscow;1999:383. (In Russ.)
17. Sergeeva A. N. "Female face of Victory" (the mobilization of women of the Mari ASSR during the Great Patriotic War 1941 — 1945) // Regions of Russia in the military history of the country. Vol. VI: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (Yoshkar-Ola, November 13 — 14, 2024) / ed.-comp. O. A. Koshkina. Yoshkar-Ola;2024:256 — 263. (In Russ.)
18. Sukhova E. V. Unity of front and rear in the Great Patriotic War 1941 — 1945 (the materials of the Chuvash ASSR): [monograph]; [ed. Y. P. Smirnov]. Cheboksary;2008:211. (In Russ.)
19. Kharitonova V. G. Labor feat of the peasantry of Chuvashia during the Great Patriotic War: results and tasks of the study // Regions of Russia in the military history of the country. Issue. IV: proceedings of the IV All-Russian scientific-practical conference (Yoshkar-Ola, November 16 — 17, 2022) / edited by O. A. Koshkina. Yoshkar-Ola;2022(63 — 75). (In Russ.)
20. Kharitonova S. B. Women in agriculture of Chuvashia during the Great Patriotic War // Chuvash State University Vestnik. 2011(2):126 — 133. (In Russ.)
21. Chebukhov V. V. Participation of the workers of Chuvashia in the nationwide assistance to the Soviet Army during the Great Patriotic War // the issues of archeology and history of Chuvashia. Proceedings of the Chuvash national research institute. Cheboksary;1960:222 — 255. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.05.2025;
одобрена после рецензирования 19.05.2025; принята к публикации 19.05.2025

Информация об авторе:

Харитонов Валентина Григорьевна, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7930-9072>, val1957@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 05.05.2025;
approved after reviewing 19.05.2025; accepted for publication 19.05.2025

Information about the author:

Valentina G. Kharitonova, leading researcher at the Chuvash State Institute
of Humanities (29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7930-9072>, val1957@rambler.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 05.05.2025 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 19.05.2025 ырланă; 19.05.2025 пичете йышăннă

Автор çинчен:

Харитонов Валентина Григорьевна, Чăваш патшалăх гуманитар
ăслăлăхĕсен институчĕн ăслăлăх ертÿçĕ ёçтешĕ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
истори ăслăлăхĕсен кандидачĕ,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7930-9072>, val1957@rambler.ru

Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ суккине пĕлтерет.

Автор ал çырăвĕн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

УДК 323.1(470.43)"17/19"
ББК 63.3(235.4)—38

Научная статья

РУССКИЕ И ЧУВАШИ: ОПЫТ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ В XVIII — XX ВЕКАХ

Е. А. Ягафова

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Россия
yagafova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены модели межэтнических взаимодействий русских и чувашей в Самарском Заволжье в исторической ретроспективе (с XVIII в.) и в настоящее время, определены факторы устойчивости / изменчивости этнических границ, формирования этнокультурной специфики групп и идентичности их членов. Изучены межэтнические контакты в этнически смешанных — русско-чувашских — селениях Самарской области: с. Семеновка Кинель-Черкасского, с. Ново-Геранькино Борского, с. Русская Васильевка Кошкинского, с. Девлезеркино Челно-Вершинского районов. Источниковую базу составили архивные, опубликованные и полевые материалы автора.

Исследование показало, что опыт взаимодействия чувашей и русских в Самарском Заволжье имеет длительный характер, формировался с началом расселения этнических групп в регионе. Результатом взаимодействия на разных этапах и в зависимости от конкретной ситуации стали интеграция, аккультурация, языковая и этническая ассимиляция (обрусение, «чувашизация»). Разрушение этнических границ происходило вследствие формирования единого социокультурного пространства контактирующих групп, основанного на общности производственных интересов, социальных институтов, конфессиональной принадлежности, русского языка как средства межэтнической коммуникации.

Ключевые слова: межэтнические взаимодействия, Самарское Заволжье, русские, чуваш

Для цитирования: Ягафова Е. А. Русские и чуваш: опыт межэтнического взаимодействия в Самарском Заволжье в XVIII — XX веках // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 65 — 74

© Ягафова Е. А., 2025

Scientific article

THE RUSSIANS AND CHUVASH: INTERETHNIC INTERACTION EXPERIENCE IN THE SAMARA TRANS-VOLGA REGION IN 18th — 20th CENTURIES

E. A. Yagafova

Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russia
yagafova@yandex.ru

Abstract. The article examines the models of interethnic interactions between the Russians and Chuvash in the Samara Trans-Volga region in historical retrospect (since 18th century) and at present. The factors of stability/variability of ethnic boundaries, ethnocultural specificity formation of groups and the identity of its members have been identified. The interethnic contacts in ethnically mixed, the Russian-Chuvash villages of the Samara region have been studied. These villages include: the village of Semenovka in the Kinel-Cherkassky, the village

of Novo-Gerankino in the Borsky, the village of Russkaya Vasilyevka in the Koshkinsky, and the village of Devlezerkino in the Chelno-Vershinsky districts. The material contains both archival documents and the author's published and field materials.

The experience of interaction between the Chuvash and Russians in the Samara Trans-Volga region is shown to be long-term. It was formed with the beginning of ethnic groups' settlement in the region, and it is determined by both the duration and the numerical ratio of ethnic groups. The interaction at different stages and depending on the specific situation resulted in integration, acculturation, linguistic and ethnic assimilation. The breakage of ethnic boundaries occurred due to the formation of a single socio-cultural space of contacting groups, based on common production interests, social institutions, religious affiliation, the Russian language as a means of interethnic communication.

Keywords: interethnic interactions, the Russians, the Samara Trans-Volga region, the Chuvash

For citation: Yagafova E. A. The Russians and Chuvash: interethnic interaction experience in the Samara Trans-Volga region in 18th — 20th centuries // Modern humanities. 2025;1(2):65 — 74

Аслăлăх статийи

ВЫРĂСЕМПЕ ЧĂВАШЕМ: XVIII — XX ЁМЁРСЕНЧЕ САМАР АТĂЛ ЛЕШ ЕНЧЕ ЭТНОСЕМ ПЁР-ПЁРИНПЕ СЫХĂНСА ПУРĂННИН ОПЫЧЁ

Е. А. Ягафова

Самар патшалăх социопедагогика университетĕ,
Самар хули, Раçсей
yagafova@yandex.ru

Аннотаци. Статьяра Самар Атăл леш енчи вырăсемпе чăвашсен этнос сыхăнăвĕсен истори ретроспективинчи (XVIII ёмёртен пуçласа) тата хальхи вăхăтри моделĕсене пăхса тухнă, этносен чиккисен сирĕплĕхĕн / улшăнăвĕн, ушкăнсен этнокультура хай евĕрлĕхĕпе сынсен пĕрешкеллĕхĕ йĕркеленнин факторĕсене палăртнă. Этносем пĕрле пурăнакан тăрăхри — Борски районĕнчи Илмĕрсел, Кушкă районĕнчи Ваçлавкка, Чаллăпуç районĕнчи Тилечер ялĕсенчи — тĕрлĕ халăх сыннисен хутшăнăвĕсене тĕпченĕ. Çалкуçсен никĕсĕнче — архив материалĕсем, авторăн пичетленсе тухнă ĕçĕсем тата вăл пуçтарнă материалсем.

Тĕпчев сакна кăтартса парать: Самар Атăл леш енчи чăвашсемпе вырăсем пĕр-пĕринпе сыхăнса пурăннин опычĕн сул-йĕрĕ вăрăм, вăл региона тĕрлĕ этносен ушкăнĕсем килсе вырнаçнăранпах йĕркеленме пуçланă. Тĕрлĕ тапхăрти хутшăнусене тата пайăр лару-тăрăва кура кĕретленĕ пулăмсем: интеграци, аккультураци, чĕлхепе этнос ассимиляцийĕ (вырăслану, «чăвашлану»). Хутшăнса пурăнакан ушкăнсен пĕрлехи социокультура талкăшĕ тытăмланнă, унăн никĕсĕнче — производство интересĕсен, социоинститутсен, пĕр конфессии тăнин пĕр пĕтĕмлĕхĕ, этносем пĕр-пĕринпе хутшăнмалли хатĕр пулса тăнă вырăс чĕлхи.

Тĕп сăмахсем: этносем пĕр-пĕринпе хутшăнса пурăнни, Самар Атăл леш енĕ, вырăсем, чăвашсем

Цитатăлама: Ягафова Е. А. Вырăсемпе чăвашсем: XVIII — XX ёмёрсенче Самар Атăл леш енче этносем пĕр-пĕринпе сыхăнса пурăннин опычĕ // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 2 №. С. 65 — 74

Введение

Самарское Заволжье исторически складывалось как многонациональный регион. Специфику расселения народов в нем составляли полиэтнические селения, в которых происходили интенсивные контакты между народами. Русско-чувашское взаимодействие в крае актуализировалось в середине XIX в. Более

40 % этнически смешанных селений с участием чувашей приходилось на чувашско-русские села и деревни¹. В конце XIX в. чуваша проживали с русскими в 59 селениях, в большинстве — двунациональных (48) и православных (43). В отдельных случаях чуваша и русские соседствовали также с мордвой (8), татарами (2) или с обеими группами (1) [9]. Этническому разнообразию сопутствовала также конфессиональная разобщенность жителей (старообрядцы, мусульмане, язычники), что осложняло межкультурное взаимодействие в смешанных селениях. Рост числа чувашско-русских селений во второй половине XIX в. произошел вследствие увеличения численности и доли (до 65 %) русских в общей массе населения Самарской губернии, а также отмены крепостного права, повлекшего переселение бывших русских крепостных крестьян в чувашские села и деревни.

Следует отметить, что тенденция к созданию русско-нерусских селений была характерна и для других народов региона, в частности мордвы. Именно русские, по наблюдению австрийского ученого А. Каппелера, становились соседями по селению или общине чувашских, мордовских крестьян, нежели последние между собой. Данный феномен А. Каппелер и другие исследователи объясняют особой психологической установкой русского населения: его «готовностью селиться с другими народами», т. е. относительно высокой географической мобильностью, коммуникабельностью и способностью достаточно легко приспосабливаться к окружающей среде, в отличие от нерусских народов, обитавших, несмотря на специфику расселения, в замкнутом мире своей культуры [17]. В связи с этим возникает интерес к особенностям межэтнических контактов русских с нерусскими соседями на микроуровне, т. е. к ситуациям в конкретных смешанных селениях, анализ которых позволил бы выявить механизмы и типологические особенности русско-нерусского взаимодействия в Самарском Заволжье, в данном случае — русско-чувашского межкультурного пограничья. Исторический опыт межэтнических отношений в Самарской области актуален для определения адаптивных возможностей поликультурной среды региона, пути интеграции / аккультурации в нее мигрантских сообществ.

Материалы и методы

Методологические подходы исследования основаны на концепции «этнических границ» Ф. Барта. Этнические границы формируются в процессе взаимодействия контактирующих групп как следствие их «самокатегоризации или категоризации другими» и необходимости постоянно выражать и подтверждать этническую идентичность посредством социальных и культурных различий (язык, обычаи, этикет, системы ценностей и т. д.) [14, с. 16, 172]. Таким образом, характеристика этнических границ связана с определением культурных дистанций между этническими группами [13, с. 110], что, в свою очередь, возможно через выявление эмпирических характеристик этнических границ между контактирующими группами. Подобный подход был применен при изучении этнически смешанных селений в различных регионах Урало-Поволжья Е. С. Данилко [1], А. Д. Коростелевым [2 — 5], Е. В. Поповой [4 — 6], Р. Р. Садиковым [4; 5; 7], Е. А. Ягафовой [4; 5; 15; 16].

В статье рассмотрены модели межэтнических взаимодействий русских и чувашей в указанный период, раскрыты их механизмы, а также определены факторы устойчивости / изменчивости этнических границ, формирования этнокультур-

¹ Научный архив РАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 51.

ной специфики групп и идентичности ее членов. Объектами исследования стали этнически смешанные селения Самарской области, в которых чувашаи и русские соседствовали исторически — с. Семеновка Кинель-Черкасского района, с. Ново-Геранькино Борского района, с. Русская Васильевка Кошкинского района, с. Девлезеркино Челно-Вершинского района. Анализ межэтнических контактов в них позволил выявить разные типологические модели. Источниковую базу исследования составили архивные, опубликованные и полевые материалы автора².

Результаты исследования и их обсуждение

Куда делись чувашаи? Модель полной ассимиляции

Село Семеновка (Сарбайка) Бугурусланского уезда Оренбургской (затем — Самарской) губернии было основано чувашами и мордвой в середине XVIII в. К концу века (1795) здесь проживали 280 чувашей и 34 мордвы³. Таким образом, селение состояло почти на 90 % из чувашей, однако уже к VI ревизии (1811) они почти сравнялись по количеству душ мужского пола (д. м. п.) с мордвой: 109 и 102 соответственно⁴. В 1812 г. мордовское население пополнилось еще на 124 д. м. п.⁵, и с этого времени в Семеновке стало численно преобладать мордовское население. В середине XIX в. в селе появились русские крестьяне, численность которых достигла к 1875 г. 992 чел., в то время как мордвы насчитывалось 547 чел., а чувашей — 337 чел.⁶ В результате менее чем за столетие этническая картина Семеновки в корне изменилась — чувашаи составляли в ней этническое меньшинство — около 17 %. К 1900 г. доля чувашей сократилась почти вдвое — до 9 % (194 чел.), в то время как удельный вес русских увеличился за четверть века с 49 % до 62 %⁷. В настоящее время чувашское население в Семеновке отсутствует. Последние чувашаи ушли из жизни в конце XX в. Но память о чувашах сохранилась в топонимике, в названии одного из концов селений — «Чувашский конец», «Чувашское кладбище», в лексике русских жителей (*мазарка* — кладбище)⁸.

Исчезновение в Семеновке чувашского населения связано, вероятно, с их ассимиляцией вследствие межэтнических браков с русскими и мордвой. Подобное явление наблюдается среди мордвы — часть жителей, считающих себя сегодня русскими, имеет во втором и третьем поколении предков мордву. По полевым данным, смена этнической идентичности с мордовской (эрзянской) на русскую произошла не позже начала XX в., при этом эрзянский язык продолжал функционировать на бытовом уровне в первой половине XX в. Сегодня им владеет немногочисленное старшее поколение, проживающее в мордовском «конце» села. В культуре местных русских сохранились элементы культуры мордовского происхождения: *моляны* — праздники по окончании работ, обычаи празднования Троицы (обход селения с березовыми венками, «весну провожали») ⁹.

Похожая ситуация складывалась в с. Ново-Геранькино Бузулукского уезда Оренбургской (Самарской) губернии. Селение было основано в 1770 г. ясачными

² Полевые материалы автора (ПМА). Самарская обл., 1997 (Кошкинский р-н, с. Старое Тенеево и пос. Новое Тенеево); 2008 (Кошкинский р-н, с. Русская Васильевка); 2019 (г. Самара); 2020 (Кинель-Черкасский р-н, с. Семеновка; Челно-Вершинский р-н, с. Девлезеркино).

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1877.

⁴ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 98. Оп. 2. Д. 20.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 7850.

⁶ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 15. Д. 121.

⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 15. Д. 236.

⁸ ПМА, 2020. Самарская обл., Кинель-Черкасский р-н, с. Семеновка.

⁹ Там же.

чувашиами, переселившимися из Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии. Несмотря на то, что в документах они числились «новокрещенами», родовые языческие имена сохраняли до начала XIX в.¹⁰ Для укрепления новокрещен в вере в 1783 г. была возведена церковь. Ее строительство и сосуществование в едином приходе с жителями соседнего русского селца Неклюдовки сыграло ключевую роль в приобщении чувашей не только к православию, но и к русскому языку и культуре. В начале 1830-х гг. в Ново-Геранькино переселились русские однодворцы из Моршанского уезда Тамбовской губернии, и численность обеих этнических групп почти сравнялась: 373 чувашей и 325 русских¹¹. Чувашаи и русские жили в разных концах селения, были разделены рекой Чувайкой, хоронили их на одном кладбище, но в разных концах, что поддерживало этнокультурную обособленность групп. Тем не менее контакты происходили в общественных местах, расположенных в русской части селения, и нередко приводили к конфликтам, в том числе на языковой почве: общение чувашей на своем языке не нравилось русским¹².

В настоящее время в селении проживают обрусевшие потомки чувашей. На их чувашское происхождение указывают особенности местного говора: ударение на последнем слоге (*ВолодЯ, нанИ* и т. д.). В селе сохранились воспоминания о проведении в 1970-х гг. чувашами концертов и спектаклей на чувашском языке, на которые ходили и русские жители, хотя и не понимали чувашского языка¹³.

Пример с. Ново-Геранькино демонстрирует модель продолжающейся ассимиляции (русификации) чувашей, завершение процесса — дело времени.

Чуваши и русские в межкультурном пограничье

Деревня Васильевка («Красноречье тож») была основана в конце XVIII в., и по данным пятой ревизии (1795) в ней проживало 190 русских и 149 чувашей¹⁴. Число дворов обеих этнических групп было равным — по 37¹⁵, и они располагались на левобережье р. Красной, разделяющей сегодня Васильевку на «русскую» и «чувашскую» половины. Вероятно, формирование Чувашской Васильевки было связано с отселением чувашей на правый берег реки, т. е. с территориальным обособлением. Последнее могло быть вызвано разделением прежде социально однородного крестьянского сообщества (и русские, и чувашаи принадлежали к казенному ведомству) на коронных (удельных) и казенных. К первым были отнесены русские, ко вторым — чувашаи. Аналогичное деление наблюдалось в соседней д. Тенеево: русских и чувашей разделяла принадлежность к разным категориям крестьянства¹⁶ и р. Кондурча, по обе стороны которой впоследствии выросли с. Старое Тенеево (русское) и пос. Новое Тенеево (чувашское). Кроме того, русские и чувашаи имели свои кладбища¹⁷.

В середине XIX в. население состояло из русских (824 чел.) и чувашей (365 чел.)¹⁸. В конце XIX — начале XX в. Васильевка значилась как русско-чувашское село [8; 10], но в 1920 — 1930-х гг. Чувашская Васильевка вновь была

¹⁰ ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 3; Оп. 3. Д. 15.

¹¹ ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 13, 14.

¹² ПМА, 2019. Самара (информант Н. Труфанов).

¹³ Там же.

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 19022. Л. 12.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. 2. Д. 4045.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. 2. Д. 4034.

¹⁷ ПМА, 1997. Самарская область, Кошкинский район, с. Старое Тенеево и пос. Новое Тенеево.

¹⁸ Научный архив Российской академии наук (НА РАН). Ф. 30. Оп. 2. Д. 54.

выделена как моноэтническое чувашское селение [11]. В настоящее время Русская Васильевка объединяет Чувашскую Васильевку и русские поселки Русская и Средняя Васильевка, Морозовка и Готовка. По переписи 2002 г. 54 % населения составляли чуваша, 42 % — русские¹⁹.

Отношения между чувашами и русскими складывались «без различий в общении», «без розни» благодаря совместной работе в объединенном после Великой Отечественной войны колхозе и досугу. Русские «приходили, в уяве участвовали, приходили смотреть», но чувашским языком, за редким исключением, не владели. Однако случались и конфликты — драки молодежи «из-за невест». Причиной вражды были и взаимные негативные этнические стереотипы: так, чуваша считали русских высокомерными и ленивыми (себя — трудолюбивыми), а русские обзывали чувашей «пыркă», «слепой чувашин»²⁰.

Существенным фактором этнической ассимиляции стали смешанные браки, практиковавшиеся здесь на памяти даже самых старых жителей селения. На них в 2008 г. приходилась почти четверть (23,2 %) всех брачных пар. Это послужило основной причиной смешения элементов свадебной обрядности — поиск невесты (*хёр шырама*) на второй день свадьбы стал «чувашским обычаем». Традиционный фольклор также вытеснен русскими песнями из репертуара, например, Н. Кадышевой, хотя жители охотно слушают в записи и чувашскую эстраду. Народные праздники (Масленица и др.) превращены благодаря «сборным сценариям» в интернациональные развлекательные мероприятия. Популярными и актуальными событиями в жизни васильевцев являются скорее не национальные, а «вненациональные» праздники: День села, День улицы, а также Радуница, Пасха и другие даты православного календаря.

Русская Васильевка представляет собой пример опережающей ассимиляции самарских чувашей, которая прослеживается в приоритете русского языка не только в официальной сфере, но и в быту, даже в моноэтнических чувашских семьях. Вероятно, именно соседство в совокупности с православием выступили интегрирующим фактором культурной жизни русской и чувашской половин населения Русской Васильевки. Вместе с тем этнически группы сохраняют культурную специфику, указывающую на существование «этнических границ». Сохраняется принцип территориального разделения на чувашский и русский концы (хотя он соблюдается уже не столь жестко, как раньше), который повторяется в устройстве кладбища. При подавляющем сходстве обрядов и обычаев местные жители указывают на различия. Так, чуваша отмечают как «свои» проведение поминального молебна на чувашском языке (даже у русских в случае приглашения!), приготовление национальных блюд *шăрттан* (колбаса из овечьего желудка и мясной начинки), *турăх* (кисломолочный продукт), *кӳптерме* (лепешки), *салма* (домашняя лапша; варят и русские), *хуплу* (пирог с начинкой из мяса, картофеля и крупы), проведение Семика (особенно мытье в бане накануне обряда), проводы Уяв. Отличительные особенности русских традиций чуваша видят в проведении поминальной трапезы, в поминовении на сороковой день и др. обычаях. Русские со своей стороны также выделяют «свои» и чувашские элементы: смотрины дома (отсутствует у чувашей), роль дружки-распорядителя (у чувашей — крестные); в поминальной обрядности —

¹⁹ ПМА, 2008. Самарская область, Кошкинский район, с. Русская Васильевка.

²⁰ Там же.

обычай на сороковой день выливать воду, предназначенную для покойного, в передний угол избы и др.²¹

Таким образом, межэтнические отношения в с. Русская Васильевка Кошкинского района — один из ярких примеров формирования межкультурного пограничья в ситуации длительного и тесного соседства численно и социокультурно доминирующего русского большинства и чувашей как этнического меньшинства, постепенно утрачивающего значимые параметры этничности (язык, особенности материального быта и религиозно-обрядовой культуры, наконец, самосознание).

Русские в чувашском селе: модель «чувашизации» русских

Село Девлезеркино Бугульминского уезда Самарской губернии оставалось мононациональным до середины XIX в.²² Однако уже в 1870 г. здесь проживало 95 чел. русских (7 % от общей численности населения), переселившихся после отмены крепостного права из соседних сел Самарского уезда (Зубовки и др.) [12]. С этого времени Девлезеркино становится двунациональным селением, в котором чувашаи по-прежнему составляли большинство. Русские селились в южном «конце» села, который по этой причине получил название «русской улицы» — *Вырӑс касси*. Всего в селе насчитывалось около десятка «русских» семей, вместе с которыми на этой улице проживало несколько и чувашских²³.

До середины XX в. русские, как правило, заключали браки с русскими своего же села, а также с русскими жителями соседних сел и деревень: с. Петровское, с. Старое Эштебенькино, с. Челно-Вершины, д. Полянский Редут, Шентала, Токмакла и др. Причиной этнической замкнутости в семейно-брачной сфере были культурно-языковые различия, отчасти территориальная разобщенность русского и чувашского населения Девлезеркино и брачные установки на предпочтительные моноэтнические браки. И чувашаи, и русские старались формировать близкий круг общения (родственников, кумовьев) из представителей своего народа.

С 1950-х гг. русские начинают вступать в браки с местными чувашами. Воспитанные в интернациональной атмосфере советской школы и тесно общаясь на производстве (в колхозе), во время досуга (клуб, посиделки, уличные гуляния), молодые люди чаще руководствовались чувствами и личными симпатиями и мало обращали внимания на этнические различия, которые, тем не менее, сказывались на процессе адаптации русских жен к чувашским родственникам мужа. Несмотря на то, что русские поголовно понимали, а большинство владели чувашским разговорным языком, все же лексика, связанная с отдельными сторонами домашнего быта чувашей, была недостаточно им знакома. Чувашаи владели русским гораздо хуже, а старшее поколение женщин почти до конца XX в. вовсе не знала русского. В этих условиях общение русских невесток со свекровьями-чувашками было затруднено. В отсутствие навыков постоянного общения на чувашском невесткам приходилось преодолевать языковой барьер (*«еле-еле начала разговаривать»*, *«со свекровью через свекра разговаривала, он переводил с чувашского на русский и обратно»*) и осваивать тонкости языка и бытовой культуры чувашей²⁴.

Длительные и разнообразные (производственные, соседские, дружеские, а впоследствии и брачные) контакты русских с чувашами способствовали их адаптации как этнического меньшинства к условиям среды — в первую очередь

²¹ Там же.

²² НА РАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 51. Л. 78; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. II. Д. 3353.

²³ ПМА, 2020. Самарская обл., Челно-Вершинский р-н, с. Девлезеркино.

²⁴ Там же.

овладению чувашским языком как необходимым средством коммуникации с большинством населения. При этом уровень знаний мужчин, вовлеченных в общественную сферу, был выше, чем женщин, в основном домохозяек. Поколение русских, родившееся на рубеже XIX — XX вв. и в XX в., владело чувашским как родным. Чувашский язык русские осваивали в детстве благодаря общению с чувашскими сверстниками. Оба языка для местных русских были равноценны, что исключало необходимость их жесткого разграничения в речи и порождало «двуязычные» фразы, служившие поводом для насмешек со стороны местных чувашей: «*Пёр вёсёнче просяная солома, тепёр вёсёнче вир улъм*» (С одного конца просяная солома, с другого конца — просяная солома). Русский язык остается основным языком общения в русских семьях и в кругу родственников, тем более что в большинстве случаев дети из смешанных семей вступили в браки с русскими, но при этом для обсуждения деликатных вопросов со своими родителями они используют чувашский: «*Чувашский язык у нас для секретов*». Вместе с тем статус чувашского языка оценивается русскими ниже, чем русского.

Сходство образа жизни, бытовые контакты, модернизация культуры в XX в. оказали нивелирующее влияние на материальный быт чувашей и русских в Девлезеркино. Вместе с тем сохранялись и различия, например, в одежде: старшее поколение чувашек до конца XX в. носили свои наряды — рубахи, передники (*чăваш кĕти*), а русские женщины одевались в юбки с кофтой (*майралла*). Сохранялись особенности в пище чувашей, которые проникли и к русским. В современной кухне чувашские блюда присутствуют в русских и смешанных семьях: «Все делаем, знаем: *улма сĕхи, тăпăрчă сĕхи*²⁵, делаем *хуплу*²⁶, мы его называем курник». «*Шăрттан* тоже делаем. Это ведь по-чувашски *шăрттан*, а по-русски *ширтан*».

Общение с детских лет способствовало и освоению русскими чувашских песен; их пели девушки с подругами на молодежных игрищах, а после замужества — на гулянках с родственниками мужа. Знание и понимание чувашской культуры поддерживает интерес к современной эстраде, в целом к информационному пространству на чувашском языке: «*Мы тут все смотрим чувашское телевидение — Чăваш Ен. Нам нравится*»²⁷.

Таким образом, в Девлезеркино сложилась модель аккультурации русских в чувашской этнокультурной среде, своеобразная «чувашизация» при сохранении языковой и этнической идентичности.

Заключение

Опыт взаимодействия чувашей и русских в Самарском Заволжье имеет длительный характер, обусловленный как продолжительностью, так и численным соотношением этнических групп. Результатом взаимодействия на разных этапах и в зависимости от конкретной ситуации стали интеграция, аккультурация, языковая и этническая ассимиляция. Разрушение этнических границ происходило вследствие формирования единого социокультурного пространства контактирующих групп, основанного на общности производственных интересов, социаль-

²⁵ *Улма сĕхи* (вариант *улма сĕхĕ*) — лепешка из дрожжевого теста диаметром 10 — 15 см, поверх которой укладывается тонкий слой картофельного пюре, выпекается на углях перед огнем печи; *тăпăрчă сĕхи* — аналогичное блюдо, но вместо картофельного пюре используется творог.

²⁶ *Хуплу* — закрытый круглый пирог, начиненный мясом, крупой, картофелем, луком и приправами; выпекается в духовой печи.

²⁷ ПМА, 2020. Самарская обл., Челно-Вершинский р-н, с. Девлезеркино.

ных институтов, конфессиональной принадлежности, русского языка как средства межэтнической коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данилко Е. С. Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 54 — 65.
2. Коростелев А. Д. Локальные особенности этнокультурных взаимодействий в Урало-Поволжском регионе // *Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях: сборник статей* / ред. М. Н. Губогло. Москва : ИЭА РАН, 2005. С. 54 — 62.
3. Коростелев А. Д. Межэтнические браки в этнически смешанных селениях Приуралья и Поволжья (по материалам экспедиций 2006, 2007, 2008 гг.) // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 22 — 34.
4. Мы и как удмурты, и как чуваш... Взаимная социально-культурная адаптация в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: сборник статей / ред. А. Д. Коростелев. Москва : РУДН, 2007. 198 с.
5. Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях: сборник статей / ред. А. Д. Коростелев. Москва : РУДН, 2009. 221 с.
6. Попова Е. В. Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: опыт соседства // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 66 — 80.
7. Садиков Р. Р. Процессы межконфессионального взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: история и современные тенденции развития // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 9 — 22.
8. Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 г. Самара : Изд-е Сам. губ. стат. комитета, 1890. 297 с.
9. Список населенных мест Самарской губернии, составленный в 1900 году секретарем Сам. губ. стат. комитета И. А. Протопоповым. Изд. неофиц. Самара, 1900. 520 с.
10. Список населенных мест Самарской губернии. Самара : Губ. типография, 1910. 425 с.
11. Список населенных мест Самарской губернии с алфавитным указателем. Составлен по материалам Самарского губстатотдела, согласно последней переписи. Самара : Сагублит, 1928. 245 с.
12. Статистические таблицы Самарской губернии. Отд. I. Состав народонаселения Самарской губернии по племенам. Самар. губ. стат. ком., 1870. 293 с.
13. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии: монография. Москва : Наука, 2003. 544 с.
14. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / отв. ред. Ф. Барт. Москва : Новое издательство, 2006. 200 с.
15. Ягафова Е. А. Чуваш в межкультурном пограничье Урало-Поволжья // *Этнографическое обозрение*. 2009. № 6. С. 120 — 133.
16. Ягафова Е. А. Чуваш в межэтническом взаимодействии в Закамье // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 35 — 53.
17. Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhunderts. Köln; Wien; München, 1982. 571 s.

REFERENCES

1. Danilko E. S. The Tatars in ethnically mixed settlements of the Ural-Volga region: features of intercultural interactions // *Ethnographic Review*. 2010(6):54 — 65. (In Russ.)
2. Korostelev A. D. Local features of ethnocultural interactions in the Ural-Volga region // *Russian language in Turkic-Slavic ethnocultural interactions: the collection of articles* / ed. M. N. Guboglo. Moscow; 2005:54 — 62. (In Russ.)
3. Korostelev A. D. Interethnic marriages in ethnically mixed villages of the Urals and Volga regions (the expeditions' materials of 2006, 2007, 2008) // *Ethnographic review*. 2010(6):22 — 34. (In Russ.)
4. We, both the Udmurts and Chuvash... Mutual socio-cultural adaptation in ethnically mixed villages of the Urals-Volga region: the collection of articles / ed. A. D. Korostelev. Moscow: RUDN, 2007. 198 p. (In Russ.)
5. Interaction experience and mutual adaptation in ethnically mixed villages: the collection of articles / ed. A. D. Korostelev. Moscow; 2009:221. (In Russ.)
6. Popova E. V. The Udmurts in ethnically mixed villages of the Ural-Volga region: the experience of neighborhood // *Ethnographic Review*. 2010(6):66 — 80. (In Russ.)
7. Sadikov R. R. Processes of interfaith interaction in ethnically mixed villages of the Ural-Volga region: history and modern development trends // *Ethnographic Review*. 2010(6):9 — 22. (In Russ.)

8. The List of populated areas of the Samara province according to information from 1889. Samara;1890:297. (In Russ.)
9. The List of populated areas of the Samara province, compiled in 1900 by the secretary of the Samars Provincial Statistical Committee. Committee by I. A. Protopopov. Unofficial Publishing. Samara;1900(520). (In Russ.)
10. The List of Populated Areas of Samara Province. Samara;1910(425). (In Russ.)
11. The List of Populated Areas of Samara Province with an Alphabetical Index. Compiled based on materials from the Samara Provincial Statistical Department, according to the latest census. Samara;1928:245. (In Russ.)
12. Statistical Tables of Samara Province. Section I. Population Composition of Samara Province by Tribe. Samara Provincial Statistical Committee;1870(293). (In Russ.)
13. Tishkov V. A. Requiem for an Ethnos: Research in Socio-Cultural Anthropology: Monograph. Moscow;2003(544). (In Russ.)
14. Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference / ed. F. Barth. Moscow;2006(200). (In Russ.)
15. Yagafova E. A. The Chuvash in the Intercultural Borderland of the Ural-Volga Region // Ethnographic Review. 2009(6):120 — 133. (In Russ.)
16. Yagafova E. A. The Chuvash in Interethnic Interaction in Zakamye // Ethnographic Review. 2010(6). 35 — 53. (In Russ.)
17. Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhunderts. Köln; Wien; München, 1982. 571 s. (In German.)

Статья поступила в редакцию 13.05.2025;
одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 21.05.2025

Информация об авторе:

Ягафова Екатерина Алексеевна, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры и искусства Самарского государственного социально-педагогического университета

(443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 59), доктор исторических наук, профессор,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2784-8090>, yagafova@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 13.05.2025;
Approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 21.05.2025

Information about the author:

Ekaterina A. Yagafova, Head of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture and Art at Samara State Social Pedagogical University

(59, M. Gorky St., Samara, Russia, 443099), doctor of Historical Sciences, Professor,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2784-8090>, yagafova@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 13.05.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҗҗӑн 20.05.2025 ырланӑ; 21.05.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Ягафова Екатерина Алексеевна, Самар патшалӑх социо-педагогика университетчӗн философи, тӗнче культурипе ўнер историйӗпе теори кафедрин ертўси (443099, Раҗҗей, Самар хули, М. Горький ур., 59), истори ӑслӑлӑхӗсен докторӗ, профессор,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2784-8090>, yagafova@yandex.ru

Пайталӑх конфликтчӗ: автор пайталӑх конфликтчӗ җуккине пӗлтерет.

Автор ал җырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 811.512.111'322

ББК 81.635.1+32.972

Научная статья

**КОНЦЕПЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА: ТЕХНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Д. М. Леонтьев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
denis.lentev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания национального корпуса чувашского языка, при этом внимание автора акцентировано на его технической стороне. В качестве технологической платформы был выбран фреймворк Laravel, обладающий рядом преимуществ, включая гибкость, отсутствие лицензионных ограничений, удобство работы с большими объемами данных, наличие веб-интерфейса и интеграцию с аналитическими инструментами. Для обеспечения унификации данных был введен стандарт Unicode, позволяющий корректно обрабатывать специфические чувашские символы. На этапе формирования корпуса был осуществлен сбор текстов из открытых источников, создана база данных и проведена обработка текстов с помощью макросов Microsoft Word и системы фильтров для приведения символов к единому стандарту. Разработаны алгоритмы выявления и замены нестандартных символов. Разработанный электронный корпус чувашского языка не только соответствует современным технологическим требованиям, но и открывает широкие возможности для лингвистических исследований и прикладных задач в сфере гуманитарных наук.

Ключевые слова: электронный корпус, чувашский язык, фреймворк, Laravel, база данных, Unicode, фильтрация текста, поисковая система

Для цитирования: Леонтьев Д. М. Концепция электронного корпуса чувашского языка: технический аспект // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 75 — 90

© Леонтьев Д. М., 2025

Scientific article

**THE CHUVASH LANGUAGE ELECTRONIC CORPUS CONCEPT:
TECHNICAL ASPECT**

D. M. Leontiev

Chuvash State Institute of Humanities,
г. Cheboksary, Russia
denis.lentev@mail.ru

Abstract. The article deals with the process of national corpus creation of the Chuvash language, particularly its technical side. Laravel framework has been chosen as a technological platform having a number of advantages it includes: flexibility, absence of license restrictions, convenience of working with large amounts of data, availability of web-interface and integration with analytical tools. To ensure data unification, the Unicode standard was introduced allowing to correctly processing specific Chuvash symbols. At the corpus building stage, texts have been collected from open sources, a database has been created and texts using macros in Microsoft Word and a system of filters to bring the symbols to a single standard have been processed. Algorithms for identifying and replacing non-standard symbols have been developed. The developed electronic corpus of the Chuvash language both meets modern technological requirements and opens wide opportunities for linguistic research and applied tasks in the field of humanities.

Keywords: electronic corpus, the Chuvash language, framework, Laravel, database, Unicode, text filtering, search engine

For citation: Leontiev D. M. The Chuvash language electronic corpus concept: technical aspect // Modern humanities. 2025;1(2):75 — 90

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ЧĔЛХИН ЭЛЕКТРОНЛĂ КОРПУСĖН КОНЦЕПЦИЙĖ: ТЕХНИКА АСПЕКЧĖ

Д. М. Леонтьев

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар, Раççей
denis.lentev@mail.ru

Аннотаци. Статъяра чăваш чĕлхин наци корпусне тăвас процеса пăхса тухнă, çав хушăрах ытларах унăн техника ыйтăвĕсене тимленĕ. Технологи платформисенчен пахалăх енчен ыттисенчен лайăхраххине — Laravel фреймворка суйласа илнĕ. Лайăх енсен шутĕнче: куçăмлăх, лицензи чаракĕсем çукки, пысăк калăпăшлă даннайсемпе ёçлеме меллĕ пулни, веб-интерфейс тата аналитика хатĕрĕсемпе интеграцилени пурри. Даннайсене унификацилеме чăваш символĕсене тўрремĕн кёртме май паракан Unicode стандартпа усă курнă. Корпуса йёркеленĕ май усă çал куçсенчи текстсене пухнă, даннайсен пуххине йёркеленĕ Microsoft Word макросĕсемпе символĕсене тата филтрсен тытăмĕпе усă курса текстсене пёр стандартпа туса ырнастарнă. Стандартлă мар символсене палăртмалли тата улăштармалли алгоритмсем хатĕрленĕ. Институтра хатĕрленĕ чăваш чĕлхин электронлă корпусĕ хальхи технологи требованийĕсемпе килĕше тăрат, унсăр пуçне лингвистика тĕпчевĕсем тума тата гуманитари аслăлăхĕсен сферинче прикладной задачăсене татса пама анлă майсем усать.

Тĕп сăмахсем: электронлă корпус, чăваш чĕлхи, фреймворк, Laravel, даннайсен бази, Unicode, текст фильтрацийĕ, шырав системи

Цитатăлама: Леонтьев Д. М. Чăваш чĕлхин электронлă корпусĖн концепцийĖ: техника аспекчĖ // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 2 №. С. 75 — 90

Введение

В условиях активной цифровизации гуманитарных наук создание национальных корпусов языков становится важной задачей для лингвистов, программистов и исследователей. Электронный корпус представляет собой структурированную базу текстов, позволяющую изучать язык на разных уровнях — от морфологии и синтаксиса до социолингвистических аспектов. Разработка национального корпуса чувашского языка играет ключевую роль в сохранении и изучении языкового наследия, а также в создании инструментов для автоматической обработки текстов.

Материалы и методы

Для создания национального корпуса чувашского языка были использованы цифровые тексты различных жанров, прошедшие техническую обработку. Работа включала сбор, форматирование и очистку данных, разработку структуры базы MySQL, а также создание веб-приложения на Laravel и Bootstrap 5. Применялись аналитический, фактологический, описательный и сравнительный методы, обеспечивающие точность, структурирование и сопоставление подходов. Разработка велась в Visual Studio Code с использованием MySQL, OpenServer, PHP, JavaScript, Git и Composer. В результате проведенных работ создана платформа для изучения чувашского языка и автоматизированного анализа текстов.

Результаты исследования и их обсуждение

В современных условиях цифровизации гуманитарного знания идет активная работа по созданию лингвистических корпусов, представляющих собой струк-

турированную коллекцию текстов одного или нескольких языков, хранящихся в электронной базе данных (БД) и предназначенных для научных исследований.

Первые электронные корпуса были разработаны в 60 — 70-е гг. XX в. преимущественно на материале английского языка (стандартный корпус американского английского языка Университета Брауна и Корпус британского английского языка Ланкастер-Осло-Берген), но вскоре появились корпуса и на базе других языков [1, с. 8]. В настоящее время созданы и функционируют электронные корпуса для многих национальных языков. Первая общедоступная версия Национального корпуса русского языка появилась в интернете в 2004 г., в дальнейшем стали разрабатываться электронные корпуса и для других языков народов нашей страны. Например, успешно развиваются национальные корпуса татарского, башкирского, марийского, калмыцкого, бурятского и других языков.

В данной статье мы рассматриваем технический аспект концепции электронного корпуса чувашского языка. Создание национального корпуса необходимо для решения задач как теоретической, так и прикладной лингвистики. Корпус предоставляет возможность оперативно находить слова с нужными исследователю признаками. Такие поисковые задачи невозможно осуществить ни с помощью обычного текстового редактора, ни с помощью интернета. Корпус позволяет выявлять частотность слов и выражений, изучать грамматические структуры, подтверждать лингвистические гипотезы, анализировать диалектные и социально-лексические вариации, проводить исследования языковых изменений и т. д. Он также может быть использован в исследованиях в области социолингвистики, психолингвистики, переводоведения, литературоведения и других научных областях.

Различные аспекты создания электронного корпуса чувашского языка исследовались П. В. Желтовым [3; 4], В. П. Желтовым [5], А. Р. Губановым [2]. Большой вклад в развитие корпуса чувашского языка внесли Н. А. Плотников [6] и А. Н. Антонов [7].

Реализация технического аспекта концепции Национального корпуса чувашского языка включает в себя несколько этапов. Чувашский государственный институт гуманитарных наук приступил к технической разработке корпуса в октябре 2023 г. На первоначальном этапе одной из ключевых задач явился выбор подходящей технологической платформы для корпуса, на которой будет осуществляться обработка, хранение и анализ текстовых данных. Были изучены различные готовые специализированные программы для создания электронных корпусов языков — Sketch Engine [12], AntConc [10], Voyant Tools [13], CQPweb [8], NoSketch Engine [11] и др. Выбор был сделан в пользу фреймворка Laravel, занимающего ведущие позиции в мировом рейтинге PHP-фреймворков [9]. Основные его преимущества по сравнению с другими программами заключаются в следующем:

А) Гибкость и настройка под индивидуальные требования. Большинство готовых программ для разработки электронных корпусов (например, Sketch Engine, AntConc, Voyant Tools) включают в себя лишь фиксированный набор функций (например, анализ частотности и визуализацию данных), что подходит для базовых задач, но ограничивает возможность каких-либо дальнейших расширений. Если нужно добавить специфическую функциональность (к примеру, интеграцию с уникальными языковыми модулями или нестандартные алгоритмы анализа), то это либо совсем невозможно, либо требует значительных усилий. В отличие от этих программ, платформа Laravel содержит не только набор универсальных ин-

струментов, но она способна еще полностью адаптировать функционал под потребности конкретного проекта. Например, в электронном корпусе языка можно разработать уникальные инструменты для морфологического анализа, добавить функции автоматического исправления текста или сложные механизмы поиска. Гибкая архитектура платформы Laravel позволяет легко масштабировать проект — включать новые модули, изменять существующие или интегрировать сторонние сервисы (машинное обучение, искусственный интеллект, платежные системы, системы аналитики и мониторинга, социальные сети и т. д.);

Б) Отсутствие зависимости от сторонних ограничений. Готовые программы для создания электронных корпусов (Sketch Engine, CQPweb или NoSketch Engine) имеют высокую стоимость, лицензионные ограничения, они зависят от коммерческих обновлений и требуют значительных усилий для настройки и интеграции. Laravel полностью открытый фреймворк, который не накладывает ограничений на его использование, есть возможность контролировать каждую часть его системы — от БД до пользовательского интерфейса. Продукт, созданный на платформе Laravel, является полностью автономным и бесплатным, независимым от обновлений сторонних разработчиков;

В) Удобство работы с большими объемами данных. Одна часть готовых программ для разработки электронных корпусов (AntConc или Voyant Tools) рассчитана на локальный анализ текстов, их производительность ограничена при работе с большими корпусами, другая (Sketch Engine или CQPweb) лучше справляется с большими объемами данных, однако требует предварительной настройки серверов и конфигурации. Платформа Laravel позволяет легко работать с большими объемами данных. Благодаря возможности быстрого подключения современных БД (MySQL, PostgreSQL, MongoDB и др.) на этой платформе можно реализовать оптимизированные алгоритмы обработки, которые эффективно работают даже с десятками миллионов записей;

Г) Наличие веб-доступа и интерфейса. Зачастую готовые программы для создания электронных корпусов либо совсем не имеют веб-интерфейса (например, AntConc), либо требуют сложной его установки (CQPweb и др.). Их интерфейсы ориентированы в основном на специалистов, у неподготовленных пользователей могут вызвать затруднения. Фреймворк Laravel предоставляет возможность создания удобного веб-интерфейса для электронного корпуса, доступного как ученым-лингвистам, так и неспециалистам. Любой интернет-пользователь может открыть сайт корпуса в браузере, ввести слово или фразу и сразу получить нужные данные, не разбираясь в сложных настройках;

Д) Возможность интеграции с аналитическими инструментами. Готовые программы для создания электронных корпусов, например, Sketch Engine или Voyant Tools, предоставляют встроенные функции анализа, их возможности ограничены заранее определенным набором инструментов. В отличие от них, платформа Laravel позволяет интегрировать сторонние аналитические системы, включая библиотеки для обработки текста (например, NLTK, SpaCy) и решения для машинного обучения (TensorFlow, PyTorch и др.). Это позволяет добавить функции, которые недоступны в готовых программах, такие как автоматическое обучение на основе корпуса данных или динамическую адаптацию алгоритмов под новые данные;

Е) Наличие долгосрочной поддержки и масштабируемости. Электронный корпус языка, созданный на основе готовой программы, зависим от сторон-

них разработчиков, которые имеют возможность ограничить долгосрочную его поддержку. Если программное обеспечение корпуса устаревает или разработка прекращается, то его использование становится весьма проблематичным. Во фреймворке Laravel есть возможность полностью самостоятельно управлять разработанным продуктом. При необходимости его можно обновлять, масштабировать и адаптировать к новым требованиям. Имеется большая поддержка сообщества разработчиков Laravel с точки зрения регулярных обновлений, исправления ошибок, а также создания новых функций и инструментов, которые могут быть использованы в дальнейшей разработке электронного корпуса.

Вместе с тем необходимо отметить, что платформа Laravel имеет и ряд недостатков. Так, при работе с большими массивами текста требуются мощные серверные ресурсы, при увеличении нагрузки на систему также может возникнуть необходимость в переходе на специализированные решения для хранения данных, такие как NoSQL-БД. Кроме того, фреймворк Laravel имеет сложную архитектуру, что затрудняет его освоение для программистов с небольшим опытом работы.

На втором этапе разработки национального корпуса чувашского языка для унификации всех данных был введен единый юникод-стандарт символов (Unicode). Он представлен следующим массивом S1:

S1 = ['a', # (U+0430) 'б', # (U+0431) 'в', # (U+0432) 'г', # (U+0433) 'д', # (U+0434) 'е', # (U+0435) 'ж', # (U+0436) 'з', # (U+0437) 'и', # (U+0438) 'й', # (U+0439) 'к', # (U+043A) 'л', # (U+043B) 'м', # (U+043C) 'н', # (U+043D) 'о', # (U+043E) 'п', # (U+043F) 'р', # (U+0440) 'с', # (U+0441) 'т', # (U+0442) 'у', # (U+0443) 'ф', # (U+0444) 'х', # (U+0445) 'ц', # (U+0446) 'ч', # (U+0447) 'ш', # (U+0448) 'щ', # (U+0449) 'ъ', # (U+044A) 'ы', # (U+044B) 'ь', # (U+044C) 'э', # (U+044D) 'ю', # (U+044E) 'я', # (U+044F) 'Ё', # (U+0401) 'ё', # (U+0451) 'А', # (U+0410) 'Б', # (U+0411) 'В', # (U+0412) 'Г', # (U+0413) 'Д', # (U+0414) 'Е', # (U+0415) 'Ж', # (U+0416) 'З', # (U+0417) 'И', # (U+0418) 'Й', # (U+0419) 'К', # (U+041A) 'Л', # (U+041B) 'М', # (U+041C) 'Н', # (U+041D) 'О', # (U+041E) 'П', # (U+041F) 'Р', # (U+0420) 'С', # (U+0421) 'Т', # (U+0422) 'Ё', # (U+0401) 'У', # (U+0423) 'Ф', # (U+0424) 'Х', # (U+0425) 'Ц', # (U+0426) 'Ч', # (U+0427) 'Ш', # (U+0428) 'Щ', # (U+0429) 'Ъ', # (U+042A) 'Ы', # (U+042B) 'Ь', # (U+042C) 'Э', # (U+042D) 'Ю', # (U+042E) 'Я', # (U+042F) 'а', # (U+0061) 'б', # (U+0062) 'с', # (U+0063) 'д', # (U+0064) 'е', # (U+0065) 'г', # (U+0066) 'ж', # (U+0067) 'и', # (U+0068) 'й', # (U+0069) 'к', # (U+006A) 'л', # (U+006B) 'м', # (U+006C) 'н', # (U+006D) 'о', # (U+006E) 'п', # (U+006F) 'р', # (U+0070) 'с', # (U+0071) 'т', # (U+0072) 'у', # (U+0073) 'ф', # (U+0074) 'х', # (U+0075) 'в', # (U+0076) 'w', # (U+0077) 'x', # (U+0078) 'y', # (U+0079) 'z', # (U+007A) 'A', # (U+0041) 'B', # (U+0042) 'C', # (U+0043) 'D', # (U+0044) 'E', # (U+0045) 'F', # (U+0046) 'G', # (U+0047) 'H', # (U+0048) 'I', # (U+0049) 'J', # (U+004A) 'K', # (U+004B) 'L', # (U+004C) 'M', # (U+004D) 'N', # (U+004E) 'O', # (U+004F) 'P', # (U+0050) 'Q', # (U+0051) 'R', # (U+0052) 'S', # (U+0053) 'T', # (U+0054) 'U', # (U+0055) 'V', # (U+0056) 'W', # (U+0057) 'X', # (U+0058) 'Y', # (U+0059) 'Z', # (U+005A) '0', # (U+0030) '1', # (U+0031) '2', # (U+0032) '3', # (U+0033) '4', # (U+0034) '5', # (U+0035) '6', # (U+0036) '7', # (U+0037) '8', # (U+0038) '9', # (U+0039) '!', # (U+002E) '.,', # (U+002C) ';', # (U+003B) ':', # (U+003A) '!', # (U+0021) '?', # (U+003F) '(', # (U+0028) ')', # (U+0029) '[', # (U+005B) ']', # (U+005D) '{', # (U+007B) '}', # (U+007D) '<', # (U+003C) '>', # (U+003E) '\', # (U+0027) '>', # (U+0022) '\', # (U+005C) '/', # (U+002F) '|', # (U+007C) '-', # (U+002D) '+', # (U+002B) '=', # (U+003D) '*', # (U+002A) '_',

(U+005F) '~', # (U+007E) '&', # (U+0026) '@', # (U+0040) '#', # (U+0023) '\$', # (U+0024) '%', # (U+0025) '^', # (U+005E) '<', # (U+00AB) '>', # (U+00BB) '—', # (U+2013) ' ', # (U+0020) '№', # (U+2116) '...', # (U+2026) '©', # (U+00A9) '•', # (U+00B7) 'Ç', # (U+04AA) 'ç', # (U+04AB) 'Ă', # (U+04D0) 'ă', # (U+04D1) 'Ě', # (U+04D6) 'ě', # (U+04D7) 'Ÿ', # (U+04F2) 'ý' # (U+04F3)].

Unicode необходим, во-первых, для приведения к единообразной форме текстов корпуса, взятых из разных источников и имеющих соответственно различные стили написания и кодировки (UTF-8, Windows-1251 и др.); во-вторых, для сохранения особенностей чувашского языка — уникальных специфических символов «Ă» (Unicode: U+04D0), «ă» (Unicode: U+04D1), «Ě» (Unicode: U+04D6), «ě» (Unicode: U+04D7), «Ç» (Unicode: U+04AA), «ç» (Unicode: U+04AB), «Ÿ» (Unicode: U+04F2), «ý» (Unicode: U+04F3); в-третьих, для правильного проведения морфологического анализа и синтаксического разбора (допустим, если в тексте используется нестандартная форма записи букв, то при морфологическом анализе программа может неправильно распознать форму слова); в-четвертых, для упрощения поисковых запросов; в-пятых, для обеспечения совместимости национального корпуса с любыми другими современными системами обработки текста.

На третьем этапе создания электронного корпуса чувашского языка был осуществлен сбор разнообразных текстов, пригодных для проведения лингвистических исследований, а затем на выбранной платформе Lagavel была сформирована БД MySQL, которая хранит все собранные тексты в табличной форме.

Поиск текстов на чувашском языке для корпуса осуществлялся преимущественно из открытых источников в интернете. Были использованы художественные, публицистические, религиозные и другие тексты, их хронологические рамки — с 1906 по 2024 г.

На четвертом этапе перед вводом текстов в БД корпуса чувашского языка осуществлялась их обработка, которая включала в себя следующее: а) фильтрация входного текста через систему макросов для документов Microsoft Word; б) выявление нестандартных символов с помощью системы фильтров и последующая их замена. Остановимся более подробно на этих технических аспектах.

Обработка текстов в формате Microsoft Word через систему макросов помогает сделать данные единообразными и удобными для последующей работы. Нами были разработаны макросы для преобразования текстов, использующих шрифты Times New Roman Chuv и TimesET Chuvash, в стандартный шрифт Times New Roman. Работа макросов осуществляется следующим образом: первый макрос ищет в тексте чувашские символы (во всех чувашских шрифтах они представлены следующим образом: «/», «—», «+», «=» и т. д.) и заменяет их на комбинации букв и знаков, например, «E_», «e_», «A_», «a_»). Данная процедура проводится только в тех частях текста, которые написаны шрифтом Times New Roman Chuv и TimesET Chuvash. Это необходимо, чтобы временно упростить представление текста и подготовить его для следующего этапа обработки. Затем второй макрос выполняет обратную операцию: он берет эти временные комбинации букв, например, «E_», «e_», «A_», «a_» и заменяет их на правильные чувашские буквы, такие как «Ě», «ě», «Ă», «ă». Если первый макрос помогает найти и отметить нужные символы, то последующий возвращает им правильный вид — в результате данной операции в тексте отображаются все чувашские символы в нужной кодировке.

Далее идет обработка текста с помощью системы фильтров с целью выявления нестандартных символов, т. е. символов, отсутствующих в вышеприведен-

ном массиве S1. Если не провести данную операцию, то при поиске какого-либо слова на сайте корпуса, введенного с кодировкой, не соответствующей нами принятому Unicode, мы не получим результата поиска. Опишем пошагово, как осуществляется алгоритм фильтрации и выявления нестандартных символов при нажатии кнопки «Поиск юникода JS (рис. 1).

[illegible]

Рис. 1. Выявление нестандартных символов с помощью фильтров

Шаг 1. Начало работы.

Шаг 2. Задание стандартного набора символов. На данном этапе программа определяет массив S1, содержащий стандартные символы.

Шаг 3. Анализ текста. Пользователь вводит текст для анализа в текстовое поле `textarea2` (поле «Входной текст для обработки»). Происходит запуск JavaScript-функции, которая обрабатывает введенный текст по следующему алгоритму:

1) текст считывается из текстового поля `textarea2` и сохраняется в переменную `content`;

2) проводится итерация по символам текста: каждый символ текста проверяется, содержится ли он в массиве S1, если символ отсутствует в массиве S1, он считается нестандартным и записывается в массив result в формате <символ> — <Юникод-кодировка>;

3) устранение повторов: чтобы избежать дублирования записей, используется функция `Set`, которая удаляет повторяющиеся элементы из массива `result`.

Шаг 4. Вывод результата. После завершения обработки текстовое поле textareal (поле «Символы и их юникод кодировка») заполняется списком нестандартных символов и их юникод-кодировкой, разделенных запятыми. Если все символы в тексте соответствуют стандарту, поле остается пустым.

Шаг 5. Завершение работы.

В результате работы данного алгоритма выявляются все символы, несоответствующие стандарту массива S1. Степень выявления нестандартных символов довольно высокая, так как в текстах часто вместо одного символа с одним юникодом используется множество его вариаций. Например, для тире и дефиса в Unicode существует несколько различных символов: hyphen — U+002D, en dash — U+2013, em dash — U+2014, figure dash — U+2012, horizontal bar — U+2015, soft hyphen — U+00AD.

Алгоритм обработки текстов и замены нестандартных символов при нажатии кнопки «Преобразовать текст» происходит следующим образом:

Шаг 1. Начало работы.

Шаг 2. В переменную content1 (поле «Введите текст для преобразования») записывается основной текст, который нужно обработать, а в переменную \$sin вносятся символы из поля UnicodeC (поле «Введите символы, использованные в тексте...»).

Шаг 3. Инициализация вспомогательных массивов \$s1, \$s2, где \$s1 — массив для хранения заменяемых символов, \$s2 — массив для хранения заменяющих значений для символов из \$s1.

Далее выявленные нестандартные символы корректируются с помощью системы фильтров (рис. 2).

[illegible]

Рис 2. Коррекция нестандартных символов с помощью фильтров

Шаг 4. Выполняется цикл, который проходит по каждому символу строки \$sin с учетом кодировки UTF-8 и извлекает текущий символ с помощью функции mb_substr. Затем с помощью конструкции switch проверяется, соответствует ли символ одному из заданных условий (если этот символ из нестандартных, то для него определена замена в массиве \$s2). Если совпадение найдено, оригинальный символ добавляется в массив \$s1, а его замена записывается в массив \$s2.

В результате работы цикла формируются два массива: \$s1 содержит символы из строки \$sin, которые нужно заменить, а \$s2 — соответствующие заменители. Эти массивы затем используются для замены символов в другой строке.

Шаг 5. Производится замена символов в строке \$content1 с использованием массивов \$s1 и \$s2, которые были сформированы в цикле. Функция `str_replace` заменяет все вхождения символов из массива \$s1 на соответствующие символы из массива \$s2. Это позволяет преобразовать исходный текст, содержащий нестандартные или нежелательные символы, в текст с корректными заменителями, заданными в кодировке Unicode. После выполнения замены строка \$string содержит обновленный текст, где все указанные символы были заменены.

Шаг 6. Возврат результата. Обработанный текст передается на отображение в представлении FR.index с параметром string (в поле «Результаты обработки»).

Шаг 7. Завершение работы.

Примеры замен:

Ä → Ā: нестандартный символ «Ä» с Unicode U+0102 заменяется на символ «Ā» с Unicode U+04D0 из массива \$1;

ä → ā: нестандартный символ «ä» с Unicode U+0103 заменяется на «ā» с Unicode U+04D1 из массива \$1.

В результате проведения такой обработки все тексты были унифицированы и подготовлены к дальнейшему вводу их в БД и отображению на веб-сайте корпуса.

На пятом этапе создания корпуса чувашского языка была разработана панель администрирования и осуществлен ввод обработанных текстов в БД MySQL, подключенную к платформе Laravel. В панель администрирования была добавлена форма заполнения БД корпуса (рис. 3).

Заполнение базы данных

Автор. Например: Петров.П.Т. или Петров.П.Т.,Иванов А.И.

Название. Например: Сборник стихов

Год создания. Например:2007

Год издания. Например:2007

Место издания

Не определен Жанр

Научно-популярные тексты Категория

Содержание статьи

Записать в БД

Рис. 3. Форма заполнения базы данных на панели администрирования
Национального корпуса чувашского языка

Таким образом, нами были разработаны инструменты для фильтрации и преобразования текстов, а также формы для удобного внесения информации в БД корпуса. Ввод данных был стандартизирован, что повышает качество корпуса.

После введения обработанных текстов в БД был запущен в интернете сайт Национального корпуса чувашского языка, он доступен с июля 2024 г. по адресу — <https://chuvkorp.ru>.

Интерфейс сайта корпуса чувашского языка удобный и интуитивно понятный (рис. 4). Он разработан на фреймворке Bootstrap 5, предоставляющем обширный набор инструментов для построения современного веб-дизайна. Для интерфейса сайта корпуса характерны следующие черты: 1) адаптивность, обеспечивающая доступ к сайту корпуса с любых устройств благодаря системе сеток; 2) гибкость, позволяющая быстро настраивать и добавлять на сайте новые элементы; 3) эргономичность, облегчающая интернет-пользователям доступ к нужным функциям. На сайте корпуса запущена навигационная панель, настроена форма поиска для быстрого ввода и отправки параметров запроса, визуализованы данные с помощью таблиц и карточек для структурированного представления результатов поиска.

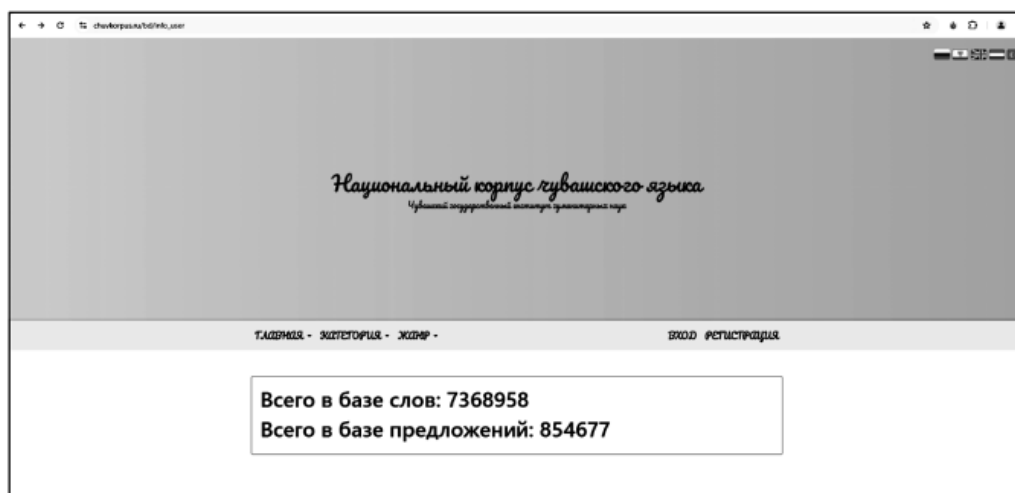

Рис. 4. Сайт Национального корпуса чувашского языка

В центральной части сайта корпуса чувашского языка можно увидеть раздел под названием «Главная», где размещены вкладка «Информация о базе данных» и поисковая система, а также разделы «Категория» и «Жанр», которые, в свою очередь, делятся на несколько подразделов. Расположенные на сайте корпуса вкладки «Вход» и «Регистрация» предназначены для доступа к панели администрирования. Корректоры или системные администраторы проходят процедуру регистрации, после чего им присваиваются уровни доступа к БД корпуса.

БД корпуса чувашского языка постоянно развивается и пополняется. На начало 2025 г. она включала в себя 7,4 млн слов и 854,7 тыс. предложений. Весь массив текстов корпуса разбит на категории и жанры. Так, тексты распределены по 8 различным категориям. Наиболее многочисленные категории формируют прозаические, поэтические и публицистические тексты. Количественный состав текстов корпуса по категориям представлен в таблице 1.

Таблица 1

**Количественный состав текстов Национального корпуса
чувашского языка по категориям (БД на начало 2025 г.)**

№	Категории	Число текстов
1	Драматургия	106
2	Научно-популярные тексты	10
3	Поэтические тексты	4249
4	Прозаические тексты	4291
5	Публицистические тексты	4010
6	Словари	11
7	Устное народное творчество	213
8	Церковно-религиозные тексты	62

Тексты в корпусе размещены также по 33 разнообразным жанрам. Больше всего текстов представлено в таких жанрах, как стихотворение, роман, рассказ и повесть. Количественный состав текстов корпуса по жанрам приведен в таблице 2.

Таблица 2

**Количественный состав текстов Национального корпуса
чувашского языка по жанрам (БД на начало 2025 г.)**

№	Жанры	Число текстов
1	Автобиография	2
2	Анекдот	1
3	Баллада	7
4	Басня	40
5	Быль	5
6	Драма	1
7	Зарисовка	1
8	Инсценировка	1
9	Комедия	39
10	Мемуарная и эпистолярная литература	26
11	Монолог	2
12	Новелла	37
13	Очерк	94
14	Памфлет	1
15	Песня	70
16	Повесть	992
17	Поэма	217
18	Предисловие	21
19	Пьеса	24
20	Рассказ	1292
21	Рецензия, отзыв	6
22	Роман	1561
23	Романс	1
24	Сказка	193
25	Сонет	6
26	Стихотворение	3949
27	Сценка	2
28	Трагедия	30
29	Трагикомедия	5
30	Фельетон	2
31	Частушка	14
32	Эссе	9
33	Юмореска	204

Для Национального корпуса чувашского языка была разработана расширенная поисковая система, позволяющая искать нужный материал по автору, названию, слову или выражению, году, месту, жанру и категории, что делает его удобным для исследователей (рис. 5). Корпус предоставляет возможность находить данные по сложным запросам.

Рис. 5. Форма для расширенного поиска
на сайте Национального корпуса чувашского языка

Опишем пошагово алгоритм функции расширенного поиска.

Шаг 1. Начало работы.

Шаг 2. Извлекаем параметры запроса из объекта \$request (он представлен такими полями, как «Автор», «Название», «Слово или выражение», «Год», «Место», «Выберите жанр», «Выберите категорию»).

Шаг 3. Создаем базовый запрос к модели MainTable, которая отвечает за выборку данных.

Шаг 4. Применяем фильтры. Если соответствующие параметры запроса не пустые, то они добавляются к запросу с помощью условий where [для полей «Автор», «Название», «Слово или выражение», «Год», «Место» применяется фильтр LIKE, а для полей «Выберите жанр» и «Выберите категорию» точное соответствие (=)].

Шаг 5. Пагинируем результаты запроса, т. е. сообщаем программе, какое количество результатов запроса выводить на одной странице (в нашем случае на одной странице отражается 100 записей).

Шаг 6. Извлекаем контекстные фрагменты. Если указан параметр «Слово или выражение», то выполняется следующая последовательность действий:

- 1) для каждого результата выборки извлекается поле content (контекст);
- 2) контекст конвертируется в кодировку UTF-8;
- 3) определяется позиция заданного слова в тексте; если слово найдено, вокруг него извлекается набор контекстов длиной 800 символов (до и после);
- 4) все найденные контексты сохраняются в массив \$GLcontexts (глобальный контекст для всех слов) с привязкой к результату.

Шаг 7. Передаем в представление результаты поиска, заданное слово и контексты слова.

Шаг 8. Завершение работы.

Покажем на конкретном примере, как работает функция расширенного поиска на сайте корпуса (рис. 6).

Результаты поиска

- Автор: Фёдоров Г.И.
- Название: ЧАВАШ ФРАЗЕОЛОГИЙЁН АНЛАНТАРУ СЛОВАРЁ (ААБВЕЕИЙ)
- Год: 2017
- Место: Шупашкар
- Категория: Словари
- URL:
- Контексты:

Показать больше

те тулли сётел сине сёнёрен апат-симёс ййтассё (Таллеров. Сăпка юрри). 4. Пăсăрлантарни-вăрçини, сăпни-хёненнипе ништа кайса кёме ан пёл. Танл.: АНАТАНТАВАН, ТУЛАН-ШАЛАН. АЛĂКАН-ТЁПЕЛЁН КУМТАР [кумтар, чуптар т.ыт.те]. Кама? Хытă пăсăрлантар, вăрç хёне, сăп хăратса, тустарса ништа кайса кёме пёлми ту. АЛĂШНИ. АЛĂШНИ ХЫРĂМ. Кив. Сивл. Апат виçине пёлмен сым, упушур. АЛĂШНИ ХЫРĂМЛĂ. Кив., сив.Кама? Апат виçине пёлмест, тăрними карланăк. АЛКĂМ-ШАЛКĂМ. Мёнке? Çав тери вăйлă, питё хытă, хăрушла, тискер т.ыт.те. Пур япалана та хай ексипе тума арасланакан Хёлимунан аш-чиксине те сасартăк юлсе тăрăслаттарнă тавёл пек алкăм-шалкăм аркатса хăварчё çав ансăрт инкек (Агивер. Икё аркăллă кёпе). Ял Советёне Вёсёлиса курсанак алкăм-шалкăм чашкăрса кайрё вăл (кўршё. Г.Ф.) (П. Афанасьев. Пуранё юрату). АЛКĂМ-ШАЛКĂМ ПУЛ (-са тăр, кай т.ыт.те). Йăлт аптраса ўк, хăранипе ним тума пёлми пулса тăр. Хăранипе чутах алкăм-шалкăм пулса ларман хай, чёксине сётермен (Агивер. Икё аркăллă кёпе). АЛКУМ. АЛКУМ ВЁСНЕ ТУЙ КИЛНЁ. Каман? Ништа кайса кёме пёлми, вутлă-шывлă вăхăт ситсе тăнă. Шыв пулсан тин сьрма урлс кёпер хывма тытснни алкум вёне туй килсен тин кёнке арлама ларни пулчёчё (Элпнё Чёнтёрлё кёпер). Танл.: АЛКУМ ВЁСНЕ ТУЙ КИЛНЁ. АЛКУМ ВЁСНЕ ТУЙ КЎР (ситер т.ыт.те). Ништа кайса кёме пёлми ту, вутлă-шывлă лару-тăрăва кёртсе ўкер. АЛЛА <кёл...> АЛЛАСА ЛАР. Уссăр, кирлё-кирлё мар ёспе аппалан. Шупашкартан тўрех ситрер-и? Хам та нумай алласа сўрерём-ха паян (В. Алентей. Тёрленкёсем). АЛЛĂ. АЛЛĂ СЫН АЛЛИПЕ. 1. Тикёс мар, усьмăсăр (нумай сын ёсленипе кал-кал кайман, усьмăлă пулман ёс пири)

çапасшё (Капкан. 1967. 14). Мёнке шуйттан патёнчен сётёрёксе килтён ир-ирех? Капла сыварма та памащё, аса çапманскерсем (Капкан. 1967. 12). <тип, уыр...> АСА ÇАПНА ПЕК. Мён? Мён ту? Хăвăрт та хăватлă, хăрушă, тискер; кётмен сётрен, анран ярасла; хăвăрттăн, хăватлăн, хăрушла; анран ярса. Унчен те пулмарё фольварк енче аса çапнă евёре, хăрушă сасă шартлатрё (Артемьев. Юлашки юрă). Килсе кёрессё килмесен, алăк каснă, сасçимак тасалăр! выртнă сётрен аса çапнă пек сиксе тăчё амăшё (Ули. Шуркелсем). Анчах паянхи хыпар уяр çанталăкра тип аса çапнă пекех туйанчё ана: сылтăм ури йывăрланчё, алли хытса ларнă пек пулчё, чёлхи сьхланчё (Осипов. Пиччёшёне шăллё). Вăрла мана, Харлампи, тепёр хут! уяр çанталăкра тип аса çапнă пек янăраса кайрёс Валентина сăмахёсем (П. Афанасьев. Пуран, юрату). АСА КИКЕН. Диал. Пёр уса кумёсрё тăранса пуранакан арсын. <тип, уыр...> АСА ÇАПТАР. 1. Сивл., ылх. Пётёр, сухалтăр, пăчлантар. Кама? Ырă уяр аси çаптар ана! тет (Ашм. 2). Улюна Мышкина: Шăши вёт эсё, этем чунине кăтăр-кăтăр хыраканшăш! Уяр аса çаптарчёчё сана! (Кăлкан. Авлантарчёс). Хамăр хушăра калаçатпăр вара: мёнке сана çав лушкăран аса çаптарăх ана уйрмалла-ши тетпёр (Шолохов. Уснă сёрем). Эй, мана каярах панăшăн тип аса çапинчё кăсене саканта (Ашм. 2). Кама кирлё вара унан шăрпăкё. Тёфу, сын мар. Сын мар хыт кукар! Шăнăр кăна хутлатса туртса хуринчё мур! Аса кăна сапинччё! (Тал-Мăрса. Ухатер). Хёвел пур, уйăх пур, хайённех печё Ятламас. Суйсан аса çаптар мана (Турхан. Сёве Атăла юкса кёрет). 2. Межд. Тарăхкине, хёпёренине, тёлёнине т.ыт.те пёлтерет. Ана хай вырт

т.те). Пёчёк вёялă аш пусармăш Сарă пушăт сăпкара (Тимпай. Тўпе). Танл.: ЧУНА ПУСАРМАШ. АШ САРАЛИЧЧЕН (си, ёс т.ыт.те). Тăраничченех, килиниччен си (апатлан, ёс т.ыт.те). Паян кунти столовайра ашăм сарăличчен сёр ули сисе тухрам-ха, тет вăл, вар-хырамне каннăсăн шăлкаласа (Капкан. 1965. 9). Танл.: ХЫРĂМ САРАЛИЧЧЕН СИ. АШ ÇАВРАНАТЬ. Каман ашё? Мён те пулин каннăс памасть, хуйхăрттарать, чёре вырăнта мар. Чун савиние курмасан, аш-чик вăр-вар савранать (Фольк.). Хамăра токса кайиние шотласан, питё аш-чик савранать (Ашм. 12). АШ (аш-чик) СУНАТЬ. Каман ашё? 1. Мён те пулин питё хытă хуйхăрттарать, чуна ыраттарать, пёрре те каннăс памасть. Чан та, Тамарăшан халь Валентинан пёрре те аш сунман (Скворцов. Хёрлё мăкăны). Тем аш сунать. Ништа ларса-тăрас килмест (Кăлкан. Октябрё хумё). Юратупа телей, тунăсха аш

Рис. 6. Контекст вокруг найденного слова
в результатах расширенного поиска

При вводе слова, например, *юрату* «любовь» в поле «Слово или выражение» мы получим такие результаты поиска, в которых будут представлены все контексты из БД корпуса с найденным словом *юрату* (выйдут такие названия текстов, как «Чăваш фразеологийĕн ăнлантару словарĕ», «Библи Екклесиаст», «Библи Иезекииль» и т. д.). Каждую запись результатов поиска можно подробно рассмотреть, нажав на кнопку «Показать больше», в результате чего раскроется полный контекст найденного слова для данной записи.

Следует отметить, что все результаты поиска в корпусе чувашского языка ограничены минимальным контекстом, что позволяет получить интернет-пользователям достаточно данных для научного анализа или изучения языка, одновременно исключая возможность использования ими полных текстов без разрешения правообладателей. Такой подход гарантирует баланс между доступностью корпуса и правами авторов. При этом доступ к корпусу абсолютно бесплатный. Это позволяет каждому желающему использовать корпус для исследовательских или образовательных целей.

Обозначим дальнейшие перспективы развития электронного корпуса чувашского языка на базе платформы Laravel:

- 1) расширение БД корпуса за счет добавления новых текстов;
- 2) внедрение механизмов автоматической обработки текстов корпуса, прежде всего таких, как морфологическая разметка (т. е. для каждого слова в зависимости от принадлежности к той или иной части речи будут указаны его характеристики — число, падеж или время, лицо, основа, суффиксы) и синтаксическая разметка (исследователь сможет найти все словоформы, выступающие в определенной синтаксической роли);
- 3) улучшение поисковой системы корпуса, т. е. установка более совершенных алгоритмов поиска, например, полнотекстового поиска;
- 4) создание параллельного корпуса — разработка функционала для автоматического ввода параллельных текстов, а также поисковой системы для параллельного корпуса;
- 5) внедрение функционала для визуализации статистических данных корпуса, к примеру, добавление интерактивных графиков и диаграмм частотности слов, распределения частей речи и т. д.;
- 6) создание открытого API для взаимодействия с другими приложениями и сервисами в целях обогащения корпуса дополнительной информацией.

Заключение

Создание электронного корпуса чувашского языка представляет собой сложный и многоэтапный процесс. На данный момент реализованы ключевые этапы его формирования: 1) корпус разработан, управляется и анализируется на современной платформе Laravel, обеспечивающей гибкость, масштабируемость и адаптируемость под специфические задачи лингвистического анализа; 2) выполнена унификация всех текстов корпуса на основе юникод-стандарта; 3) разработаны макросы для обработки документов Microsoft Word; 4) разработаны алгоритмы фильтрации входных текстов; 5) созданы удобная панель администрирования и расширенная система поиска на сайте корпуса.

Национальный корпус чувашского языка в настоящее время содержит минимально необходимое количество текстов различных жанров и категорий для проведения лингвистических исследований. Он предоставляет возможность специалистам изучать грамматические, лексические и стилистические особенности

чувашского языка, анализировать его эволюцию и связи с другими тюркскими языками. На основе корпуса возможно создание автоматизированных словарей, грамматик и других языковых инструментов. В долгосрочной перспективе корпус должен стать уникальным инструментом для изучения и сохранения чувашского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аvezов С. С., Маринина Ю. А. Электронные корпуса: инновационный подход к обучению перевода // Периодика. Журнал современной философии, социальных и гуманитарных наук. 2023. 16 марта. С. 7 — 13.
2. Губанов А. Р. Национальный корпус чувашского языка: создание лексического поисковика в системе Java // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сборник статей / сост. и науч. ред. Н. Г. Ильина. Чебоксары : ЧГИГН, 2015. С. 130 — 145.
3. Желтов П. В. Национальный корпус чувашского языка: концепция и архитектура. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2017. 160 с.
4. Желтов П. В. Создание национального корпуса чувашского языка: проблемы и перспективы // Современные проблемы науки и образования: [сайт]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19046> (дата обращения: 10.03.2025).
5. Желтов П. В., Губанов А. Р., Желтов В. П. Морфологический стандарт национального корпуса чувашского языка // Современные проблемы науки и образования: [сайт]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20578> (дата обращения: 10.03.2025).
6. Корпус чувашского языка: [сайт]. URL: <https://ru.corpus.chv.su> (дата обращения: 28.01.2025).
7. Антонов А. Н. Двухязычный корпус чувашского языка для машинного перевода // Электронная письменность народов Российской Федерации — 2021 & IWCLUL 2021: материалы Международной научно-практической конференции (Сыктывкар, 23 — 24 сентября 2021 г.) / отв. ред. А. Р. Эмексузян. Сыктывкар : Коми республикан. акад. гос. службы и управления, 2022. С. 18 — 22.
8. CQPweb: [сайт]. URL: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/> (дата обращения: 28.01.2025).
9. Laravel: [сайт]. URL: <https://laravel.com> (дата обращения: 28.01.2025).
10. Laurence Anthony's Website. AntConc: [сайт]. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения: 28.01.2025).
11. NoSketch Engine: [сайт]. URL: <https://nlp.fi.muni.cz/trac/noske> (дата обращения: 28.01.2025).
12. Sketch Engine: [сайт]. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 28.01.2025).
13. Voyant Tools: [сайт]. URL: <https://voyant-tools.org/> (дата обращения: 28.01.2025).

REFERENCES

1. Avezov S. S., Marinina Y. A. Electronic corpora: an innovative approach to teaching translation // Periodical Journal of Modern Philosophy, Social Sciences and Humanities. 2023. March 16:7 — 13. (In Russ.)
2. Gubanov A. R. The Chuvash national corpus language: creation a lexical search engine in Java // Actual issues of history and culture of the Chuvash people: a collection of articles / edited by N. G. Ilyina. Cheboksary; 2015:130 — 145. (In Russ.)
3. Zheltov P. V. The Chuvash national corpus language: concept and architecture. Cheboksary; 2017:160. (In Russ.)
4. Zheltov P. V. The Chuvash language national corpus creation: problems and prospects // Modern problems of science and education: [website]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19046> (reference date: 10.03.2025). (In Russ.)
5. Zheltov P. V., Gubanov A. R., Zheltov V. P. Morphological standard of the Chuvash language national corpus // Modern problems of science and education: [website]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20578> (reference date: 10.03.2025). (In Russ.)
6. The Chuvash language Corpus: [website]. URL: <https://ru.corpus.chv.su> (reference date: 28.01.2025). (In Russ.)
7. Antonov A. N. The Chuvash language bilingual corpus for machine translation // Electronic Written Language of the Peoples in the Russian Federation — 2021 & IWCLUL 2021: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Syktyvkar, September 23 — 24, 2021) / edited by A. R. Emeksuzyan. Syktyvkar; 2022:18 — 22. (In Russ.)
8. CQPweb: [website]. URL: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/> (reference date: 28.01.2025). (In Russ.)
9. Laravel: [сайт]. URL: <https://laravel.com> (reference date: 28.01.2025). (In Russ.)

10. Laurence Anthony's Website. AntConc: [сайт]. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (reference date: 28.01.2025). (In Russ.)
11. NoSketch Engine: [сайт]. URL: <https://nlp.fi.muni.cz/trac/noske> (reference date: 28.01.2025). (In Russ.)
12. Sketch Engine: [сайт]. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (reference date: 28.01.2025). (In Russ.)
13. Voyant Tools: [сайт]. URL: <https://voyant-tools.org/> (reference date: 28.01.2025). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025; принята к публикации 02.03.2025

Информация об авторе:

Леонтьев Денис Михайлович, младший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>, denis.lentev@mail.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editorial board 26.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025; accepted for publication 02.03.2025

Information about the author:

Denis M. Leontiev, junior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>, denis.lentev@mail.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 26.02.2025 читнё;
рецензиленё хысçан 01.03.2025 ырланă; 02.03.2025 пичете йышăннă

Автор сиччен:

Леонтьев Денис Михайлович, Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхёсен
институчён аслăлăх кёсçен ёстешё (428015, Раççей, Шупашкар хули,
Мускав пр., 29, 1 корп.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>, denis.lentev@mail.ru
Пайталăх конфликчё: автор пайталăх конфликчё суккине пёлтерет.
Автор ал сырайвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

УДК 821.512.111.09
ББК 83.3(2=635.1)

Научная статья

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЧУВАШСКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУР (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

А. Ф. Мышкина

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
alb-myshkina@mail.ru

Аннотация. Любая национальная литература имеет свое лицо в виде характерных именно для нее идейно-тематических и жанрово-стилевых направлений, то есть уже устоявшихся эстетических традиций. Цель исследования — изучение национальной литературы как части мировой культуры в контексте диалога литератур для выявления идейно-тематических и жанрово-стилевых типологических параллелей. Данное направление является актуальным с точки зрения соотношения национальных и мировых художественных тенденций. В качестве материалов привлечены научные исследования отечественных и чувашских литературоведов по проблемам межлитературного диалога, национальной идентичности, своеобразия национальной литературы и жанрово-стилевых особенностей зарубежной, отечественной и чувашской литератур. В работе, основываясь на трудах отечественных ученых, устанавливаются виды межлитературного диалога, поднимаются вопросы изученности его в чувашской литературоведческой науке. Также намечены перспективы дальнейших исследований в области художественных взаимосвязей чувашской и мировой литератур.

Ключевые слова: диалог литератур, культурный код, менталитет, социально-криминальный роман, черный реализм, литература факта, магический реализм, литература шрамов

Для цитирования: Мышкина А.Ф. Идейно-эстетические связи чувашской и мировой литератур (к постановке проблемы) // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 91 — 103

© Мышкина А. Ф., 2025

Scientific article

IDEOLOGICAL AND AESTHETIC CONNECTIONS BETWEEN CHUVASH AND WORLD LITERATURE (TO POSE THE PROBLEM)

A.F. Myshkina

Chuvash State institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
alb-myshkina@mail.ru

Abstract. Any national literature has its own face in the form of ideological-thematic and genre-stylistic trends that is, already established aesthetic traditions. The purpose is to study national literature as a part of world culture in the dialogue of literatures in order to identify ideological, thematic and genre-stylistic typological parallels. This direction is relevant from the point of view of the correlation of national and global artistic trends. The scientific studies of Russian and Chuvash literary scholars on inter-literary dialogue, national identity, the originality of national literature and genre and stylistic features of foreign, domestic and Chuvash literature

were used as research materials in this study. The study based on the works of Russian scientists raises such issues as the types of inter-literary dialogue, its study in the Chuvash literary science as well. The prospects for further research in the field of artistic interrelations of Chuvash and world literature have been outlined.

Keywords: dialogue of literatures, cultural code, mentality, socio-criminal novel, black realism, literature of fact, magical realism, literature of scars

For citation: Myshkina A. F. Ideological and Aesthetic Connections between Chuvash and World Literature (to pose the Problem) // Modern humanities. 2025;1(2):91 — 103

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ТАТА ТĖНЧЕ ЛИТЕРАТУРИСЕН ИДЕЙĂПА ЭСТЕТИКА СЫХĂНĂВĖСЕМ (ЫЙТĂВА ХУСКАТНИ)

А. Ф. Мышкина

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар хули, Раççей Федерацийĕ
alb-myshkina@mail.ru

Аннотаци. Пур наци литературин те шăпах хайне çеç тивĕçтерекен идейăпа тема, жанрпа стиль туртăмĕсем, урăхла каласан — çирĕпленсе çитнĕ илемлĕх йăлисем пур. Пирĕн тĕпчев тĕллевĕ — наци литературине, тĕнче культурин пайне, идейăпа тема, жанрпа стиль типологи пĕр пеклĕхĕсене палăртас тĕллевпе литературăсен диалог сыхăнăвĕнче тĕпчеси. Çак тишкерű наци тата тĕнче литературисен илемлĕх туртăмĕсен шайлашăвĕ тĕлĕшĕнчен питех те сивĕч. Тĕпчев ĕçĕн тишкерű материалĕ шутĕнче — литературăсен диалогне, наци пĕр пеклĕхне, наци литературин хайне евĕрлĕхне, тĕнче, хамăr çĕр-шыв тата чăваш литературисен жанрпа стиль уйрăмлăхĕсене тĕпчесе сырнă Раççей тата чăваш литературовĕсене ĕçĕсем. Тĕпчевре Раççей асчахĕсен ĕçĕсем çинче никĕсленсе литературăсен диалог тĕсĕсене палăртнă, апа чăваш литература тĕпчев аслăлăхĕнче тĕпченин ыйтăвĕсене çĕкленĕ. Çавăн пекех чăваш тата тĕнче литературисен хушшинчи илемлĕх сыхăнăвĕсене тĕпчес ĕсри малаш тĕллевсене палăртнă.

Тĕп сăмахсем: литературăсен диалогĕ, культура кочĕ, менталитет, социо-криминаллă роман, хура реализм, факт литературы, магилле реализм, çĕвек литературы

Цитатăлама: Мышкина А.Ф. Чăваш тата тĕнче литературисен идейăпа эстетика сыхăнăвĕсем (ыйтăва хускатни) // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 2 №. С. 91 — 103

Введение

Теоретические и практические проблемы диалога литератур достаточно хорошо разработаны в отечественном литературоведении. Так, исследователи, анализирующие проблемы межлитературного диалога, связывают его с представлением о формах бытия, взаимодействиями разных культур, способами художественной коммуникации. При этом, по их утверждению, «межлитературные связи предполагают не пассивный обмен “влияниями”, а соревновательность, борьбу, в которой утверждает себя то, что лучше соответствует потребностям времени и отвечает имманентным закономерностям литературного развития» [24, с. 57]. То есть диалогу литератур способствуют два существенных условия: достижение народом определенного исторического развития и накопление особого эстетического потенциала самой литературой.

Цель нашей работы — изучение национальной словесности как части мировой культуры в контексте диалога литератур для выявления идейно-тематических и жанрово-стилевых типологических параллелей.

Материалы и методы

Источниками исследования выступили изданные в разные годы работы отечественных и чувашских литературоведов по проблемам межлитературного диалога, национальной идентичности, своеобразия национальной литературы и жанрово-стилевых особенностей зарубежной, отечественной и чувашской литератур. При написании статьи применялись следующие методы: историко-генетический, аналитический и сопоставительный. Историко-генетический метод был использован для анализа зарождения и развития определенных художественных тенденций. Аналитический метод способствовал выявлению скрытых взаимосвязей зарубежной и чувашской литератур. Метод сопоставительного анализа позволил определить некоторые темы, образы, доминирующие жанрово-стилевые направления зарубежной литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

В отечественной науке идею диалога, в частности, диалога культур, впервые выработал в своих трудах русский литературовед, культуролог и философ М. М. Бахтин в первой половине XX в. [3; 4]. Идею диалогичности культур разрабатывал и его ученик В. С. Библер [6; 7]. Исследователи национальных литератур к проблеме диалога обратились в конце XX — начале XXI в. Так, в работах татарского исследователя В. Р. Аминовой сформулированы четыре вида межлитературного диалога: 1) «свое», полемизирующее с «чужим»; 2) «свое», противопоставленное «чужому»; 3) «свое» как переструктурированное «чужое»; 4) «свое», сходное с «чужим». При их обосновании В. Р. Аминева отталкивается от таких понятий, как «свое» (родное, национальное) и «чужое» (неродное, чуждое субъекту). Взаимоотношения «своего» и «чужого» в художественном пространстве исследователь рассматривает на примере татарской и русской литератур, к примеру, на материале лирики татарского поэта Г. Тукая и русских поэтов XIX в. (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова) [1; 2]. В то же время за рамками ее обзора зачастую остается диалог литератур между родственными народами (например, татарами и чувашами) или же мировой и татарской литературами. Тем не менее классификация В. Р. Аминовой на сегодняшний день наиболее перспективна в изучении вопросов диалогичности художественного текста.

В работе Д. Дюришина высказано мнение, что в рамках межлитературных связей уместно изучение внешних и внутренних контактов литературы. При этом «внешние контакты — это те, которые не оказывают видимого прямого воздействия на литературный процесс; а внутренние контакты — те, которые отражаются и проявляются в самой структуре литературного произведения» [10, с. 150]. Для нашего исследования наиболее важны внутренние контакты. В связи с этим весьма интересны наработки башкирского исследователя И. Г. Кульсариной, которая проблему межлитературного диалога анализирует в рамках башкирско-русских литературных взаимосвязей. Так, в своей работе в качестве самых распространенных форм внутренних контактов литературы она выделяет «подражание, стилизацию, цитацию, реминисценцию, аллюзию, влияние, импульс, перевод и т. д.», а также «такие интегральные формы рецепций, как заимствования, подражания, аллюзии, стилизации, переводы, типологические схождения в проблематике и поэтике, комплексные контактные связи» [17, с. 114].

В исследовании И. Г. Кульсариной представлена и наиболее плодотворная форма межлитературных взаимодействий — интертекстуальные связи. Как и в случае с В. Р. Аминовой, И. Г. Кульсарина свой исследовательский взор направляет

на диалог национальной и русской литератур. При этом, с учетом сложившейся социокультурной ситуации в нашей стране, особенно в начале XXI в., перед нами встает правомерный вопрос: насколько человек иной национальности воспринимает русскую культуру и ее литературу как «чужую»? Вероятно, междисциплинарный диалог, имевший значение для литератур, к примеру, XX в., сегодня на просторах российской культуры преобразовывается в диалогичность текста, которая возможна как на уровне произведений разных национальных литератур, так и на уровне произведений одной литературы.

В исследованиях чувашского литературоведа В. Г. Родионова выделены два типа диалогических отношений литератур: типологический и противопоставляющий. Рассуждая о внелитературных факторах, повлиявших, в частности, на чувашскую и татарскую литературы, он пишет: «...письменные культуры татар и чувашей Нового времени сформировались на основе различных (славяно-православных и тюрко-мусульманских) традиций, и они, как части больших миров, резко противопоставлялись друг другу. Оставаясь противостоящими “чужими”, на фоне общих идей Просвещения они выполняли компенсаторные функции и как бы являлись отдельными составными частями целого и единого. Так осуществлялся типологический и противопоставляющий диалог татарской и чувашской литератур до второй половины XIX века» [23, с. 72 — 73]. По мнению ученого, для типологического диалога обязательно наличие третьего субъекта «в форме общего внешнего фактора. Начиная с XVIII века таким общим фактором, оказавшим на культуры народов Урало-Поволжья определенное воздействие, стало Просвещение, пришедшее в Россию из западноевропейских стран» [23, с. 72].

* * *

Заостряя внимание на проблеме нашего исследования, зададимся вопросами: что делает национальную литературу национальной? И в какой мере ключевые элементы национальной идентичности отражаются в поэтике художественного произведения? Мы видим актуальность в разрешении этих вопросов, потому что «художественное произведение дает особые преимущества для исследования как раз национального восприятия и преображения мира. Ибо в нем художник обращается к народной жизни и космосу, в котором она протекает, и строит из этого второй мир. <...> Художественное произведение — это как бы национальное устройство мира в удвоении» [8, с. 52 — 53]. Первоочередными элементами национальной принадлежности произведения считаются его язык и отражение национальных стереотипов восприятия окружающего мира, жизни народа, общества, а также связь человека (автора) с историей своего этноса. Мы придерживаемся мнения Ф. Б. Бешуковой, которая художественное воплощение специфики национального мировидения и самоощущения видит в первую очередь «в сюжетостроении, на структурно-стилевом уровне, в образной системе и в национально-символическом колорите <...> художественных текстов» [5, с. 5].

Определенное решение обозначенных выше вопросов можно найти и в словах Г. И. Федорова, который в своих исследованиях особое внимание уделял эстетическим функциям национального языка. Ученый пишет: «...Слово в чувашской литературе — это не то, что стало присущим, скажем, для литературы других, европейских народов. <...> Слово чувашское между тем всегда насыщено и уплотнено национально-культурными образами, иносказательными возможностями, органическое его естество — это как раз обращенность ко многим

и многим людям, заявка на диалог, а отнюдь не индивидуализм, отъединенность от людей, не нарастающая автономность личности, подвигающая ее к одиночеству» [26, с. 289]. Именно такая особенность языкового менталитета чувашского народа требует от писателя обезличивания, «растворения» в тексте, «не выпячивания» своей личности на страницах произведения.

Считаем уместным вновь обратиться к исследованиям Г. И. Федорова, который весьма емко определил значение любой национальной литературы в мировой культуре: «...каждая литература имеет свой эстетический потенциал, определяемый особенностями “месторазвития” и “местопространства”, характером национальной жизни, народной философии и т. д. И это, оказывается, совершенно не зависит от того, насколько тот или иной народ мал или велик, близко или далеко он отстоит от европейских культур, которым якобы предрешено быть эталоном для других, “малых” цивилизаций» [26, с. 6]. Данное высказывание призывает исследователя к особому подходу при изучении национальных и мировых литератур, а именно — воспринимать и рассматривать их как равнозначные, равноправные в эстетическом плане объекты. Естественно, у каждой литературы свой исторический путь, у кого-то он длиною в несколько веков, у кого-то — лишь одно столетие. Тем не менее и этот факт не влияет на художественное сознание как всего народа, так и отдельного писателя, который в любом случае выступает выразителем национального художественного мировоззрения.

Чувашская проза конца XX — начала XXI в., подобно многим национальным литературам России, имеет как типичные, так и не характерные для нее черты, выражающиеся в уникальных идеях, сюжетах, образной системе, жанрово-стилевом разнообразии, поэтических средствах и т. д. Поскольку в этот период произошел отказ от метода социалистического реализма в художественном творчестве, в литературе открылись благоприятные условия для эстетического прорыва, художественных открытий и откровений писателя. В числе чувашских авторов, оказавшихся в авангарде литературных поисков в данный период, следует назвать имена Б. Чиндыкова, А. Тарасова, А. Емельянова, Г. Федорова, Н. Петровской, М. Карягиной, Н. Ильиной, В. Степанова и др. В этом ряду особо выделился В. Степанов, который обогатил чувашскую прозу нетипичными для нее жанрово-стилевыми образцами. Так, «он является автором “мистико-эротического триптиха” <...>, “романа-киллера” <...>, этнофэнтези, мистических <...>, фантастических рассказов, монологов от лица известных личностей, эссе на философские и исторические темы» [20, с. 395].

В современном мире наблюдаются процессы глубокой интеграции национальных культур на уровне отдельных стран и глобализация всех сфер (экономической, информационной, социальной, эстетической и т. д.) жизни в масштабах всей планеты. Естественно, такие обстоятельства, с одной стороны, являются благоприятной почвой для развития отдельно взятой национальной литературы, которая получает доступ к эстетическим открытиям других литератур. С другой стороны, это путь к утрате своей национальной идентичности. Влияние процессов глобализации на национальную идентичность в литературе на сегодняшний день наиболее явственно проявляется в западной культуре. По мнению исследователей, «глобализация в литературе привела к тому, что современные художественные произведения потеряли национальную самобытность, свойственную им национальную уникальность. Передовые позиции в мировой литературе заняла массовая литература, направленная на извлечение большой выгоды» [9, с. 20].

Подобная ситуация несет эстетическую угрозу всей поэтике произведения, меняет ориентиры читательского вкуса. Именно поэтому очень часто «неважно к какой литературе принадлежит произведение (русской, английской, американской или французской), оно узнаваемо по сюжету, по типажам, по коллизиям» [9, с. 20].

* * *

В рамках данного исследования нам интересно установление возможных или же реальных связей чувашской литературы с мировой литературой, как западной, так и восточной, а также латиноамериканского региона. Важно наметить пути проникновения или же параллельного возникновения жанрово-стилевых, тематических особенностей. Значимо выявить круг авторов — мировой и чувашской литератур, у которых присутствуют потенциальные совпадения на уровне создания конфликта, сюжета, художественных образов, главного героя.

Любой межлитературный диалог формируется, в первую очередь, на уровне конкретного писателя и его конкретного произведения. Вместе с тем разные сами по себе писатели и их произведения всегда объединяются вокруг различных литературных направлений. Очень часто эти направления имеют общемировой характер, но в каждой отдельно взятой литературе, благодаря конкретным авторам, проявляются по-своему оригинально.

Одной из значимых для мировой культуры нового времени (XVI — XIX вв.) словесностей европейского континента являлась английская (британская) литература. И на современном этапе ее роль в эстетических процессах художественного творчества ощутимо велика. Однако нам видится уместней рассматривать ее в контексте всей западноевропейской культуры. Так, в западноевропейской литературе XIX в. наибольшую популярность получил социально-криминальный роман, основоположником которого стал французский писатель Эжен Сю. Анализируя его жанровые особенности, исследователи отмечают: «...вполне закономерно ожидать, что сюжет социально-криминального романа будет насыщен всевозможными преступлениями. Многообразие их призвано продемонстрировать авторское понимание “основных противоречий и отрицательных свойств современного общества одинаково в преступности и в государственной системе борьбы с нею” (Н.Д. Тамарченко)» [25, с. 21]. Все это говорит о том, что в подобных произведениях криминал сам по себе необходим для углубления морально-нравственных качеств героя, исследования этических устоев общества. В этом плане данный жанр в корне отличается от детективного жанра, где факт преступления, чаще убийство, становится началом последующих криминально-приключенческих событий и, самое важное, толчком к началу расследования его следователем или детективом (неважно, профессионалом или любителем). Вместе с тем и социально-криминальный, и детективный романы являются разновидностями криминальной прозы.

В силу объективных причин подобный жанр в чувашской литературе появился или же мог появиться лишь в конце XX — начале XXI в. Естественно, эстетические параллели между произведениями английских писателей (романист и политик Эдвард Бульвер-Литтон, журналист, политический философ и романист, драматург Уильям Годвин, романист Уильям Эйнсворт, репортер, эссеист и романист Чарльз Диккенс¹) с произведениями чувашских авторов (Д. Гордеев,

¹ Мы сочли уместным акцентировать внимание на сферах деятельности названных писателей, так как видим связь между деятельностью вне литературы и жанровыми особенностями их произведений.

С. Павлов, А. Казанов и др.) могут быть случайными. Как бы там ни было, социально-криминальный жанр является откликом на исторические события, реакцией на этические ценности общества. Чувашская литература с нравственной «разрухой», криминалом в обществе столкнулась в 1990-х гг. и отреагировала целым пластом произведений, написанных в стиле так называемого «черного реализма»². На наш взгляд, социально-криминальный роман западноевропейской литературы и «черный реализм» чувашской прозы имеют общие точки соприкосновения в плане темы, идеи и конфликта произведения.

Начиная с XIX в. в англоязычной литературе (не только в британской, но и в литературе США) происходит постоянное сближение жанра научной фантастики и мультикультурного контекста. В произведениях фантастического жанра западноевропейские авторы разрабатывают темы колониального расширения границ сферы обитания землян [«Машина времени» (1895), «Война миров» (1897) Г. Уэллса], геноцида инопланетных рас с целью обеспечения человеческого превосходства в космосе [«Возвращение в завтрашний день» (1954) Л. Рона Хаббарда, «Захватчики с Земли» (1958) Роберта Сильверберга, «Слово для леса и мира одно» (1972) Урсулы К. Ле Гуин], вторжения инопланетян в пространство жизнедеятельности человека [«Ксеногенез» Октавии Батлер — романы «Рассвет» (1987), «Обряды взросления» (1988) и «Имаго» (1989), «Алеутская трилогия» (1991 — 1997) Гвинета Джонса] и т. д. Последствия космической колонизации описаны и в американских фантастических романах второй половины XX в. [«Засеянные звезды» (1957) Дж. Блиша, «Цвета космоса» (1963) М. З. Брэдли, «Планида проклятых» (1962) Г. Гаррисона].

Произведения фантастического жанра в чувашской литературе можно отнести к числу немногочисленных. Такая ситуация, вероятно, связана с особенностями национального мировидения писателей, их эстетического мышления и внутреннего потенциала чувашского языка. Тем не менее оригинальные образцы такой литературы в чувашской словесности появились уже в XX в. (Г. Краснов, М. Сундал, Н. Максимов, Р. Ярандай, В. Енеш и др.). В XXI в. жанровой разнообразностью фантастики для чувашских авторов стали этнофэнтези (В. Степанов, И. Шашкина), фэнтези (О. Австрийская), фарс-фантазмагория (В. Николаев). Анализируя рассказы И. Шашкиной («Виçĕ хĕвел» / «Три солнца») и О. Австрийской («Миххи пĕви» / «Пруд Миххи»), В. В. Никифорова делает предположение о том, что «данные рассказы-этнофэнтези, фэнтези <...> нужно классифицировать как фантастические рассказы. Они создаются на стыке рассказа и литературной сказки, развивают национальные сказочные и мифологические сюжеты в контексте современности» [21, с. 110].

Одной из ведущих тенденций современной литературы стало тяготение к жанру литературы факта, то есть к созданию таких произведений, в основе которых лежат реальные события, непридуманнные человеческие судьбы, документальные свидетельства, эго-документы³. При этом причины обращения к этому

² Этот термин был введен американским писателем и журналистом Биллом Буфордом для обозначения литературного направления, возникшего в США в 1980-х гг. Его особенностью является изображение порочных и более обыденных аспектов повседневной жизни.

³ Термин «эго-документы» в научный оборот был введен в конце XX в. нидерландским историком Якобом Прессером. Таким образом он предложил называть группу источников, написанных от первого лица, то есть исходящих от конкретного человека (дневники, письма, записные книжки, мемуары, автобиографии).

жанру у каждой национальной литературы своя. К примеру, «в хорватской литературе сложилась своя традиция восстановления и сохранения национальной и личной памяти. Она связана, прежде всего, с автобиографической прозой, получающей распространение с 1970-х гг., когда после массового национального движения в стране установился жесткий репрессивный режим» [13, с. 17]. Расцветом «невывмышленных форм» в хорватской литературе стала вторая половина 1990-х гг., существенным пластом оставался и в романах 2010-х гг., вобрав в себя черты социального, семейного и документального романов жанров (С. Дракулич, М. Ергович, С. Шнайдер, Д. Дрндич, Т. Громача). В этом ряду литературы факта также можно назвать автобиографический роман писателя словенско-сербского происхождения Феликса Плохла «Все мои грехи», «написанный в словенской тюрьме Доб, где автор отбывал наказание за совершенное в 1994 г. непреднамеренное убийство в боснийском городе Бихач» [15, с. 37]. Анализируя роман «Все мои грехи», исследователи отмечают: «Произведение отчасти напоминает жанр криминального романа, однако элементы последнего здесь служат скорее своеобразным контекстом, на фоне которого разворачивается очень личная история. Это необычное сочетание жанров автобиографии и детектива представляет особый интерес, поскольку оба пользуются исключительной популярностью в словенской литературе в последние годы и представляют собой отдельное явление» [15, с. 40].

К жанру литературы факта следует отнести и новый тип латиноамериканской литературы — свидетельства⁴, названный позже «новый веризм»⁵. Как отмечают исследователи, в основе данного направления «лежит особая трактовка документальности. Обычно под “документальностью” понимается подлинность, фактичность изображаемого, однако для литературы свидетельства это понятие не исчерпывается одной лишь верностью реальной действительности, но подразумевает эстетическое отражение самой жизненной основы. Происходит полный отказ от вымышленных персонажей и событий; в текст переносятся объекты внеязыковой реальности — подлинные события, люди, географические названия, даты. Иначе говоря, конкретные исторические реалии становятся самостоятельным и самодостаточным материалом произведения, а не просто основой для создания художественных образов» [11, с. 280].

В современной чувашской прозе в разрезе литературы факта наибольшую значимость приобрели автобиографическая (С. Павлов, А. Трофимов, Г. Алимасова, А. Мышкина), документальная (В. Савельева, В. Савелькин, Р. Прокопьева) и военная (А. Хмыт) повести [22]. Мы согласны с В. В. Никифоровой, которая так называемую «военную прозу» причисляет к литературе факта. «Формат *вӑрçӑ повеçӗ* (военная повесть) очень близок документальной и автобиографической. Действие в данных повестях разворачивается в годы войны, либо из рассказов сегодняшнего дня переносится в то военное время и обстоятельства» [22, с. 143]. Вместе с тем, считаем нужным подчеркнуть, к литературе факта относится не любое сочинение, а лишь те, в которых наиболее явен фактический материал. В этом плане военные повести А. Хмыта соответствуют ее жанровой поэтике.

Литературу восточного и азиатского региона уместнее рассматривать вместе, потому что, несмотря на генетическую связь чувашского языка и культуры с на-

⁴ Начало этому направлению положил кубинский писатель Мигель Барнет, опубликовав в 1966 г. знаменитое произведение «Биография беглого раба-негра».

⁵ Впервые термин был использован колумбийским критиком К. Ринконом в 1978 г.

родами этих регионов, современная чувашская литература в плане жанра, темы, художественных коллизий главным образом нацелена на культурные ценности и эстетические открытия Европы. Подобная ситуация связана с тем, что с момента зарождения (вторая половина XIX в.) профессиональной (авторской) чувашской литературы она равнялась, впитывала, заимствовала, училась у русской литературы, которая в свою очередь была западно ориентированной. И лишь некоторые чувашские писатели (в основном это поэты) обращали свой взор в сторону восточного и азиатского региона.

Интересным явлением Восточной Азии конца XX в. стала так называемая «литература шрамов», «которую в Китае называют “литературой крови и слез” <...>, принято вести отсчет китайской “литературы нового периода” <...>. Основная проблематика “литературы шрамов” — осуждение репрессий и произвола хунвэйбинов во время “культурной революции”, предательство близких, трагические судьбы интеллигенции, нравственные ориентиры молодого поколения, сбитые под влиянием политической пропаганды» [14, с. 82]. Как отмечают исследователи, ее появление «во многом стихийный процесс, когда пострадавшие от “культурной революции” люди выплескивали на страницы литературных произведений, нередко основанных на автобиографическом материале, свою боль, делились своим горьким опытом» [14, с. 82].

Аналогичного явления в чувашской прозе не было. Тем не менее в конце XX столетия свое отражение и осмысление в ней получил период сталинских репрессий, который способствовал как физическому, так и моральному уничтожению «неудобной» части интеллигенции и простого народа. Многие из подобных произведений в чувашском литературоведении традиционно относят к художественно-публицистической, философско-публицистической (А. Емельянов, Л. Таллеров) или к художественно-философской (А. Тарасов) прозе.

Анализируя чувашскую литературу конца XX в., исследователи подмечают появление в ней нового направления — «женской прозы» [18; 19]. Восточная литература, несмотря на свои строгие каноны в культуре, не осталась в стороне в этом вопросе. Так, «расцвет профессиональной женской литературы в Китае пришелся на вторую половину 1980 — 1990-х гг., когда на литературную сцену вышла группа ярких писательниц (Ван Аньи, Чжан Цзе, Цань Сюэ, Те Нин, Сюй Кун и др.), которые успешно конкурировали с мужчинами во многих жанрах» [16, с. 93]. При этом, как и в чувашской культуре, китайские женщины-писательницы не являются феминистками. Такую их черту исследователи выделяют особо: «Данные писательницы представляли новые образы героинь, осознающих свою ценность как женщины и исследующих свой внутренний мир, что привело к тому, что многие западные исследователи причисляли их творчество к феминистическому, хотя Ван Аньи и Те Нин неоднократно высказывались, что таковыми себя не считают. Необходимо учитывать национальные особенности китайского феминизма, и феминистическое сознание несомненно нашло отражение в женской литературе нового периода, но в довольно мягком варианте» [16, с. 93].

В контексте латиноамериканских и чувашских литературных общностей можно выделить направление «магический реализм»⁶. «Родоначалниками “ма-

⁶ По отношению к литературе термин впервые был применен французским критиком Эдмоном Жалу в 1931 г.

гического реализма” в самой латиноамериканской литературе стали кубинский писатель Алехо Карпентьера-и-Вальмонт <...> с его повестью “Царство земное” и Мигель Анхель Астуриас с романом “Люди маиса” (оба произведения датируются 1949 годом)» [12, с. 2025]. В числе наиболее ярких представителей данного направления также выступают писатели — перуанец Х. М. Аргедас («Глубокие реки», 1958), парагваец А. Роа Бастос («Сын человеческий», 1959), мексиканцы Хуан Рульфо и Карлос Фуэнтес, колумбиец Г. Гарсиа Маркес («Сто лет одиночества», 1967). Схожую с магическим реализмом поэтику можно обнаружить в произведениях чувашских писателей Н. Петровской, Е. Нарби и др.

Заключение

Проблема диалога литератур охватывает как внутрилитературные, так и внелитературные факторы. Внутрилитературные взаимосвязи происходят на уровнях сюжетостроения, структурно-стилевом, образной системы и национально-символического колорита. К внелитературным факторам можно отнести социально-политические, исторические процессы, а также географическое местоположение. Степень влияния этих факторов на конкретную литературу всегда индивидуальна.

В межлитературных связях чувашской прозы с зарубежными литературами прочерчиваются несколько явных направлений, которые интересны с точки зрения общности и уникальности художественных поисков литератур. В их числе было выявлено: военная проза, криминальная проза и черный реализм, жанр фантастики и этнофентези, литература факта, женская проза, магический реализм и мистическая проза. Вместе с тем в мировой литературе множество художественно-эстетических явлений, представляющих интерес для чувашской прозы в контексте межлитературного диалога. А именно: «галлюцинаторный реализм» (китайская литература); жанровые разновидности — микророман-новелла (английская литература), микророман-откровение (немецкая литература), микророман-комментарии (французская литература), жанр романетто (чешская литература) и т. д. Исследование этих жанров является перспективным направлением в русле расширенного изучения межлитературного диалога чувашской и мировой литератур и выявления уникальности национальной словесности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аминева В. Р. М. Ю. Лермонтов и Г. Тукай: к вопросу о структурно-содержательных особенностях межлитературных текстовых образований // Филология и культура. 2012. № 2. С. 7 — 10.
2. Аминева В. Р. Лирика Г. Тукая в межлитературном контексте // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 180 — 188.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Советский писатель, 1963. 363 с.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986. 445 с.
5. Бешукова Ф. Б. Теоретические предпосылки формирования концепции национальной идентичности в мировой литературе // Сохранение национальной идентичности художественной литературы в условиях глобализации: вызовы, проблемы, методы исследования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала : Изд-во АЛЕФ, 2023. С. 4 — 10.
6. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцатый первый век. Москва : Политиздат, 1990. 413 с.
7. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. Москва : Прогресс, 1991. 176 с.
8. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Москва : Советский писатель, 1988. 448 с.
9. Джембекова Т. Б., Мурадова А. К. Глобализация и национальная идентичность в зарубежной литературе // Сохранение национальной идентичности художественной литературы в условиях глобализации: вызовы, проблемы, методы исследования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала : Изд-во АЛЕФ, 2023. С. 18 — 22.

10. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. Москва : Прогресс, 1979. 317 с.
11. Иванова де Мендоса Ж. М. «Новый веризм» и литература свидетельства в латиноамериканской литературе конца XX века // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 276 — 295.
12. Ильина Л. Е. Магический реализм как отличительная особенность латиноамериканской литературы // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссийской научно-методической конференции. Оренбург : Оренбургский госуниверситет, 2016. С. 2025 — 2028.
13. Ильина Г. Я. Литература повседневности в русской и хорватской современной прозе // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Старикова. Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 10 — 26.
14. Коробова А. Н. «История о тяжелой деформации личности» — современная китайская критика о «литературе шрамов» // Тезисы докладов Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» (Москва, 2 — 3 июня 2022 г.). Москва : ИКСА РАН, 2022. С. 81 — 84.
15. Красовец А. Н. Роман Феликса Плохла «Все мои грехи» (Любляна, 2019) как автобиография преступника // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений) / под общ. ред. И. Е. Адельгейм. Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2021. С. 37 — 53.
16. Куликова А. А. Гендерный вопрос в современной китайской женской прозе 1990 — начала 2000-х годов // Тезисы докладов Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» (Москва, 2 — 3 июня 2022 г.). Москва : ИКСА РАН, 2022. С. 92—95.
17. Кульсарина И. Г. Русско-башкирский межлитературный диалог // Ватандаш. 2019. № 9 (276). С. 114 — 127.
18. Мышкина А. Ф. Сыравсӑн ама несӑллӑх курӑмӑ е литературӑн илемлӑх тӑнчи («хӑрарӑм прози» ӑнлав тавра шухӑшлани) // Вӑренӗ аталанӑвӗ. 2022. 5 т. 1 №. С. 10 — 14.
19. Никифорова В. В. Чувашская женская проза в контексте современной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 1. С. 67 — 71.
20. Никифорова В. В. Национальные жанровые формы в современной чувашской и татарской прозе // Татары и чувашы — ветви одного древа: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, Казань, 7 — 8 октября 2021 г.) / сост. и отв. ред. Г. А. Николаев, Р. Р. Исхаков. Чебоксары : Новое время, 2021. С. 393 — 399.
21. Никифорова В. В. Малые формы современной чувашской прозы // Чувашский гуманитарный вестник. 2022. № 17. С. 104 — 123.
22. Никифорова В. В. Чувашская повесть начала XXI века и ее жанровые разновидности // Чувашский гуманитарный вестник. 2023. № 18. С. 135 — 151.
23. Родионов В. Г. Межлитературный диалог татарского и чувашского народов (вторая половина XIX — начало XX века) // Tatarica. 2015. № 1 (4). С. 67 — 76.
24. Седельник В. Д. Категории межлитературности и проблема национальной принадлежности писателя (на примере Швейцарии в ее взаимосвязях с родственными по языку странами) // Studia Litterarum. 2016. Т. 1. № 1 — 2. С. 47 — 72.
25. Угрехелидзе В. Г. Жанр социально-криминального романа (к постановке вопроса) // Новый филологический вестник. 2006. № 2. С. 19 — 28.
26. Федоров Г. И. Художественный мир чувашской прозы 1950 — 1990-х годов: монография. Чебоксары : ЧГИГН, 1996. 304 с.

REFERENCES

1. Amineva V. R. M. Y. Lermontov and G. Tukai: the issue of structural and substantive features of inter-literary textual formations // *Philology and Culture*. 2012(2):7 — 10. (In Russ.)
2. Amineva V. R. The lyrics of G. Tukai in the inter-literary context // *Knowledge. Understanding. Ability*. 2015(2):180 — 188. (In Russ.)
3. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow;1963:363. (In Russ.)
4. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow;1986:445 p. (In Russ.)
5. Beshukova F. B. Theoretical premises for the formation of national identity concept of in world literature // Preservation of national identity of fiction in the context of globalization: challenges, problems, research methods: the collection of materials of the All-Russian Scientific-practical conference. Makhachkala;2023:4 — 10. (In Russ.)
6. Bibler V. S. From Epistemology to the logic of culture: Two philosophical introductions of the twenty-first century. Moscow;1990:413. (In Russ.)

7. Bibler V. S. Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or the Poetics of culture. Moscow;1991:176. (In Russ.)
8. Gachev G. D. National images of the world. Moscow;1988:448. (In Russ.)
9. Dzhambekova T. B., Muradova A. K. Globalization and national identity in foreign literature // Preservation of national identity of fiction in the context of globalization: challenges, problems, methods of research: the collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Makhachkala;2023:18 — 22. (In Russ.)
10. Durishin D. Theory of Comparative Study of Literature. Moscow;1979:317. (In Russ.)
11. Ivanova de Mendoza J. M. “New Verismo” and the literature of testimony in Latin American literature of late XX century // Literature of the Two Americas. 2019(6):276 — 295. (In Russ.)
12. Ilyina L. E. Magical realism as a distinctive feature of Latin American literature // University complex as a regional center of education, science and culture: the materials of the All-Russian scientific and methodological conference. Orenburg;2016:2025 — 2028. (In Russ.)
13. Ilyina G. Y. Literature of everyday life in Russian and Croatian modern prose // Vector of non-fiction in modern literatures of Central and South-Eastern Europe / ed. by N. N. Starikova. Moscow;2018:10 — 26. (In Russ.)
14. Korobova A. N. “The story of severe deformation of personality” — modern Chinese criticism about “scar literature” // the abstracts of the International Scientific Conference “China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture” (Moscow, June 2 — 3, 2022). Moscow;2022:81 — 84. (In Russ.)
15. Krasovec A. N. Felix Plohla’s novel “All My Sins” (Ljubljana, 2019) as an autobiography of a criminal // Literature in the sociocultural space of modern Central and South-Eastern Europe: axiological discourse. On the 90th anniversary of Galina Yakovlevna Ilyina (on the materials of the III Khorev readings) / ed. by I. E. Adelheim. Moscow;2021:37 — 53. (In Russ.)
16. Kulikova A. A. Gender issue in contemporary Chinese women’s prose of 1990 — early 2000s // the abstracts of the International Scientific Conference “China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture” (Moscow, June 2 — 3, 2022). Moscow;2022:92 — 95. (In Russ.)
17. Kulsarina I. G. Russian-Bashkir inter-literary dialogue // Vatandash. 2019;9(276):114 — 127. (In Russ.)
18. Myshkina A. F. Çyравçăn ama nesëllëh kurămë e literatyrăn ilemlëh tënchi (“khërarăm prozi” ânlav tavra shukhâshlani) // Vëreny atalanävë. 2022;5(1):10 — 14. (In Chuv.)
19. Nikiforova V. V. Chuvash women’s prose in the context of modern literature // Philological Sciences. The questions of theory and practice. 2020;13(1):67 — 71. (In Russ.)
20. Nikiforova V. V. National genre forms in modern Chuvash and Tatar prose // the Tatars and Chuvash peoples are the branches of the same tree: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Cheboksary, Kazan, October 7 — 8, 2021) / edited by G. A. Nikolaev, R. R. Iskhakov. Cheboksary;2021:393 — 399. (In Russ.)
21. Nikiforova V. V. Small forms of modern Chuvash prose // Chuvash humanitarian vestnik. 2022(17):104 — 123. (In Russ.)
22. Nikiforova V. V. Chuvash narrative of early 20th century and its genre varieties // Chuvash Humanitarian Vestnik. 2023(18):135 — 151. (In Russ.)
23. Rodionov V. G. Inter-literary dialogue of the Tatar and Chuvash peoples (second half of 19th — early 20th century) // Tatarica. 2015;1 (4):67 — 76. (In Russ.)
24. Sedelnik V. D. The category of inter-literature and the nationality problem of the writer (the example of Switzerland in its interrelationship with language-related countries) // Studia Litterarum. 2016;1(1 — 2):47 — 72. (In Russ.)
25. Ugrekhelidze V. G. Genre of social-criminal novel (issue articulation) // New Philological Messenger. 2006(2):19 — 28. (In Russ.)
26. Fedorov G. I. Artistic world of Chuvash prose of the 1950s — 1990s: Monograph. Cheboksary;1996:304. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.04.2025;
одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 12.05.2025

Информация об авторе:

Мышкина Альбина Федоровна, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
доктор филологических наук, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>, alb-myshkina@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 28.04.2025;
approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 12.05.2025

Information about the author:

Albina F. Myshkina, leading researcher of the Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
doctor of Philological Sciences, associate professor,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>, alb-myshkina@mail.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 28.04.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҫҫӑн 30.04.2025 ырланӑ; 12.05.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Мышкина Альбина Федоровна, Чӑваш патшалӑх гуманитар
ӑслӑлӑхӗсен институчӗн ӑслӑлӑх аслӑ ӗҫтешӗ
(428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи ӑслӑлӑхӗсен докторӗ, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>, alb-myshkina@mail.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ ҫуккине пӗлтерет.

Автор ал ҫырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 781.2
ББК 85.31

Научная статья

**Ю. А. ИЛЮХИН И СОВРЕМЕННОЕ МУЗЫКОВЕДЕНИЕ
(к 100-летию со дня рождения)**

Л. И. Бушуева

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
niclub7@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена первому чувашскому музыковеду Ю. А. Илюхину, 100-летие со дня рождения которого отмечается в 2025 г. Выделены этапные моменты его биографии, освещены основные направления деятельности. Наиболее значимые труды представлены в контексте музыкальной науки региона и страны, их весомость подтверждена высокими оценками профессионалов. Раскрывается роль Ю. А. Илюхина в развитии национальной культуры и искусства, его вклад в подготовку новых поколений музыковедов.

Ключевые слова: Ю. А. Илюхин, музыковед, чувашская музыка, фольклористика, искусство композиторов Чувашии

Для цитирования: Бушуева Л. И. Ю. А. Илюхин и современное музыковедение // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 104 — 111

© Бушуева Л. И., 2025

Scientific article

**Y A. ILYUKHIN AND MODERN MUSICOLOGY
(on the 100th anniversary of his birth)**

L. I. Bushueva

Chuvash State Institute of Humanities,
г. Cheboksary, Russia
niclub7@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the first Chuvash musicologist Y. A. Ilyukhin whose 100th anniversary is celebrated in 2025. The stage moments of his biography have been highlighted, the main directions of his activity have been revealed. The most significant works have been presented in the context of musical science of the region and the country, their significance has been highly evaluated by professionals. The role of Y. A. Ilyukhin of national culture and art development has been revealed, his contribution to the training of new generations of musicologists has been outlined.

Keywords: Y. A. Ilyukhin, musicologist, Chuvash music, folkloristics, the art of Chuvash composers

For citation: Bushuyeva L. I. Y. A. Ilyukhin and modern musicology // Modern humanities. 2025;1(2):104 — 111

Аслалӑх статийи

Ю. А. ИЛЮХИН ТАТА ХАЛЬХИ МУЗЫКА ТӢПЧЕВӢ (суралӑранпа 100 сӑл ситнӗ май)

Л. И. Бушуева

Чӑваш патшалӑх гуманитари аслалӑхӗсен институтӗ,
Шупашкар, Раççей
niclub7@gmail.com

Аннотаци. Статьяна чӑвашсен пӗрремӗш музыка тӢпчевӗсине Ю. А. Илюхина халалланӑ, вӑл суралӑранпа 100 сӑл ситнине 2025 ç. паллӑ тӑваççӗ. Унӑн биографийӗн уйрӑмах пӗлтерӗшлӗ саманчӗсене палӑртнӑ, ӗç-хӗлӗн тӢп сӑл-йӗрӗсене сӑтатнӑ. Чи паллӑ ӗçӗсене регион тата сӗр-шыв музыка аслалӑхӗн контекстӗнче тишкернӗ, вӗсен пӗлтерӗшне профессионалсен пыçӑк хаклавӗпе сирӗpletнӗ. Ю. А. Илюхинӑн наци культурипе ўнерне аталантарас ӗçри вырӑнне пайӑрлатнӑ, музыка тӢпчевӗсисен сӗнӗ ӑрӑвӗсене хатӗрлес ӗçри тўпине уçса панӑ.

ТӢп сӑмахсем: музыка тӢпчевӗси, чӑваш музыки, фольклористика, Чӑваш Ен композиторӗсен искуcтви

Цитатӑлама: Бушуева Л. И. Ю. А. Илюхин тата хальхи музыка тӢпчевӗ // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 2 №. С. 104 — 111

Введение

Имя музыковеда Юрия Александровича Илюхина всегда упоминается в кругу крупнейших личностей музыкальной культуры Чувашии второй половины XX в., наряду с композиторами Ф. М. Лукиным, Г. Я. Хирбю, Г. С. Лебедевым, Ф. С. Васильевым, В. А. Ходяшевым. Значение его деятельности для культуры этого периода огромно: он стал первым специалистом, с которым в чувашское искусствоведение пришло профессиональное осмысление проблем национальной музыки.

Материалы и методы

Основным методом исследования в данной статье является источниковедческий, работа опирается на научные источники, архивные материалы, рукописи, публикации из периодики. Фактологический, проблемно-хронологический и аналитический методы позволили обобщить результаты исследуемого материала.

Результаты исследования и их обсуждение

2025 г. — юбилейный для старейшины чувашского музыкознания, 13 февраля исполнилось 100 лет со дня его рождения. От отца, заведующего Ишакской школой колхозной молодежи, он перенял увлечение музыкой и литературой. Поступив в 12 лет в Чебоксарскую музыкальную школу в класс скрипки, в 1940 г. Юрий был переведен на подготовительный курс Чебоксарского музыкального училища и через год зачислен в студенты. Будущее виделось многообещающим: «...мы собрались на очередную репетицию ученического камерного оркестра. На этот раз нашу программу слушала комиссия с участием начальника управления по делам искусств при Совнаркомe Чувашской АССР, директора, завуча и преподавателей училища.

— Молодцы! Летом можете начать зарабатывать, мы поможем организовать гастроль оркестра по республике, — сказал нам тогда начальник управления по делам искусств В. Т. Ржанов. <...> Нас ждали интересные дни. Но вскоре все наши планы разрушились. Многие из нас ушли на фронт»¹.

Приехав осенью 1941 г., после закрытия училища, домой, до марта 1943 г. музыкант работал заведующим клубом, библиотекарем и пионервожатым в школе.

¹ Илюхин Ю. А. Музыканты Чувашии в годы войны. Рукопись // НА ЧГИГН. Отд. I. Оп. 1. Д. 15. Инв. № 6793. Л. 28.

Как только Юрию исполнилось 18 лет, в марте 1943 г. его мобилизовали в армию, где, освоив профессию радиотелеграфиста, он воевал против фашистских захватчиков до декабря 1945 г. на действующих фронтах. В составе 2-й гвардейской танковой армии участвовал в боях на Курской дуге, в Корсунь-Шевченковской операции, освобождал Украину, Молдавию, Румынию, Польшу, штурмовал Берлин. Умение играть на скрипке пригодилось ему в ансамбле «Джаз танкистов», с которым он выступал в конце войны в частях Красной Армии и на территории северной Германии. За боевые заслуги сержант Илюхин награжден орденом Отечественной войны II степени (1944) и одиннадцатью медалями.

Вернувшись домой и восстановившись в училище, Юрий начал работать скрипачом в симфоническом оркестре Чувашской филармонии. В эти же годы он был внештатным корреспондентом республиканских газет, где регулярно публиковал небольшие заметки. Непосредственное воздействие на его профессиональную судьбу оказал композитор С. М. Максимов, поддержавший увлечение музыкальной журналистикой и помогавший практическими советами. Началом своей музыковедческой деятельности сам Ю. А. Илюхин считал 1949 г., отмеченный работой над статьей «Чувашский народный певец» о Гавриле Федорове².

В Казанскую государственную консерваторию на теоретико-композиторский факультет музыкант поступил 25-летним. О том, как проходили занятия, об увлекательной и веселой студенческой жизни повествуется в воспоминаниях «Это было недавно, это было давно» Г. М. Кантора — известного казанского музыковеда, однокурсника Ю. А. Илюхина. О чувашском студенте там сказано немного: что он был фронтовиком, старше по возрасту остальных, стал впоследствии видным музыковедом и автором большого числа различных трудов. Свой рассказ о сокурсниках Георгий Кантор завершает так: «Наш маленький выпуск, я считаю, — один из самых удачных в истории музыковедческого факультета по своей результативности, высокому профессионализму, преданности музыковедческой профессии»³. Эти слова в полной мере можно отнести к научно-творческой деятельности Ю. А. Илюхина. В годы учебы студент продолжил работать внештатным корреспондентом газет «Коммунизм ялавл» и «Советская Чувашия», начал публиковаться во всесоюзном журнале «Советская музыка». На пятом курсе педагог по полифонии, видный композитор, наставник многих чувашских музыкантов Г. И. Литинский подарил студенту свою фотографию с примечательной надписью «Будущему Стасову (не сомневаюсь!!!) Чувашской Республики». С его легкой руки сначала в консерватории, а затем уже и в Чебоксарах Юрия Александровича нередко так и называли: «наш Стасов».

Творческие и научные связи Ю. Илюхина с Казанью не прерывались и в последующие десятилетия. Он публиковал статьи в журнале «Азат хатын», общался с учителями и коллегами на научных конференциях, творческих форумах, юбилейных мероприятиях. Намеревался писать диссертацию, в 1975 г. в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова сдал кандидатские экзамены по специальности «музыкальное искусство».

Возвратившись в 1955 г. в г. Чебоксары, музыковед стал заметной фигурой в кругу местной интеллигенции. Оставаясь почти двадцать лет единственным музыковедом, Илюхин вел масштабную и многогранную деятельность: выступал с

² Илюхин Ю. Чăваш халăх юрăси // Чăваш коммуни. 1950. Апрель, 5.

³ Кантор Г. М. Это было недавно, это было давно. Рукопись. С. 3. Личный архив Л. И. Бушуевой.

лекциями, сотрудничал с прессой, участвовал в фольклорных экспедициях, преподавал. В 1956 — 1961 гг. являлся научным сотрудником отдела литературы и фольклора ЧНИИЯЛИЭ (ныне ЧГИГН) при Совете министров Чувашской АССР, затем заведовал музыкальным вещанием на Чувашском радио (1961 — 1966), позже стал ответственным секретарем правления Союза композиторов Чувашии (1966 — 1998), параллельно работал в Чебоксарском музыкальном училище им. Ф. П. Павлова (1955 — 1979). Наиболее весомо он проявил себя в журналистике, ему принадлежит свыше 1300 публикаций в местной и центральной печати: заметки, статьи, рецензии, аналитические очерки о юбилейных датах, значительных событиях, персоналиях. Эту «летопись» музыкальной жизни дополняют 27 разнообразных в жанровом отношении научных работ: от отдельных статей (одна из которых была опубликована Болгарской академией наук в Софии) до публикаций обзорного характера и монографического исследования. Направления, разрабатываемые Ю. А. Илюхиным, охватили все стороны музыкальной культуры Чувашии. В поле его зрения было народное искусство, наследие Ф. П. Павлова, но более всего — вопросы современной художественной действительности и творчество профессиональных авторов.

Вскоре после окончания консерватории он подготовил материалы для главы «Музыкальная культура Чувашской АССР» в монографии «Музыкальная культура автономных республик РСФСР» [1] — первом масштабном исследовании музыкального искусства, изданном в послевоенные годы. Позже эта тема неоднократно обогащалась и дорабатывалась в других его трудах⁴. В дарственной надписи редактора издания Г. И. Литинского Ю. А. Илюхин назван одним из лучших авторов книги.

В период работы в ЧНИИЯЛИЭ музыковед записал около 300 чувашских народных песен в Чувашии, Татарии, Башкирии, Самарской и Ульяновской областях. Позже он выезжал в экспедиции вместе с венгерскими учеными Ласло Викаром и Габором Берецки, консультировал болгарских коллег Стояна Петрова и Николая Кауфмана. Наиболее известный его труд в области фольклористики — сборник «Чувашские народные песни. 620 песен и мелодий, записанных от Гаврила Федорова» (1969) [6], где музыковед является составителем и редактором, автором вступительной статьи и комментариев. Издание по сей день сохраняет безусловную ценность для фольклористов, композиторов и исполнителей.

Разнообразны материалы Ю. А. Илюхина о профессиональном искусстве. Скрупулезно фиксируя и систематизируя факты музыкальной культуры республики, он отразил ее историю за период 1917 — 1967 гг. в трех обзорных очерках, опубликованных в «Ученых записках» ЧНИИ [2 — 4]. По структуре они напоминают разделы из существующих исследований по истории отечественной музыки, где композиторское искусство в его основных жанрах (вокальном, инструментальном, сценическом) рассматривается на фоне процессов, происходящих в обществе, фольклоре, профессиональном и самодеятельном исполнительстве. Большое место во втором и третьем обзорах уделено Союзу композиторов Чувашии, членом которого Ю. А. Илюхин являлся с 1959 г., занимающему, как акцентирует автор, ведущее место в музыкальной культуре республики. Эта мысль аргументирована хроникой съездов, пленумов, постановлений Союза, характеристикой творческих

⁴ Монография «Музыкальная культура Чувашии. Чувашская народная музыка» (1961); глава «Музыка, пение, танцы» в коллективной монографии «Чуваши. Этнографические исследования» (1970); учебное пособие «Чувашская народная музыка» (1992); раздел о музыкальном искусстве в книге «Культура чувашского края» (1994).

достижений композиторов, каждому из которых посвящены отдельные строки. Ф. П. Павлов, Ф. М. Лукин, Г. Я. Хирбю и Г. С. Лебедев представлены более масштабно, скромнее отражено творчество С. М. Максимова, В. П. Воробьева, Г. В. Воробьева, В. М. Кривоносова, И. В. Люблина, Г. Г. Лискова, у других проанализированы самые показательные произведения. Выявляется общее и индивидуальное в тематике и стилистике, обращается внимание на методы и приемы работы с фольклором, отмечаются сильные и слабые стороны сочинений. Этот же материал в сокращенном варианте лег в основу шести разделов коллективного труда «История музыки народов СССР»⁵ позже использовался во множестве статей в «Советской энциклопедии», «Музыкальной энциклопедии», «Театральной энциклопедии», «Краткой чувашской энциклопедии», «Чувашской энциклопедии».

С жанром монографического исследования об отдельной творческой личности Ю. А. Илюхин впервые соприкоснулся в дипломной консерваторской работе, связанной с творчеством Ф. П. Павлова. Для его двухтомного «Собрания сочинений» позже музыковед подготовил критико-биографический очерк, летопись жизни и творчества, комментарии. Впоследствии работы о композиторах (статьи для периодики и энциклопедий, буклеты) заняли существенное место в его публикациях. Самая крупная из них — монография о Г. Я. Хирбю [5]. Биографические сведения в ней подкреплены большим количеством документальных и мемуарных материалов, затронуты исторические аспекты развития оперного, инструментального, кантатно-ораториального жанров, подробно представлены существующие варианты претворения в музыке сюжета поэмы «Нарспи» К. В. Иванова.

Чувашское композиторское искусство наиболее объемно отражено в книге «Композиторы Советской Чувашии»⁶. Представляя собой монографические очерки с биографией, анализом и оценкой значительных сочинений композиторов, она выделялась уникальностью и полнотой информации на фоне подобных изданий, вышедших в 1970 — 1980-е гг. в Татарии, Марийской Республике, на Украине, в Молдавии, Белоруссии и других регионах СССР. Помимо очерков, Ю. А. Илюхин написал развернутое предисловие, отразившее другие разрабатываемые им темы и представившее целостно развитие национального музыкального искусства.

Издание 1978 г. получило много откликов от специалистов — музыковедов, композиторов, исполнителей из других городов: Профессор Г. И. Литинский (г. Москва): «Большое-большое спасибо за присланную ценную книгу. Это большой успех Республики и ваш личный, с чем и очень поздравляю и желаю Вам новых больших творческих успехов»; Ю. В. Виноградов, музыковед, доцент Казанской консерватории: «Считаю эту книгу одним из лучших известных мне справочников о композиторах. Собственно, это больше, чем справочник, так как обширная и обстоятельная вводная статья является как бы кратким очерком истории чувашской музыки... Представляю себе, сколько труда, времени и терпения Вы вложили в эту книгу! Педантичность и обстоятельность фактологической стороны Вашего труда вызывают чувство большего уважения, тем более, что этот материал очень квалифицированно прокомментирован и с историко-музыковедческой стороны»; Г. М. Кантор, музыковед, кандидат ис-

⁵ История музыки народов СССР. Т. 1—5 / Институт истории искусств Министерства культуры СССР. Москва : Музыка, 1970 — 1974.

⁶ Илюхин Ю. А. Композиторы Советской Чувашии. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1978. 303 с.; 2-е изд., доп. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1982. 320 с.

кусствоведения (г. Казань): «Она (книга) на мой взгляд, очень хороша, полезна и незаменима как единственное справочно-познавательное пособие по чувашским композиторам»; С. Г. Нисневич, музыковед (г. Минск): «Ваша книжка интереснее нашей, так как основана не только на сухих фактах, а рисует творческие портреты композиторов. Это очень ценно!»; Л. В. Фейгин, композитор (г. Москва): «Хочу Вас поблагодарить за Ваш огромный и в высшей степени добросовестный труд, который сохранит вечную память о преданных своему искусству и своему народу музыкальных деятелях»; Г. С. Максимова, пианистка, дочь композитора С. М. Максимова (г. Москва): «Как хорошо, что Вы написали, вернее, создали такую нужную книгу. Мне очень нравится Ваш безукоризненный литературный стиль, полный доброжелательности и высокого профессионализма»⁷.

Достоинства издания отметили также чувашские композиторы: Г. А. Анчиков: «Я восхищен вашей книгой и самым сердечным образом поздравляю Вас с такими огромным творческим успехом. Всей душой присоединяюсь к всеобщему голосу, который благодарит Вас, дорогой Юрий Александрович, за то, что Вы такой есть в чувашской музыке, в большой советской культуре»; М. А. Алексеев: «Эту книгу я ждал давно и, зная серьезность и трудолюбие автора, заранее радовался ее успеху... В книге больше всего поражает огромное количество документов, собранных о чувашских композиторах за многие годы... Первая подобная книга, вобравшая в себя столько сведений о всех композиторах Чувашии — это и неоценимый вклад в сокровищницу нашей национальной культуры, и прекрасный подарок как для любителей музыки, так и для широкого круга читателей»⁸.

В 1982 г. книга была переиздана, а в 1990-е гг. автор продолжал собирать материалы для третьего варианта. Но осуществить этот замысел удалось лишь в 2014 г., когда в Чувашском книжном издательстве вышла книга из двух частей «Композиторы Чувашии»⁹. По договоренности с Ю. А. Илюхиным Л. И. Бушуева скорректировала с учетом современных подходов к наследию советского времени и публикаций последних десятилетий очерки первой части «Композиторы Советской Чувашии» и написала новый раздел о современных авторах конца XX — XXI в.

Много внимания музыковед уделил теме Великой Отечественной войны, первым обозначив вклад чувашских музыкантов в приближение Победы. В НА ЧГИГН хранится его рукопись «Музыканты Чувашии в годы войны» (1991) с бесценной информацией о специальностях, военных званиях, видах войск, месте службы, наградах многих участников войны. Музыковед вел обширную переписку, тщательно уточняя все детали. Благодаря собранным сведениям выяснилось, что «среди тех, кто сражался на фронте с оружием в руках, были танкисты, артиллеристы, саперы, автоматчики, авиаторы, политработники и связисты (их было особенно много). Некоторые из них стали командирами Красной Армии и имели звания майора, капитана, старшего лейтенанта, лейтенанта и т. д. Большая группа чувашских музыкантов-фронтовиков отмечена орденами Славы, Красной Звезды, Отечественной войны, медалями»¹⁰. Эти малоизвестные факты не потеряли своей актуальности, они позволили по-новому оценить музыкальную культуру военного времени.

⁷ Илюхин Ю. А. Документы к биографии // НА ЧГИГН. Отд. II. Оп. 1. Д. 1. Л. 28 — 31.

⁸ Там же. Л. 30.

⁹ Бушуева Л. И., Илюхин Ю. А. Композиторы Чувашии. Биобиблиографический справочник. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2014. 511 с.

¹⁰ Илюхин Ю. А. Музыканты Чувашии в годы войны. Рукопись // НА ЧГИГН. Отд. II. Оп. 1. Д. 15. Инв. № 6793. Л. 29.

Среди обучавшихся у Ю. А. Илюхина студентов Чебоксарского музыкального училища были представители следующего поколения музыковедов М. Г. Кондратьев, С. И. Макарова, А. А. Осипов, продолжившие исследование обозначенных им тем. На новом уровне многие начинания старейшины чувашской музыкальной науки осуществил М. Г. Кондратьев, неоднократно ездивший в фольклорные экспедиции, внесший большой вклад в фольклористику, изучивший в межнациональных связях проблематику традиционной культуры, затронувший вопросы стиля, жанра, формы, тематики, творчество композиторов, музыкальное исполнительство и образование. С. И. Макарова стала начинателем музыкальной тележурналистики, благодаря ей появились долгосрочные образовательно-просветительские проекты «Чувашия музыкальная», «Мастера искусств», «Представляем молодых», ее публикации в периодической печати осветили разные стороны современной музыкальной действительности. М. Г. Кондратьев и С. И. Макарова завершили начатую Ю. А. Илюхиным работу — подготовили раздел о развитии чувашской музыки в 1978 — 1987 гг. для VII заключительного тома «Истории музыки народов СССР»¹¹. А. А. Осипов занимался экспедиционной практикой и фольклористикой, создал на телевидении циклы передач «Ўнер тёнчи» («Мир искусства») и «Ўнер а́тисем» («Мастера искусств»). Таким образом, «летопись» Ю. А. Илюхина получила развитие на новом уровне и в ином формате. В начале XXI столетия проблемы национальной музыки получили разработку в диссертационных исследованиях И. В. Даниловой, С. В. Ильиной, Л. И. Бушуевой. И. В. Данилова занималась историей отечественной музыки XX в., в том числе историей чувашской национальной композиторской школы, С. В. Ильина рассмотрела региональные аспекты национальной музыкальной ритмики, Л. И. Бушуева проанализировала явления чувашской профессиональной музыки сквозь призму фольклоризма.

Как ответственный секретарь правления Союза композиторов Чувашии Ю. А. Илюхин консультировал и оказывал помощь многим авторам. К знатоку чувашского фольклора в поисках свежего и оригинального тематизма обращались композиторы разных поколений, и не только чувашские. С его подачи А. Я. Эшпай включил в свой Концерт для гобоя с оркестром одну из предоставленных Илюхиным десяти мелодий — известную чувашскую народную свадебную мелодию «Тухать-и те» («Выходит ли невеста»). Привлекло композиторов поэтическое творчество музыковеда, вдохновившее Г. А. Анчикова, Ф. М. Лукина и А. В. Асламаса на создание песен, романсов, хоров. На текст Ю. А. Илюхина Ф. С. Васильев написал кантату «В пионерском лагере». Помимо множества заметок, рецензий и статей в газете «Советская Чувашия» была особая постоянная рубрика «Анекдоты от Илюхина».

Заключение

Юрий Александрович Илюхин ушел из жизни 1 марта 2014 г., оставив заметный след во всех основных жанрах и областях музыковедения. Он зафиксировал события музыкальной жизни республики второй половины XX в., осветил деятельность и роль Союза композиторов в культуре данного периода, обозначил проблемы жанра и стиля, заложил основу для последующих исследований музыковедов. Огромный вклад Ю. А. Илюхина ощутим не только в XX, но и в XXI столетии. Его замыслы продолжают воплощаться и в наше время, наполняясь новым содержанием и обретая современные формы.

¹¹ Кондратьев М. Г., Макарова С. И. Чувашия // История музыки народов СССР. Т. VII. Вып. 2. Москва : Советский композитор, 1997. С. 215 — 225.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Илюхин Ю. А. Музыкальная культура Чувашской АССР // Музыкальная культура автономных республик РСФСР. Москва : Музгиз, 1957. С. 293 — 330.
2. Илюхин Ю. А. Развитие чувашской советской музыки в 1917 — 1945 годах // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 35. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1967. С. 51 — 85.
3. Илюхин Ю. А. Музыкальная культура Чувашии в 1945 — 1956 гг. // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 42. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1969. С. 104 — 115.
4. Илюхин Ю. А. Развитие чувашской советской музыки в 1957 — 1967 гг. // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 50. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1970. С. 28 — 72.
5. Илюхин Ю. А. Григорий Хирбю. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1985. 136 с.
6. Чувашские народные песни: 620 песен и мелодий, записанных от Гаврилы Федорова: Для пения (соло, хор) без сопровожд. / сост. и муз. ред., автор вводной статьи и коммент. Ю. А. Илюхин; переложение текстов песен с чуваш. на рус. яз. Н. Ф. Евстафьева и Н. С. Павлова; с примеч. Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1969. 351 с.

REFERENCES

1. Ilyukhin Y. A. Musical Culture of the Chuvash ASSR // Musical Culture of Autonomous Republics of the RSFSR. Moscow; 1957:293 — 330. (In Russ.)
2. Ilyukhin Y. A. The development of the Chuvash Soviet music in 1917 — 1945 // Scientific Notes [Chuvash research center]. Ser. 35. Cheboksary; 1967:51 — 85. (In Russ.)
3. Ilyukhin Y. A. Musical culture of Chuvashia in 1945 — 1956 // the scientific notes of the Chuvash research institute. Ser. 42. Cheboksary; 1969:104 — 115. (In Russ.)
4. Ilyukhin Y. A. The development of Chuvash Soviet music in 1957 — 1967 // Scientific Notes of the Chuvash research center. Ser. 50. Cheboksary; 1970:28 — 72. (In Russ.)
5. Ilyukhin Y. A. Grigory Khirbyu. Cheboksary; 1985:136. (In Russ.)
6. Chuvash folk songs: 620 songs and melodies recorded from Gavril Fedorov: For unaccompanied singing (solo, chorus) / compiler and music editor, author of the introductory article and commentary. Y. A. Ilyukhin; arrangement of lyrics from Chuvash into Russian by N. F. Evstafiev and N. S. Pavlov; with notes. Cheboksary; 1969:351. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.04.2025;
одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 05.05.2025

Информация об авторе:

Бушуева Любовь Ивановна, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1), кандидат искусствоведения, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1132-70555>, niclub7@gmail.com

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 24.04.2025;
approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 05.05.2025

Information about the author:

Lyubov I. Bushuyeva, senior researcher at the Chuvash State Institute of Humanities (29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia), candidate of Arts, associate professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1132-70555>, niclub7@gmail.com

*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 24.04.2025 ситнӗ;
рецензиленӗ хыççӑн 30.04.2025 ырланӑ; 05.05.2025 пичете йышӑннӑ

Автор çинчен:

Бушуева Любовь Ивановна, Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхӗсен институчӗн аслăлăх аслă ёстетӗшӗ (428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.), искусствоведени кандидатчӗ, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1132-70555>, niclub7@gmail.com

*Пайталăх конфликтчӗ: автор пайталăх конфликтчӗ çуккине пӗлтерет.
Автор ал сӑрăвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.*

УДК 75.03

ББК 85.143(2Рос.Чув)

Научная статья

РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ЧУВАШИИ В ЗЕРКАЛЕ НОВОЙ ЖИЗНИ (ЖИВОПИСЬ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)

А. И. Мордвинова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,

г. Чебоксары, Россия

amordvinova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается художественная жизнь Чувашии, сложившаяся в результате политических перемен в стране в последней четверти XX столетия. В традиционном реалистическом искусстве нарождались глубокие изменения, которые обнаруживаются в творчестве ведущих художников академической школы. Кризис, вызванный утратой идеологических основ соцреализма, особенно ярко проявился в крупноформатных произведениях Н. Овчинникова, Н. Карачарского, Р. Федорова и П. Павлова, представленных на выставке «Большая Волга — VI» в 1985 г.

Исторический жанр в живописи, наиболее емко передающий характер и проблемы современности, ранее не рассматривался в чувашском искусствоведении.

Ключевые слова: изобразительное искусство Чувашии конца XX в., соцреализм, выставка «Большая Волга — VI», исторический жанр, кризис жанра

Для цитирования: Мордвинова А. И. Реалистическое искусство Чувашии в зеркале новой жизни (живопись последней четверти XX века) // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 112 — 128

© Мордвинова А. И., 2025

Scientific article

THE REALISTIC CHUVASH ART IN THE MIRROR OF NEW LIFE (PICTORIAL ART OF THE LAST QUARTER OF 20th CENTURY)

A. I. Mordvinova

Chuvash State Institute of Humanities,

г. Cheboksary, Russia

amordvinova@yandex.ru

Abstract. The article deals with the artistic life of Chuvashia formed as a result of political changes in the country in the last quarter of 20th century. Profound changes occurred in the traditional realistic art resulting in the work of academic school 'leading artists. The crisis caused by the loss of ideological foundations in socialist realism brightly manifested in large-format works by N. Ovchinnikov, N. Karacharskov, R. Fedorov and P. Pavlov presented at the exhibition «Big Volga — VI» in 1985. The historical genre in pictorial art conveying the character and problems of modernity has not been considered in Chuvash art earlier.

Keywords: pictorial art of Chuvashia at the end of 20th century, socialist realism, the exhibition «Big Volga — VI», historical genre, crisis of genre

For citation: Mordvinova A. I. The realistic Chuvash Art in the mirror of new life (pictorial art of the last quarter of 20th century) // Modern humanities. 2025;1(2):112 — 128

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ЕНЁН РЕАЛИЗМЛА ИСКУССТВИ СЁНЁ ПУРНĂС ТЁКЁРЁНЧЕ (XX ЁМЁРЁН ЮЛАШКИ ЧЁРЁКЁНЧИ СĂРĂ ЎНЕРЁ)

А. И. Мордвинова

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхёсен институтё,
Шупашкар, Раççей
amordvinova@yandex.ru

Аннотаци. Статъяра XX ёмёрен юлашки чёрёкёнче Раççейри политика улшăнăвёсене пула Чăваш Енре йёркеленнё сăнар ўнерён пурнăсне пăхса тухнă. Йăлана кёне реализмла ўнерте пысăк улшăнусем пулса иртнё, сăкă академи школён сумлă ўнерçисен пултарулăхёнче те курăнать. Социализм реализмён идеологи никёсё арканни уйрăмах Н. Овчинниковăн, Н. Карачарсковăн, Р. Федоровăн тата П. Павловăн 1985 ç. «Пысăк Атăл — VI» курава тăратнă пысăк калăпăшлă ёçёсенче палăрать.

Сăрă ўнерёнче пирён саманан кăмăл-туйăмёпе сивёч ыйтăвёсене туллин те анлăн кăтартакан историлле жанра чăваш ўнер аслăлăхёнче халиччен тишкермен.

Тёп сăмахсем: Чăваш Енён XX ёмёр вёçёнчи сăнар ўнерё, соцреализм, «Пысăк Атăл — VI» курав, историлле жанр, жанр кризисё

Цитатăлама: Мордвинова А. И. Чăваш Енён реализмла искусстви сёне пурнăс тёкёренче (XX ёмёрен юлашки чёрёкёнчи сăрă ўнерё) // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 2 №. С. 112 — 128

Введение

В современном искусствоведении начиная с конца XX в. пристальный интерес исследователей вызывали авангардные идеи и художественные направления, представленные на выставках нового формата. В отличие от них мощное явление реалистического искусства, получившее тенденциозный термин «соцреализм», надолго оставалось почти без внимания исследователей. Постепенно ситуация меняется, и взгляд на искусство XX столетия с его богатейшим наследием, россыпью стилистических направлений и повторений прошлого становится более широким и объективным. Среди этого разнообразия реалистическое искусство, взрастившее в академических школах профессиональных живописцев, графиков и скульпторов, предстает на чувашской почве наибольшей и лучшей частью изобразительной истории.

Материалы и методы

В настоящей статье основное внимание сосредоточено на живописи — виде искусства, которому служит большая часть художников Чувашской Республики. Именно в живописи наиболее полно выражены идеи и творческие достижения прошедшего столетия, так же, как и новые веяния, связанные со сменой всей общественно-политической жизни в стране. Рассмотрение сущностных черт, в 1980-е гг. еще не очевидных, но уже обозначившихся, является основной задачей автора. Материалом для этого стали крупноформатные полотна ведущих мастеров Чувашии, показанные на зональной выставке «Большая Волга — VI», определившие, на наш взгляд, состояние живописи реалистического направления в последние десятилетия XX в. Их стилистический и качественный с точки зрения академической реалистической школы анализ, а также рассмотрение вопроса в историческом контексте является основным методом работы.

Результаты исследования

Рассматривая искусство двух последних десятилетий прошлого века, понимаешь, как слова выдающегося русского философа и литературного критика В. Г. Белинского правдивы и применимы ко многим явлениям искусства нашего народа. Он писал: «На Руси все растет не по годам, а по часам, и пять лет для нее — почти век» [2, с. 174]. Восьмидесятые и девяностые годы XX в. «революционные», если иметь в виду несколько предыдущих десятилетий стабильной художественной жизни советского времени. Во всяком случае, художники послевоенных сороковых и, далее — пятидесятих-семидесятых годов, в официальном своем статусе чувствовали абсолютную уверенность в выборе «единственно правильного», реалистического пути развития искусства. Деятельность нескольких групп андеграунда и зарождающееся творчество молодых художников-шестидесятников «сурового стиля» не поколебало уверенности в этом, и внешне мало что изменило в общей картине художественной жизни страны. Новые течения уже снисходительно допускались чиновниками и мэтрами от искусства в музеи и выставочные залы разного уровня. Но перемены в профессиональном изобразительном искусстве, как и в любой другой духовной области жизни, уже назрели, внутренняя перестройка началась гораздо раньше. Критическое отношение к советской реальности формировалось в недрах окружающей действительности, стало обыденностью и нормой в быту. Столичная художественная среда второй половины восьмидесятых, прежде всего московская, уже обрела слой бурлящего андеграунда, который невозможно было погасить бульдозером, как это случилось в 1974 г.¹

В творчестве российских художников после распада страны СССР наметились два пути. Отметив один из них как кардинальный отказ от традиционного реализма советского времени и обращение к русскому авангарду начала XX в. или современному западному, обратимся к другому — «новой» жизни этого реализма, вовсе не потерявшему первенствующее положение. В непростых социально-политических условиях, получив толчок извне, традиционный академический реализм также искал выходы из внутреннего кризиса.

В изобразительном искусстве Чувашии последних десятилетий XX в. также обозначились протестные направления. Волна энергии выплеснулась в первую очередь в экспозициях молодежных выставок в Чебоксарах. К этому времени чувашская культура также была растревожена такими выдающимися именами, как Анатолий Миттов и Геннадий Айги. Их свободное от идеологии творчество сформировалось задолго до «перестройки» — в шестидесятые годы. В конце восьмидесятых и девяностых общество отметило эти перемены яркими выставками в Чувашском государственном художественном музее — Первой республиканской молодежной выставкой и еще несколькими экспозициями, привезенными извне — Москвы и стран Европы².

Они стали объектом горячего обсуждения, именно им было отдано информационное поле того времени. Сегодня публикации обретают аналитический

¹ Известная «бульдозерная» выставка московских художников-нонконформистов, прошедшая 15 сентября 1974 г.

² В 1985 г. в Чувашском художественном музее открылась выставка московской «неофициальной» художницы Ольги Брель, в 1989 г. — первая зарубежная выставка «Творчество режиссера Антуана Витеза» (Франция), подготовленная Г. Айги, в 1995 г. — «Графика Ханса Викстена» (Швеция) и др.

и обобщающий характер, а материалы, зафиксировавшие события того времени «по горячим следам», становятся основой капитальных монографий. Однако именно реалистическое искусство определило высокий уровень всех видов и жанров советского искусства³. С необходимым отдалением от этого времени, на исходе четверти уже сегодняшнего столетия, соцреализм воспринимается нами как яркая концептуальная программа, во многом утопичная, но получившая воплощение в произведениях крупнейших мастеров страны. Творческое наследие традиционной русской академической школы, реализованной в условиях идеологического прессинга, в ракурсе современной жизни представляется уникальным явлением мировой художественной культуры.

В течение XX столетия, сделав неуверенные шаги в первой его половине, в 1960 — 1980-е гг. художники-реалисты достигли высот живописного мастерства. Об этом писали искусствоведы Н. А. Ургалкина, А. Г. Григорьев и другие авторы, освещавшие в то время события чувашского изобразительного искусства. Надо отдать должное Ю. В. Викторову, издавшему в 2018 г. книгу «Чувашская станковая живопись XX века». Она стала своеобразной летописью художественной жизни Чувашии, наполненной именами и произведениями этого вида искусства [3]. Соглашаясь с его периодизацией истории чувашского искусства, в котором отдельными главами были рассмотрены 1960 — 1980-е и 1990-е гг., мы сообразно невероятно сложной, скрепленной рождением новой художественной парадигмы позволим себе объединить последние два с половиной десятилетия ушедшего столетия в единый блок. Они никогда не рассматривались целокупно, в последовательном движении и во множестве причинно-следственных связей составляющих, так же, как не рассматривалось в разрезе исторических обстоятельств творчество отдельных художников.

Нижней границей нашего исследования является зональная выставка «Большая Волга — VI», состоявшаяся в 1985 г. на территории построенного к этому времени в Чебоксарах нового здания Чувашского государственного художественного музея. Столь грандиозной экспозиции до этого времени в республике не осуществлялось никогда. Почти тысячу произведений всех видов искусства представили регионы Средней Волги. Не только для чувашской культуры, но и всех республик и областей, входящих в зону «Большой Волги», она стала, на наш взгляд, последней демонстрацией достижений советского искусства. В предисловии каталога выставки искусствовед А. Г. Григорьев писал: «Шестая выставка зоны “Большая Волга” развивает социально важные традиции советского искусства, закрепляет достижения, имеющиеся в творческом активе художников Поволжья. Это прежде всего идейная направленность творчества...», что было справедливо [5, с. 3]. Следующая «Большая Волга» прошла в Казани в 1991 г. и заметно отличалась от предыдущих отсутствием идейной целостности, а значит и крупноформатных полотен на производственную, военную, «ленинскую» темы — того основного сюжетного материала, который раньше демонстрировал достижения общества во всех сферах жизни. На казанской выставке немного было и произведений бытового жанра, но на ней впервые появились работы новых направлений изобразительного искусства.

³ Хотя внутри этого сообщества не все было просто: существующая иерархия в системе Союза художников создавала подчас конфликтные взаимоотношения между его членами. Мы знаем судьбоносные последствия этого.

Выдающееся значение «Большой Волги — VI» для художественной культуры Чувашии абсолютно. Она позволит исследователям еще не раз обратиться к ней за ответами на вопросы не только о прошлом, но и настоящем времени, выделить моменты, которые обеспечили в дальнейшем важные перемены в искусстве.

Прежде чем говорить о сущности вопроса, хотелось бы зафиксировать то ощущение большого праздничного события, которое выставка оставила во многом благодаря картинам, посвященным победе в Великой Отечественной войне. Ее сорокалетие как раз отмечалось нашей страной в 1985 г., и ей была посвящена значительная часть картин. Именно в эти годы, на наш взгляд, зарождалось понимание величия подвига и самопожертвования уходящего уже поколения участников этой войны. Начинало формироваться то особое отношение к ней, в которой соединились для советского народа и горькое осознание утрат, и невероятное по силе пережитого чувства радости, даже счастья. Эта тема была метафизическим скрепом экспозиции. В картинах, посвященных войне, было менее всего «социального заказа». Центральными в этой категории стали картины «Однополчане» Г. В. Черноскутова (Волгоград), «Комбат» В. Ф. Жемерикина (Нижний Новгород), «На курской дуге» В. Ф. Летянина, «Ополчение» В. А. Сафронова (Ульяновск), «Девчата сороковых» А. В. Сайкиной (Нижний Новгород). Из чувашских художников на эту тему представили картины только С. И. Алатов — «Колоски (Трудные годы)», В. И. Белов — «Чувашия — Белоруссии. Весна 1944 года», которые стилистически продолжили линию живописи 1950-х гг. с их камерностью и простотой замысла, а также К. В. Владимиров — «Проводы на войну». В картине последнего были явлены черты сурового стиля. На выставке также было множество достойных портретов участников Великой Отечественной войны.

Что касается остальной, большей части экспозиции, то на «Большой Волге — VI» были представлены лучшие творческие силы региона. Поставленную проблему, на наш взгляд, логично решать на примере картин чувашских художников большого формата в полном значении этого понятия. На этой выставке в последний раз было показано значительное их количество, и повторить такое представительство не удалось с тех пор ни разу. Тем не менее живописные полотна большого размера (отнесем их условно к историческому жанру) никогда отдельной темой, вкупе и в контексте времени, не рассматривались. Можно сказать, что чувашское искусствоведение пока не предприняло системного подхода к этому богатейшему материалу, накопленному за столетний период развития чувашского искусства.

Авторами больших полотен были художники старшего поколения живописцев — главные «картинщики» второй половины XX столетия — Р. Ф. Федоров, Н. В. Овчинников, Н. П. Карачарсков и П. В. Павлов. Все они успели ярко проявить свой талант и уже получить признание в 1960-е и 1970-е гг., представляя и прежде чувашскую живопись крупноформатными произведениями на масштабных всероссийских выставках. Н. П. Карачарсковым ранее были созданы многофигурные картины «Перед собранием (Мужики)» (1967), «О нас пишут» (1969) и «Братья Ульяновы» (1969 — 1970), в которых художник сумел выразить дух времени и показать себя как великолепный рисовальщик, живописец и мастер композиции. Тогда же Н. В. Овчинников написал полотно «Здравствуй, земля!» (1962 — 1963), Р. Ф. Федоров — два варианта картины «Сеспель» (1968, 1969), а П. В. Павлов — «Ополченцы Красной гвардии» (1969). Справедливости ради надо назвать имя художника В. Д. Чуракова, который в 1969 г. создал выдающее-

ся как по содержанию, так и по живописному качеству монументальное полотно «Будни 20-х годов» (х., м. 200 × 300). В дальнейшем художник сосредоточился на портрете, подтвердив и в этом жанре высокий профессионализм.

Теперь на «Большой Волге — VI» Р. Ф. Федоров показал «Фреску о хлебе» (1985. 260 × 365), Н. В. Овчинников — «Навеки вместе (Встреча Ивана Грозного с посланцами чувашского народа по пути следования в Казань в 1554 году)» (1981 — 1985. 270 × 486), Н. П. Карачарсков — «Чувашскую рапсодию» (1985. 280 × 460), П. В. Павлов — «Похороны коммунара» (1985. 220 × 450). Сам выбор темы требовал от художников монументального решения. Как видим, каждая из них по большей стороне приближается к четырем метрам и даже более. Н. В. Овчинников и Н. П. Карачарсков превосходили по размеру и количеству действующих лиц все, что создавалось в чувашской живописи прежде, непревзойденными они остались до сегодняшнего дня. С одной стороны, эта смелость делает им честь. Достигнув успехов в бытовом жанре и получив признание как лучших в республике живописцев этого плана, несомненно, художники ставили перед собой новые, более сложные задачи. Но, несмотря на признание этих произведений высшим достижением чувашского искусства в историческом жанре, этот опыт трудно назвать успешным: картины показали пределы их возможностей: ни Овчинников, ни Карачарсков не смогли сохранить достигнутого в прежних работах мастерства. Главной причиной, по нашему мнению, стал метод реалистического воспроизведения фигур и предметов, которым они привычно пользовались в станковой картине и за рамки которого не смогли выйти. Необходимая степень монументализации могла быть достигнута предельно строгим выбором деталей, их ранжиру и, конечно, иными приемами в письме. Как оказалось, техника выполнения, используемая в станковой живописи, мало подходит для монументальной картины, хотя в истории русской живописной школы это случалось. Репин и Суриков сделали это исключительно благодаря блестящей живописной технике и художественному замыслу, равному исторической значимости события, заключив в картину всю его драматическую суть⁴.

По поводу сказанного надо обратить внимание на устоявшиеся оценочные категории в чувашском искусствоведении. На наш взгляд, назрела необходимость объективного анализа не только художественного наследия республики, но и разговора о состоянии искусствоведческой науки, часто обретающий репрезентативный характер. Этот подход имеет местечковый уровень, когда оценка произведений происходит по заниженным критериям и сообразно сложившейся иерархии имен. Такое положение вещей было очевидным, но общепринятым. Обосновать это заявление можно на примере творчества народного художника РСФСР и Чувашии Н. В. Овчинникова и оценки в публикациях его монументального полотна «Навеки вместе», коли мы коснулись показательной во многих смыслах выставки «Большая Волга — VI». В чувашской живописи и искусствоведческой литературе это масштабное полотно не могло быть незамеченным. Его размеры, оптимистический строй, ясность замысла и простота характеристик действующих лиц производят впечатление. Все упоминавшие об этой картине подробно описали событие, его участников и место действия. Ю. В. Викторov пишет о том,

⁴ Картина И. Е. Репина «Крестный ход в Курской губернии» имеет размер 178 × 285,4 см; картины В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни» — 218 × 379 см и «Боярыня Морозова» — 304 × 587,5 см.

Ил. 1. Н. В. Овчинников. Навеки вместе (Встреча Ивана Грозного с посланцами чувашского народа по пути следования в Казань в 1554 году). 1980 — 1985. ЧГХМ

что тему художник решил «торжественно-празднично, максимально используя известные ему средства реалистической живописи» [3, с. 120]. Эта оценка отчасти верна, но не полна. Картину описал и дал высокую оценку почти каждый автор вышедшего в 2017 г. отдельным изданием сборника статей, посвященного 100-летию со дня рождения Н. В. Овчинникова. В него были включены и материалы научно-практической конференции под названием «Образная система в отечественной живописи второй половины XX века и художественные принципы Н. В. Овчинникова» [7]. Его содержание мало отвечает названию, так как и конференция, и сборник осуществлялись исключительно к юбилейному чествованию художника. Ни одна статья не нарушила приподнято-праздничного характера текстов⁵. Вслед за Ю. В. Викторовым картину «Навеки вместе» описывает А. Н. Автономова. Обозначив исторический факт, отметив «торжественность и величие выдающегося события» и «суриковский масштаб» полотна, она снова ограничивается ставшими общим местом характеристиками [1, с. 40]. В сборнике можно отметить в первую очередь статью А. А. Трофимова «Мастер академической реалистической живописи», в которой он касается среди прочих и картины «Навеки вместе». Справедливо отметив кризис исторического жанра в изобразительном искусстве Чувашии, Трофимов выделяет эту картину в качестве «крупного события» и дает кроме внешнего описания анализ композиционных приемов, касается

⁵ Появление такого рода изданий в 2017 г. кажется лишенным смысла предприятием или, в лучшем случае, свидетельством формального подхода к делу. Это вопрос качества искусствоведческой науки в Чувашии.

как художественных достоинств, так и просчетов, хотя достоинства он находит и там, где их нет.

На наш взгляд, выбор Н. В. Овчинниковым места действия в картине «Навеки вместе» — высокий берег Волги — верен и композиционно оправдан. Помещенные на полотне более семидесяти человек сгруппированы тесно, давая ощущение многочисленной толпы, этому же способствует перспективный выход второго плана в широкое пространство Волги. Характерная для художника живописная пестрота грамотно собрана тонально, яркие цветовые пятна концентрируют внимание зрителя на главных героях. Однако очень сложно не замечать в картине шаблонность композиционных и «заученность» живописных приемов художника, что, впрочем, есть во всех его полотнах. Внутренняя зависимость от академических стандартов, которые для больших художников становятся лишь основой для самостоятельного движения в творчестве, никогда не были преодолены Н. В. Овчинниковым. Живописный талант и трудолюбие позволили ему подняться на вершины официального искусства, и в этих рамках он единственный в чувашской живописи, кто в течение десятилетий поднимал самые актуальные темы времени — от первого трактора на селе до космонавта А. Г. Николаева в советское время и от императора Николая II до Нарспи в постсоветские годы. В этом его значимость и историческое оправдание. Назвать же в картине «Навеки вместе» творческой удачей неравнозначные по исполнению группы и отдельных персонажей невозможно. Они лишают качества всю картину, дают ощущение того, что художник на втором плане компоновал лишь головы, опуская работу над фигурами и их размещением в пространстве. Желание автора большой картины показать характеры и эмоции всех героев картины дает эффект понижения главной идеи полотна, заявленного быть монументальным. Поэтому большое внимание к их лицам, многие из которых очень выразительны, рождает «вялость» многих частей картины, а излишняя многословность деталей говорит о том, что художнику такой формат картины оказался не под силу. Хотя фрагмент с главными героями события в центре композиции, умело организованной цветом, позволяет сохранить ее внешнюю цельность.

Важно, на наш взгляд, рассмотрение любого произведения в контексте событий и духовных запросов времени. В этом смысле интересны высказывания московских искусствоведов, писавших в свое время о чувашских художниках. Так, Н. В. Воронов, статья которого прослеживает эволюцию раннего периода творчества Овчинникова до начала 1980-х гг., верно отмечает его значение «в общей истории чувашского изобразительного искусства», которое «...примерно до середины 1940-х годов страдало от недостатка высокой профессиональности. Овчинников внес в чувашскую живопись начала академического мастерства, уверенной точности в рисунке, понимания законов композиции, колористической гармонии и специфики всех других компонентов реалистической выразительности» [4, с. 94]⁶. Это верно по отношению к его раннему творчеству, когда мировоззрение художника органично проистекало из социальной реальности. К сожалению, последующие произведения Н. В. Овчинникова никем не проанализированы в такой полноте, как это сделал Н. В. Воронов. Искусствоведы и все писавшие о художнике привычно переносили оценочный анализ произведений

⁶ Добавим, что заслуга в привнесении «начала академического мастерства» и повышения качества живописи принадлежала, в первую очередь, Р. М. Ермолаевой и В. С. Гурину.

Ил. 2. Н. П. Карачарсков. Чувашская рапсодия. 1985. ЧГХМ

времени расцвета и создания лучших произведений на более поздние работы, утратившие эти качества. Картина «Навеки вместе» оказалась пограничной в его творческой истории, сохранив еще многое из профессионального арсенала мастера его более ранних картин.

Художественное мышление Н. В. Овчинникова было сформировано в середине XX столетия. Законы соцреализма в изобразительном искусстве были восприняты им и выражены в характерных для этого направления произведениях. В период становления соцреализма из-под кисти советских художников рождались полотна понятного, однозначного содержания, повествующие о «хорошем» и «плохом» в жизни. В период расцвета этого направления заметную роль в выборе темы стала играть конъюнктурная составляющая искусства. В творчестве Н. В. Овчинникова имели место обе стороны явления. Ему всегда удавалось первым реализовать в живописи актуальную историю и писать на самые злободневные темы. С наступлением в стране «перестроечных» тенденций художник быстро освоил современную тематику, и героями его полотен стали события и лица, пришедшие на смену тем, кого воспевало советское искусство. На наш взгляд, в этом, а не только по причине уважаемого возраста, состояла его профессиональная немощь в поздний период творчества. На смену В. И. Ленину и передовикам труда чередой пошли картины, изображающие Иакинфа Бичурина с А. С. Пушкиным, И. Я. Яковлева с императором Николаем II, архитектора XVIII в. Петра Егорова — тех лиц и событий, которые стали востребованы современным обществом.

Большой эволюционный путь прошел и другой видный чувашский художник Н. П. Карачарсков. На рассматриваемой выставке он представил еще более многолюдную, нежели Овчинников, картину «Чувашская рапсодия». Значимость ее состоит в том, что художник писал персонажей с реальных людей, своих современников, которых он знал. Знаменитые в Чувашии люди — герои труда, участники Великой Отечественной войны, космонавт А. Г. Николаев, государ-

ственные деятели, писатели, труженики села, пионеры — заполнили плотно огромной массой в пространстве характерного для Чувашии ландшафта. Объемно прописанные фигуры первого плана портретны и узнаваемы, что значительно прибавляет ценности полотну, делая его документом истории, так же, как и сюжет картины, представляющий народный праздник «Акатуй» и получивший в советское время название Праздника песни и труда. Проводимый с давних времен в честь окончания весенних полевых работ, он был самым масштабным, что и стало для художника поводом изобразить многих прославившихся людей республики.

Однако необходимо сказать о главном качестве полотен Н. П. Карачарскова. Он обладал, несомненно, выдающимся талантом. Не имея высшего специального образования, он в совершенстве усвоил в Чебоксарском художественном училище уроки своих учителей — выпускников Академии художеств В. С. Гурина, Е. Е. Бургулова и Р. М. Ермолаевой. Оригинальность сюжетов, новизна композиционных решений и живописное мастерство всегда были его сильной стороной, о чем можно говорить без излишней натяжки.

1960-е и 1970-е гг. стали для Н. П. Карачарскова этапом становления и зрелости: в картинах «О нас пишут» (1969), «Братья Ульяновы» (1969 — 1970) и других он без ложного пафоса изобразил героев своего времени, следуя идеологии и философии социализма в пока еще не обесцененном виде. Но как человек критического ума он в дальнейшем своем творчестве постепенно теряет свой оптимизм, и характер его творчества меняется. Уже в «Чувашской рапсодии» есть этот приближающийся надлом. Внешняя характеристика картины восходит к парадным многофигурным произведениям второй половины 1940 — 1950-х гг. — времени расцвета соцреализма.

Н. П. Карачарсков прошел в своем творчестве все стадии соцреализма: от картин «Портрет птичницы Агаковой Л. И.» (1959) и «Мои новые друзья» с милой деревенской детворой в духе решетниковской «Опять двойки» (1964) до кульминационного полотна «О нас пишут» (1969). Далее, в 1970-е гг., работая над близкой к суровому реализму серией картин «Люди колхоза “Янгорчино”», он переживает глубокое погружение в крестьянский мир и по-новому осмысливает его реалии, что и видим в картине «Чувашская рапсодия». В ней, бесспорно, принадлежащей к жанру «торжественных шествий», соцреалистический метод претерпевает явную переработку, обретая драматическую остроту. Если поставить в один ряд все известные картины этого жанра: «колхозные праздники», «торжественные заседания» и «парады», созданные ведущими художниками страны той поры, то главной их характеристикой является оптимизм и энтузиазм. При внешнем следовании жанру у Карачарскова проявляется новое, неоднозначное истолкование этих событий, где нет места патетике и воодушевлению соцреализма.

Замысел картины, возможно, рожден впечатлением художника от «Чувашской рапсодии для фортепиано с оркестром» композитора А. В. Асламаса. Созданная в 1948 г., она много раз перерабатывалась автором, но в итоге получила впечатляющее завершение. Использование старинных мелодий и песен в обработке Ф. П. Павлова, таких как «Асран кайми» и «Сёрен», придали ей «скрытый драматизм», как пишет музыковед И. В. Данилова [6, с. 29]. Это свойство, как кажется, было воспринято художником в первую очередь. В композиционном построении полотна им использованы темы как эпического, так и камерного характера. Широкой панорамой раскрывается пространство, заполненное людской массой до самого горизонта. В пронизанном ярким летним солнцем пейзаже, как

это было принято в этом парадном жанре, Н. П. Карачарсков пишет тяжелый по плотности цвета первый план с плотно стоящими группами людей, который с первого же взгляда дает ощущение диссонанса. Кроме того, в разнообразии лиц не видим единого воодушевления. Кажется, что художник специально усиливает контрасты, наполняя тему всенародного праздника скрытыми смыслами.

Продолжение этого настроения являют портреты, написанные Карачарсковым в 1980-е гг. В них — незавуалированный укор художника существующим социальным реалиям. В серии «Люди колхоза “Янгорчино”» видим потертые пиджаки стариков, на лацканах которых ордена и медали героев войны, ситцевые поношенные платья, растянутые кофты крестьянок, натруженные руки, сложенные на коленях, и у всех — бесконечная печаль в глазах. Рождается ощущение безысходности, которой не было в тех же портретах крестьян, написанных художником в предыдущих десятилетиях. В картине «Чувашская рапсодия» этот душевный настрой, явно прочитываемый в отдельных образах, создает драматическое напряжение. Художник чутко уловил тот предперестроечный момент в жизни общества, когда «народ безмолвствует» в ожидании неотвратимых перемен. Не говорить об этом сегодня мы не можем, ибо крушение социалистического формата жизни, при всей консервативности провинциальной жизни, столкнуло художественную жизнь республики на иную колею. Карачарсков обратился к приему великих мастеров исторической живописи, когда посредством изображения толпы воплощались грандиозные общественные сдвиги и события. Таким образом, картина Н. П. Карачарскова, при внешней близости к жанру «торжественных шествий», совершенно не вписывается в этот контекст. В дальнейшем критический настрой художника обрел еще более острое воплощение, в его работах появилось явное осуждение наступившего миропорядка, и в этом он часто переходил грань художественности.

С другой стороны, мы знаем такое направление в искусстве, как соц-арт, широко распространившееся в стране в этот период. В нем много иронии и даже цинизма по отношению к окружающей действительности советского периода. Оно имело место и среди художников Чувашии, но главным образом любительского уровня. Значительных произведений не было создано вовсе. В творчестве же Карачарскова критика настоящего имеет совершенно иную природу — ярко и эмоционально выраженную, почти плакатную, гражданскую позицию, как ни странно это звучит по отношению к живописи. В целом, в отдельных портретах и сюжетных картинах Н. П. Карачарсков написал историю родного села Шадрихи. Этот уникальный в Чувашии опыт создания живописной летописи времени останется отдельной страницей в искусстве XX столетия. В будущем, несомненно, он должен стать темой для исследователей чувашского искусства.

Картины «Навеки вместе» Н. В. Овчинникова и «Чувашская рапсодия» Н. П. Карачарскова оказались для них последними значительными работами, в которых оставались высокое живописное качество и, главное, органичное существование художников в той ипостаси, в которой они остались для потомков. До конца верные реалистической манере, они претерпели во второй половине творческого пути довольно жесткую ломку основ своих художнических принципов. Проблема была в том, что традиции советской живописной школы, суть соцреализма, они воспринимали слишком прямолинейно и не смогли понять или принять реалии новой жизни после смены в стране социальных парадигм. Поэтому Овчинников, будучи по сути своей конформистом, в погоне за актуальностью темы не смог

верно оценить глубинных перемен нового времени. Карачарсков же, оставаясь верным сельской тематике, искренне переживал судьбы своих земляков-поречан. В «перестроечные» времена, на рубеже 1980 — 1990-х гг., жизнь народа и в городе, и на селе стала крайне тяжелой. Отсюда и тот негатив, который в картинах художника со временем превратился из акцента в норму речи. Начиная с 90-х гг. прошлого столетия в мировоззрении Н. П. Карачарскова обозначился поворот в сторону активного неприятия новой действительности.

Масштабность замысла, на решение которой претендовали и Овчинников, и Карачарсков, не имеет в истории чувашской живописи других примеров. Оба мастера к 1985 г. находились на пике успеха и признания. Оба своими предыдущими произведениями доказали свою профессиональную состоятельность. Но, обратившись к истории зарубежного и русского искусства, находим шедевральное исполнение многофигурных картин мастерами Ренессанса и более поздних эпох. Вспоминаем Тициана и Боттичелли, Репина и Сурикова, уровень живописного мастерства которых позволяет поставить их произведения на вершину этого жанра. Поэтому, по самым высоким меркам, рассматриваемые полотна чувашских художников в этот ряд мирового искусства поставить трудно, о чем писали некоторые чувашские авторы. Хотя главное достоинство произведений великих — воплощенные идеи и художественные идеалы своего времени — в какой-то мере присутствовало и в полотнах чувашских мастеров. Вернее сказать, момент крушения идеалов.

Возвращаясь в 1985 г., отметим, что если Н. В. Овчинников и Н. П. Карачарсков при всем стремлении создать высокий образец исторической картины, не одолели этой высоты, то и Р. Ф. Федоров, и П. В. Павлов, каждый по-своему, решили эту проблему. И хотя общим для всех четверых было мировоззрение, сформированное в советскую эпоху, реальным пониманием событий и чувством времени обладали последние. Им, на наш взгляд, было гораздо проще воспринять новые перестроечные веяния: и Павлов, и Федоров — живописцы, которые начали свой самостоятельный путь немного позднее, их студенческие годы пришлось в основном на шестидесятые годы. Это очень важно, так как они оказались внутри столичного идеологического «бурления», были свидетелями известных социально-политических событий, в результате которых утвердился в искусстве «суровый стиль». Поддавшись его сильному влиянию, молодые художники после окончания института выработали манеру письма, отличную от академической, хотя каждый из них развивался совершенно по-своему. В середине 1980-х гг. Р. Ф. Федоров и П. В. Павлов были на пике своего творческого восхождения.

Петр Павлов в своих картинах шел в сторону крайнего аскетизма, как в цвете, так и в выборе деталей сюжета. Он не служил безоглядно вызовам времени и был верен выбранной теме и принципам — писать историю страны через судьбы людей и собственный жизненный опыт. В языке «сурового стиля», казалось бы, таком ограниченном в своем формальном репертуаре, художник находил все новые выразительные возможности. Так, на «Большой Волге — VI» Павловым была показана картина «Похороны коммунара» (1985. Х., м. 220 × 450), сохраняющая напряжение «сурового» цветосочетания ранних его полотен. Но в ней зарождается тот характерный для художника серо-голубой цвет, который превалирует во многих более поздних работах. Полотна крупноформатной серии — «Песни старой Чувашии» (1988 — 1989. Х., м. 151 × 273), не теряя монументальности,

Ил. 3. П. В. Павлов. Похороны коммунара. 1985. ЧГХМ

обретают это новое колористическое решение. Почти пастельные сочетания холодных тонов дают необходимую временную отдаленность и эмоциональную сдержанность. С переездом П. В. Павлова из Чебоксар в Ульяновск на выставках чувашских художников уже не стало картин исторического жанра достойного уровня. Появлявшиеся же раз от раза, несмотря на актуальность темы, не выдерживали серьезной критики. Пережив в 1990-е гг. свои худшие времена, исторический жанр сошел со сцены художественной жизни республики, а XXI в. пока не дал ни одного примера его возрождения.

Не остановился в своем живописном движении и Р. Ф. Федоров. В восьмидесятые годы он заметно выделился среди чувашских художников. Его картины, в отличие от полотен П. В. Павлова, наоборот, со временем все более и более обретали цветистость, дробность и формальную сложность, а содержание прочитывалось, «разгадывалось» в многочисленных предметах-символах и иносказаниях. Но в картине «Фреска о хлебе» (1985. Х., м. 260 × 365. ЧГХМ), показанной на «Большой Волге — VI», художник пока не перешел этой грани и сумел оформить высокую идею в равноценную художественную форму. Преодолевая графическую жесткость в построении композиции и в силуэтах фигур, Федоров организовал цветовую палитру в по-своему сдержанной гамме: богатый градиентами каждый цвет то приглушается, то обретает на этом фоне силу и звучность. Живописная наполненность и богатство приемов письма не разрушили строгого композиционного построения и соответствия своему названию. Термин «фреска» ассоциируется у нас с храмом, транслирует смысл сюжета в категорию высокого искусства. Выраженная статичность фигур и фризовая композиция, предметы, заключающие в себе символы мира, благополучия и плодородия, придают картине масштабность, наполняют пространство картины ощущением сакрального действия, предстояния. По нашему мнению, картина «Фреска о хлебе» стала этапной в творчестве мастера. Она завершила период творчества, когда стилистическая и сущностная составляющие картины находились в неразрывности и цельности.

Размышляя об уникальности творческого метода Р. Ф. Федорова, убеждаешься в очевидности его яркого живописного таланта, данного от природы. Он сумел использовать его в полной мере, компенсировав слабый рисунок, а часто и ком-

Ил. 4. Р. Ф. Федоров. Фреска о хлебе. 1985. ЧГХМ

позиционное решение. Цветовыми акцентами и структурой живописных мазков ему почти всегда удавалось собрать картину в законченный вид. Полученное на графическом факультете Харьковского художественного института образование ненадолго оттянуло время проявления Федорова-живописца. Первым прорывом к самому себе явилась работа над образом Михаила Сеспеля, в результате чего было написано два варианта картины — в 1968 и 1969 гг. Конечно, в композиционном строе, скупости деталей, выразительности силуэтов сразу видна приверженность суровому стилю. Но увлечение древнерусской иконной живописью дало импульс к поиску сложных цветовых отношений. Далее художник от картины к картине материализует свой живописный талант, как будто не зная границ в науке гармонизации цвета. Соединяя изумрудные цвета с невероятными карминами и розовыми, голубые с желтыми и черные с золотыми, он утверждал себя как живописец. Именно на рубеже 1980 — 1990-х гг. сложился собственный яркий стиль Р. Ф. Федорова. В его лице явился в Чувашии представитель умеренного советского авангарда. Среди молодых чувашских художников у него появляется много подражателей и последователей, главным образом, обучавшихся на художественно-графическом факультете пединститута. Они восприняли характерный живописный почерк Федорова с его притягательной энергетикой и цветовым напряжением, в котором был импульс для развития. Жаль, что для них в первую очередь стали ориентиром та самая бросающаяся в глаза цветистость и сверх меры динамичное письмо с мазками, «рвущими» все границы изображаемых предметов. Мастер остался единственным, кто в этой манере сохранял живописную культуру и не утратил «звучания» каждого цвета в общем строе картины. В 2000-х гг. эта цельность внешнего и внутреннего уходит из его работ. Вероятно, в стремлении к оригинальности художник пытается внести в содержание

некую многозначность и философский подтекст. В триптихе «Сеспель. Жизнь моя, за какими холмами...» (1989. Х., м. 180 × 110) мы принимаем такое осмысление поэзии чувашского поэта. В нем органично смотрится и включение, как часть триптиха, правое полотно с автопортретом Ван Гога, его «Подсолнухов» и изображением прекрасной дамы из XVI в. — составляющие творческие ориентиры самого художника. Но картина «Монолог. Композиция № 1» (1991. Х., м. 173 × 229) с гипертрофированными образами политической верхушки советской страны, жутковатыми лицами-масками, отсылкой к Сальвадору Дали и другими символами может быть поставлена в ряд многочисленных картин того времени с набором подобных деталей. Все это стало в то время избитой формулой в среде последнего слоя советских нонконформистов.

Обретенные Р. Ф. Федоровым в 1980-е гг. качества «картинщика» проявились во всех жанрах. Его пейзажи не кажутся случайными, они срежиссированы так же, как и портреты. В них присутствует ситуационный элемент. В сюжетных композициях всегда имеет место иносказание, предполагается смешение времен и пространств, скрытый подтекст, который не всегда раскрывается через изображаемое. Последнее качество — некоторая надуманная сложность сюжета, набор образов и предметов-символов во многих случаях рождает некоторую манерность и восходит к стереотипам популярного в этот период направления искусства соц-арт. Все эти явления на исходе советской страны, в том числе соц-арт как направление, быстро утратили свои сатирические качества и обрели главным образом иронический характер в искусстве постмодернизма. Кстати сказать, в чувашском искусстве, как и в общероссийском, это направление получило более широкое распространение, чем соц-арт, и, главное, долгую жизнь, не утратив своей актуальности и в настоящее время.

Возвращаясь к форме большой картины, в данном случае историческому жанру, необходимо еще раз напомнить, что Н. В. Овчинников и Н. П. Карачарсков работали исключительно в рамках академической школы. Но в 1990-е гг. они уже не смогли сохранить прежний уровень мастерства, хотя номинально оставались ведущими художниками реалистического направления. Старшему поколению художников было особенно сложно согласиться с тем, что идеи, которым они служили всю свою творческую жизнь, утратили ценность в современном обществе. В конце XX в. они уже понимали, что формат «советской» картины не может быть интересен для современников. Выход был, как им казалось, именно в новых, актуальных теперь сюжетах. Но, сменив тему, они бессильны были изменить свое понимание вещей и овладеть новой манерой письма.

* * *

Взяв на себя анализ крупноформатных полотен выставки «Большая Волга — VI» как наиболее показательных для заявленной темы, мы оставили за пределами настоящей статьи другие жанры живописи. Отметив, что историческая картина, эпизодически появлявшаяся на выставках конца XX столетия, а сегодня полностью исчезнувшая из сферы интересов чувашских мастеров, констатируем развитие других жанров, обретающих подчас формы и качество, достойные искусствоведческого внимания. В первую очередь заслужили этого художники, которые ко времени «Большой Волги — VI» уже обрели свой неповторимый, органически присущий им индивидуальный почерк, и стояли в ряду ведущих художников республики. Это В. И. Агеев, В. Л. Немцев и Н. А. Енилин, в полной

мере освоившие в своем творчестве все жанры. На выставке они представили картины: В. И. Агеев — «Женщины из Аксарино» (1982), В. Л. Немцев — натюрморт «Калина красная» (1982) и Н. А. Енилин — «Здесь матери водили хороводы» (1984 — 1985), которые вошли сегодня в фонд классики советского чувашского искусства. Замечательными образцами искусства социалистического реализма явились сюжетные работы станкового формата, пейзажи и натюрморты других художников. Погружаясь в экспозицию «Большой Волги — VI», невозможно обойти и жанр портрета, который в количественном отношении стоит после пейзажа — самого востребованного живописцами Чувашии. В целом на выставке преобладала реалистическая живопись хорошего качества, которая в равной степени представляла линию и соцреализма, и «сурового» стиля.

Богатое художественное наследие ушедшего столетия, на наш взгляд, требует целостного взгляда и всестороннего анализа. Задачей современной искусствоведческой науки стоит пристальное рассмотрение и серьезный анализ всего объема, созданного в XX в. изобразительного материала. И не только живописи, но и всех видов и жанров искусства. Сосредоточившись на событиях последних десятилетий прошедшего столетия, в корне изменивших ход социально-политической жизни, а вслед за этим и культурной парадигмы, мы нашли наиболее яркое их отражение в крупноформатных полотнах исторического жанра.

Заключение

Живопись последней четверти XX в. сфокусировала в себе лучшие достижения предыдущей истории чувашского изобразительного искусства и стала посылом в будущее, отразив нарождающиеся тенденции к ее обновлению. Реалистическая линия академического плана, на наш взгляд, именно в этот период разрешилась последними крупноформатными полотнами, в полной мере продемонстрировавшими глубокие внутренние изменения в духовной жизни общества. Наиболее ярко это было явлено на зональной выставке «Большая Волга — VI», проведенной в Чебоксарах. В культурной жизни республики она стала событием, поражающим своим масштабом и разнообразием видов и жанров искусства. Произведения художников Чувашии среди картин мастеров других республик и областей в экспозиции не затерялись. Более того, картины большого формата на исторические темы дали исключительно значимые характеристики тех глубоких изменений, которые происходили в общественно-политической и духовной жизни того времени. Исследователям чувашского изобразительного искусства они представляют сегодня богатейший материал. Поэтому логичным был ее выбор в качестве примера, как главной точки отсчета в ходе событий меняющегося мира. Выставка стала последней крупной экспозицией в XX в., которая в полном объеме представила современное официальное искусство советской Чувашии со всеми его традиционными и новаторскими направлениями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Автономова А. Н. История чувашского народа в произведениях Н. В. Овчинникова // Николай Васильевич Овчинников: сборник статей и материалов / сост. и науч. ред. Ю. В. Викторов. Чебоксары : ЧГИГН, 2017. С. 39 — 44.
2. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах / под общ. ред. Ф. М. Головенченко. Москва : ОГИЗ : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1948. Т. III. Статьи и рецензии 1843 — 1848 / ред. В. И. Кулешова. 926 с.
3. Викторов Ю. В. Чувашская станковая живопись XX века: [монография-альбом]. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2018. 256 с.

4. Воронов Н. В. Н. В. Овчинников // Николай Васильевич Овчинников: сборник статей и материалов / сост. и науч. ред. Ю. В. Виктор. Чебоксары : ЧГИГН, 2017. С. 91 — 102
5. Григорьев А. Г. Большая Волга: каталог произведений. Чебоксары : Изд-во Чуваш. обкома КПСС, 1985. 58 с.: ил.
6. Данилова И. В. Концертный жанр в творчестве А. Асламаса // Вопросы истории чувашского искусства / ред. В. А. Прохорова. Чебоксары : ЧНИИЯЛИЭ, 1987. С. 27 — 34.
7. Николай Васильевич Овчинников: сборник статей и материалов / сост. и науч. ред. Ю. В. Виктор. Чебоксары : ЧГИГН, 2017. 204 с.: ил.

REFERENCES

1. Avtonomova A.N. The history of the Chuvash people in the works by N. V. Ovchinnikov // Nikolai Vasilyevich Ovchinnikov: the collection of articles and materials / complier and scientific editor Y. V. Viktorov. Cheboksary;2017:39 — 44. (In Russ.)
2. Belinsky V. G. The works by Alexander Pushkin // V. G. Belinsky. Collected works in three volumes / under the general editorship of F. M. Golovchenko. Moscow;1948. Vol. III. The articles and reviews of 1843 — 1848 / edited by V. I. Kuleshov. 926 p. (In Russ.)
3. Viktorov Y. V. The Chuvash easel painting of XX century: [monograph album]. Cheboksary;2018:256. (In Russ.)
4. Voronov N. V. N. V. Ovchinnikov // Nikolai Vasilyevich Ovchinnikov: the collection of articles and materials. Complier and scientific editor by Y. V. Viktorov. Cheboksary;2017:91 — 102. (In Russ.)
5. Grigoriev A. G. The Big Volga: the catalog of works. Cheboksary;1985:58:ill. (In Russ.)
6. Danilova I. V. Concert genre in the works by A. Aslamasa // the history of the Chuvash art / edited by V. A. Prohorov. Cheboksary;1987:27 — 34. (In Russ.)
7. Nikolai Vasilyevich Ovchinnikov: the collection of articles and materials / complier and scientific editor Y. V. Viktorov. Cheboksary; 2017:204: ill. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.08.2024;
одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 16.04.2025

Информация об авторе:

Мордвинова Антонина Ильинична, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),

кандидат искусствоведения, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7822-5204>, amordvinova@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 10.08.2024;
approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 16.04.2025

Information about the author:

Antonina I. Mordvinova, leading researcher at the Chuvash State Institute of Humanities
(29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia), candidate of Arts, Associate Professor,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7822-5204>, amordvinova@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 10.08.2024 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҫҗӑн 16.09.2024 ырланӑ; 16.04.2025 пичете йышӑнӑ

Автор җинчен:

Мордвинова Антонина Ильинична, Чӑваш патшалӑх гуманитар
ӑслӑлӑхӗсен институчӗн ӑслӑлӑх ертӗҫӗ ӗҫтешӗ
(428015, Раҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),

искусствоведени кандидачӗ, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7822-5204>, amordvinova@yandex.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ җуккине пӗлтерет.

Автор ал җырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS / РЕЦЕНЗИСЕМ

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

NEW WORK ON THE HISTORY AND ETHNOGRAPHY OF THE PEOPLES OF THE VOLGA REGION AND THE CIS-URALS IN THE SECOND HALF OF 19th CENTURY

АТӐЛСИПЕ УРАЛСӐМ ХАЛӐХӐСЕН XIX ӐМӐРӐН ИКӐМӐШ СӐРРИНЧИ ИСТОРИЙӐПЕ ЭТНОГРАФИЙӐ СИНЧЕН СӐНӐ ӐС

Рец. на книгу: Магницкий В. К. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1. Труды по этнографии народов Поволжья и Приуралья / сост. Ю. В. Гусаров, А. А. Чибис. — Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2024. — 400 с.

Е. В. Касимов,

доцент Чувашского государственного педагогического
университета им. И. Я. Яковлева, кандидат исторических наук,
г. Чебоксары, Россия
ORCID: 0000-0001-6058-9652, kasimov-chgpu@mail.ru

The review on the book: Magnitsky V. K. The collection of works in 5 volumes. Vol. 1. The works on ethnography of the peoples of the Volga region / compiled by Y. V. Gusarov, A. A. Chibis. — Cheboksary : Chuv. book publ., 2024. — 400 p.

E. V. Kasimov,

Associate Professor of the Chuvash State Pedagogical University
named after I. Y. Yakovlev,
Cheboksary, Russia
ORCID: 0000-0001-6058-9652, kasimov-chgpu@mail.ru

КӐнеке: рец.: Магницкий В. К. СӐрнисен 5 томӐ пуххи. 1 т. АтӐлси халӐхӐсен историйӐпе этнографийӐ синчен / Ю. В. Гусаровпа А. А. Чибис пухса йӐркеленӐ. — Шупашкар : Чӑваш кӐн. изд-ви, 2024. — 400 с.

Е. В. Касимов,

И. Я. Яковлев ячӐллӐ Чӑваш патшалӑх педагогика университетӗ,
истори ӑслӑӑхӐсен кандидачӗ,
Шупашкар хули, Раççей
ORCID: 0000-0001-6058-9652, kasimov-chgpu@mail.ru

© Касимов Е. В., 2025

Первый том собрания сочинения видного этнографа, историка, фольклориста В. К. Магницкого (1839 — 1901), подготовленный к изданию сотрудниками Чувашского государственного института гуманитарных наук, историками Ю. В. Гусаровым, А. А. Чибисом при участии этнографа Г. Б. Матвеева и увидевший свет в конце 2024 г., представляется очень актуальным и важным с точки зрения расширения имеющихся знаний о жизни народов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX в. и более ранние эпохи. Печатные труды В. К. Магницкого давно получили признание как ценный источник прежде всего по этнографии чувашей и марийцев. Издание вводит в широкий научный оборот собранные ученым-самоучкой этнографические сведения и о других народах Поволжья и Приуралья — русских, удмуртах, татарах, тесно взаимодействовавших с чувашами

и марийцами. Уникальность работам В. К. Магницкого придает тот факт, что автор нередко сопоставляет жизнь представителей разных этнических групп, подмечая различия между ними. Нельзя не отметить и огромное количество мельчайших этнографических деталей, scrupulously зафиксированных исследователем.

В первый том вошли как уже изданные труды В. К. Магницкого по этнографии народов Поволжья (нередко без указания авторства), так и сохранившиеся в рукописном виде. Тексты статей этнографа, опубликованные в 1860 — 1890 гг. в казанских, петербургских и московских газетах «Волжский вестник», «Волжско-Камское слово», «Голос», «Казанские губернские ведомости», «Камско-Волжский край», «Русские ведомости», давно ставших библиографической редкостью, приведены в том числе по цензорским экземплярам газет, хранящимся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета. Рукописи неопубликованных трудов были выявлены составителями главным образом в личном фонде В. К. Магницкого в Государственном историческом архиве Чувашской Республики, а также в Научном архиве Русского географического общества (г. Санкт-Петербург). В ряде случаев составители уточняли и дополняли содержание печатного варианта работы материалами сохранившихся черновиков.

Книга предваряется обстоятельным предисловием, в котором в мельчайших деталях представлена биография В. К. Магницкого, показана его работа с информаторами, дана общая оценка научного наследия, описана история издания трудов неутомимого исследователя. Предисловие строго научно по своему содержанию, все факты подтверждаются многочисленными ссылками на исторические источники и литературу. Кроме того, в предисловии достаточно подробно охарактеризовано содержание вошедших в издание трудов, объяснена логика структуры сборника, описаны особенности археографической обработки текста (с. 5 — 25).

Историко-этнографические исследования В. К. Магницкого, вошедшие в первый том, систематизированы по двум разделам, облегчающим читателям поиск необходимой информации. В первом разделе приведены труды по вопросам этнографии и истории отдельных народов Волго-Уралья — марийцев, русских, удмуртов, волго-уральских татар (особо выделены казанские татары, татары-мишари, кряшены). Второй раздел включает работы по вопросам этнографии и истории двух и более народов Волго-Уралья, в том числе чувашей и башкир, которые, на самом деле, нередко упоминаются и в работах первого раздела.

Публикуемые историко-этнографические исследования охватывают самые разные стороны повседневной жизни народов Поволжья и Приуралья. Наибольшее внимание в работах В. К. Магницкого уделяется описанию домашнего быта, хозяйства и промыслов, религиозных верований, праздников и обрядов, традиционных народных костюмов; в большом количестве приводятся пословицы, предания и приметы. Этнограф старался максимально детально, во всех подробностях осветить эти аспекты жизни местного населения, заполняя тем самым многочисленные лакуны в знаниях об «инородцах» Российской империи. Ведь, как отмечал сам В. К. Магницкий, «Край наш — край во всех отношениях terra incognita. Начиная с вопроса, когда и как он заселился, и кончая современным бытом его исконного населения — сведений почти вовсе не встречаешь в печати» (с. 151).

При этом исследователь не просто фиксировал факты, но обобщал их, делая важные выводы о происходивших трансформациях в пореформенной деревне. В частности, в одной из работ он подчеркивал, что чуваш и черемисы, «несмотря на зачисление их с лишком сто лет назад в православные христиане, до сих пор находятся в глубоком язычестве», и в то же время он обосновывает видоизменение «языческого мирозерцания чуваш и черемис» (с. 29, 154). Часто автор прибегал к сравнительной характеристике элементов духовной и материальной культуры народов Волго-Уральского региона, благо, что богатый собранный им этнографический материал позволял это делать с высокой степенью научной достоверности.

Нельзя не отметить приводимые В. К. Магницким уникальные сведения о преступлениях и проступках, распространенных во второй половине XIX в. в Чебоксарском уез-

де Казанской губернии, которые были классифицированы и описаны им по десяти видам: против веры; государственные; против порядка управления; против постановлений по службе государственной и общественной; против постановлений о повинностях государственных и земских; против имущества и доходов казны; против общественного благоустройства и благочиния; против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц; против прав семейственных; против собственности частных лиц (с. 237 — 292).

Составителями проделана огромная работа по распознаванию рукописей В. К. Магницкого, их археографической обработке, научной систематизации. На высоком профессиональном уровне подготовлены справки о публикуемых трудах и рукописях, где указывается время создания или публикации работы, место хранения документа в настоящее время, если речь идет о рукописи. Тексты сопровождаются многочисленными комментариями, содержащими переводы на русский язык чувашских терминов и фольклорных текстов, объяснения устойчивых оборотов, пояснения к описываемым народным обрядам, сведения об упоминаемых автором трудах, людях, государственных учреждениях, населенных пунктах и др.

Облегчает работу с книгой наличие географического и именного указателей, словаря терминов и устаревших слов, списка сокращений (с. 360 — 397). Их наличие представляется чрезвычайно важным, поскольку в большинстве работ В. К. Магницкого упоминается большое количество имен и населенных пунктов, а речь автора насыщена бытовыми понятиями из XIX в., не всегда понятными в наши дни.

В целом не вызывает сомнений, что перед нами оригинальный труд, который будет востребован современными исследователями истории и этнографии народов Поволжья и Приуралья, поскольку существенно расширяет представления о повседневной жизни и традиционной культуре народов Волго-Уральского региона в пореформенный период российской истории.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025, принята к публикации 12.05.2025;
the article was submitted 30.04.2025, accepted for publication 12.05.2025;
статья редакции 30.04.2025 җитнӗ, пичетлеме 12.05.2025 йышӑннӑ

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал ҫыравӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ тата ырланӑ

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПОБЕДА ЕДИНСТВА: НАРОДЫ ЕВРАЗИИ В БОРЬБЕ
С ФАШИЗМОМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 — 1945)»**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE
«VICTORY OF UNITY: THE PEOPLES OF EURASIA
IN THE STRUGGLE AGAINST FASCISM DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941 — 1945)»**

**«ПЁРЛĖХ СĖНТЕРЁВĖ: ЕВРАЗИ ХАЛÄХĖСЕМ
ТАВАН СĖР-ШЫВАН ÄSLÄ ВÄРÇИН СҮЛĖСЕНЧЕ (1941 — 1945)
ФАШИЗМПА КĖРЕШНИ» ПĖТĖМ ТĖНЧЕ
ÄSLÄLÄXПА ПРАКТИКА КОНФЕРЕНЦИЙĖ**

С 5 по 7 мая 2025 г. в г. Чебоксары прошла Международная научно-практическая конференция «Победа единства: народы Евразии в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945)». Организаторами выступили Министерство образования Чувашской Республики, Совет ректоров вузов Чувашской Республики, Институт истории Национальной академии наук Республики Беларусь, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чувашский республиканский институт образования, Российское военно-историческое общество и Российское общество «Знание».

Научный форум, приуроченный к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, объединил более 150 историков и других ученых-гуманитариев из 10 стран: России, Azerbaijan, Республики Беларусь, Болгарии, Китая, Кыргызстана, Сербии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Перед официальным открытием представители поисковых отрядов Чувашии провели мастер-классы — поделились опытом поиска пропавших без вести солдат и их последующей идентификации на основе медальонов, именных личных вещей и архивных документов.

На пленарном заседании с приветственным словом выступил министр образования Чувашской Республики Дмитрий Захаров: «Сегодня я рад вас приветствовать, и Глава Чувашской Республики Олег Николаев уполномочил меня поприветствовать всех гостей, которые приехали в город Чебоксары для участия в конференции. Уверен, что международная конференция положит еще дополнительные кирпичики в историю Великой Отечественной войны и раскроет белые пятна». Министр отметил единство народов Евразии в противостоянии фашизму, рассказал о вкладе тыла в общую Победу, напомнил, что в Чувашии более 120 тыс. человек были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.». Фактически каждый третий взрослый житель Чувашской Республики, не призванный на фронт, получил эту медаль. Еще свыше 400 передовиков промышленности, транспорта и сельского хозяйства были удостоены орденов и медалей Советского Союза.

Слова приветствия в очном и онлайн-форматах также прозвучали от заместителя генерального директора Российского общества «Знание» Георгия Будного, директора Института истории Национальной академии наук Беларуси Вадима Лакизы, члена Общественной палаты Российской Федерации, председателя Регионального отделения Российского военно-исторического общества в Республике Башкортостан Рамиля Рахимова, председателя Совета ректоров вузов Чувашии, ректора ЧГУ им. И. Н. Ульянова Андрея Александрова, представителя Социологической ассоциации Кыргызстана и профессорско-преподавательского состава Бишкекского государственного университета им. К. Карасаева Бакытбека Малтабарова и др.

В рамках конференции состоялись выступления ведущих ученых. Пленарные доклады представили: доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель Центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории

РАН Василий Христофоров (*«Историческая память о Победе в Великой Отечественной войне: современные нарративы»*); доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и преподавания истории Азербайджанского государственного педагогического университета Севиндж Алиева (*«Вклад азербайджанского народа в Великую Победу: Память, Гордость, Наследие (к 80-летию Великой Отечественной войны)»*); доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН Дина Аманжолова (*«Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти: некоторые проблемы постсоветской историографии»*); доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и культурологии НИУ Московского энергетического института, ведущий научный сотрудник Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института российской истории РАН Станислав Аристов (*«Сопротивление советских военнопленных в нацистских концлагерях (1941 — 1945 гг.)»*); кандидат филологических наук, доцент Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы Маргарита Дядченко (*«Формирование образа Великой Отечественной войны у молодежи средствами современного российского кинематографа»*); лектор Российского общества «Знание», член Совета ветеранов органов безопасности Волгоградской области Павел Чебаненко (*«Оккупационный режим немецко-фашистских войск в Сталинградской области в 1942 — 1943 гг. Исторический ракурс»*).

В своих докладах исследователи отметили вклад всех народов страны в разгром фашистской Германии, рассказали о современных подходах, дискуссиях и оценках важнейших событий военной истории, международном значении Победы в Великой Отечественной войне.

Обсуждение изысканий продолжилось на секционных площадках «На фронтах Великой Отечественной войны: трудный путь к Победе. Историография и источники», «Трудовой героизм в тылу», «Советское общество в годы войны: идеология, культура, образование, наука, повседневность» и «Историческая память о Великой Отечественной войне и современность». Участники представили свои наработки и обменялись мнениями по актуальным вопросам изучения военной истории и сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны.

По итогам работы конференции будет издан сборник докладов участников с поста-тейным размещением в базе данных РИНЦ.

А. Д. ГАВРИЛОВ,
научный сотрудник ЧГИГН

Представители оргкомитета Международной конференции
«Победа единства: народы Евразии в борьбе с фашизмом
в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)»

Министр образования Чувашской Республики Дмитрий Захаров
выступил с приветственным словом к участникам конференции

На пленарном заседании представил доклад доктор юридических наук,
профессор, член-корреспондент РАН Василий Христофоров

Представители поисковых отрядов Чувашии рассказали
об экспедиционной работе в рамках Всероссийской акции «Вахта Памяти»

Димитрий Егоров (г. Чебоксары) и Алексей Суслов (г. Казань) —
модераторы секции «Трудовой героизм в тылу»

Участники конференции

Работа секции
«Историческая память о Великой Отечественной войне и современность»

Доктора исторических наук Иван Бойко (г. Чебоксары)
и Севиндж Алиева (Азербайджан, г. Баку) обсуждают выступления докладчиков

Валентина Харитоновна (г. Чебоксары) и Рафаиль Шайдуллин (г. Казань) — модераторы
секции «На фронтах Великой Отечественной войны: трудный путь к Победе.
Историография и источники»

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ

Принятые редакцией статьи в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала. Проверка оригинальности (не менее 75 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат».

При оформлении статьи авторы должны придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в электронном виде. В качестве имени файла используется фамилия первого автора на русском языке (например, Иванов.doc). Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис.1.jpeg).

2. В случае, если автором статьи выступает аспирант или магистрант, или автор, не имеющий ученой степени, то необходимо представить отзыв научного руководителя, заверенный печатью учреждения по месту его работы.

3. Статьи публикуются на русском, английском и чувашском языках.

4. Объем текста статьи должен составлять от 0,5 до 1 (одного) печатного листа (40 000 печатных знаков с пробелами), включая рисунки, таблицы и графики.

5. Редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx, .rtf. Используется шрифт Times New Roman, размер кегля — 14, интервал — 1,5 строки. Расстановка переносов вручную не допускается. Формат бумаги А4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

6. Рисунки представляются отдельно в формате .jpeg, подрисовочные подписи выполняются 12 кеглем.

7. Текст таблиц набирается 12 кеглем. В случае, если рисунки и таблицы не авторские, следует сделать ссылки на источники.

8. **Структура статьи** (ГОСТ Р 7.0.7—2021):

1) *в начале* на отдельной строке слева: УДК (индекс универсальной десятичной классификации), под ним ББК (код библиотечно-библиографической классификации) (присваиваются редакцией). Отдельной строкой слева указывается тип статьи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; дискуссионная статья; персоналии; редакторская заметка; рецензия на книгу; рецензия на статью, спектакль и т. п.

2) *Заглавие статьи*

Заглавие должно кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования.

3) *Инициалы и фамилия автора*; организация, город, страна, электронный адрес (если статья подготовлена двумя и более авторами, то указывают только электронный адрес автора, ответственного за переписку, со знаком ✉).

4) *Аннотация*

Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации — 150 — 250 слов.

5) *Ключевые слова*

Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 5 и больше 15 слов (словосочетаний).

6) *Финансирование* (при необходимости).

7) *Благодарности* (при необходимости).

Данные п. 1 — 7 представляются в переводе на английский и чувашский языки и размещаются после русского варианта.

Основной текст статьи включает следующие разделы:

1) *Введение*

2) *Материалы и методы*

3) *Результаты исследования*

4) *Заключение*

В список источников *не включаются* словари, энциклопедии, многотомные издания, нормативные документы, авторефераты и диссертации, учебные и учебно-методические

пособия, художественная литература, тезисы и материалы локальных конференций, сборники документов и материалов, газетно-журнальные публикации, архивные материалы и др., не представленные в сети Интернет в свободном доступе.

Публикация статей бесплатная.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Внутритекстовые ссылки

При наличии нумерованного списка литературы внутри текста помещают отсылку к списку.

Отсылку, содержащую порядковый номер издания, на которое ссылаются, приводят в квадратных скобках. Пример: «Интересный обзор зарубежной практики модернизации производства содержится в монографии И. И. Рушинова» [34].

Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер издания в списке и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [12, с. 94].

Если ссылку приводят на многотомный документ в целом, в отсылке указывают также обозначение и номер тома (выпуска, части и т. п.): [3, т. 3, с. 170].

Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяются знаком «точка с запятой [;]» [10, с. 56; 23, с. 45—46].

ССЫЛКИ НА АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

¹ ГАСИ ЧР. Р-3211. Оп. 1. Д. 192. Л. (или С.) 23 — 25.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. (или С.) 18 — 20.

Список источников составляется **в алфавитном порядке!**

Для списка источников используется шрифт Times New Roman, размер кегля 12, интервал 1,5 строки. Оформляется на русском языке («СПИСОК ИСТОЧНИКОВ») и английском языках («REFERENCES»).

10. Информация об авторе (авторах).

Основные сведения об авторах содержат: имя, отчество, фамилия автора (полностью); наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); ORCID (при наличии); электронный адрес автора, тел. автора.

Образец: Формат цитирования: Иванов И. И. О чувашских коллекциях профессора П. П. Петрова в Российском этнографическом музее // Современная гуманитаристика / Modern humanities. 2025. Т. 1. № 1. С. 126 — 141.

Вклад авторов.

Если статья имеет несколько авторов, сведения о вкладе каждого автора приводят в конце статьи после «Информации об авторах».

11. Статьи, не соответствующие п. 4 — 10, не рассматриваются.

12. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, в течение трех дней автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

13. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят процедуру рецензирования. Каждая статья проходит одностороннее слепое (анонимное) рецензирование.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для их публикации.

14. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Более подробно с требованиями к статьям и образцом статьи можно ознакомиться на сайте ЧГИГН: <https://chgign.ru>

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА /
MODERN HUMANITIES / ХАЛЬХИ ГУМАНИТАРИСТИКА

2025
Том 1. № 2

Редактор *Е. П. Семенова*
Технический редактор *Н. Г. Герасимова*
Верстка *Э. В. Кирилловой*

16+

Подписано в печать 03.06.2025.
Выход в свет 23.06.2025. Печать оперативная.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл.-печ. л. 11,37. Уч.-изд. л. 12,17. Тираж 100 экз. Заказ № К-136.
Цена свободная.

Учредитель:
БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики,
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005,
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005, e-mail: sovrem_human@rambler.ru,
web: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в типографии «Новое Время»
428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1

ISSN 3034-6827

9 773034 682009 >